

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

ВАН То

ПРОДВИЖЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РФ КАК ИНСТРУМЕНТ
МЯГКОЙ СИЛЫ КНР В 2001 - 2025 гг.

Специальность 5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Понька Татьяна Ивановна

Москва – 2026 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ КНР: КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В РФ	34
1.1. Эволюция осмысления мягкой силы в работах ученых	34
1.2. Становление теории мягкой силы в китайской науке	46
1.3. Содержание продвижения китайского языка в РФ	62
ГЛАВА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РФ В 2001 - 2013 ГГ.....	75
2.1. Изучение китайского языка в дошкольных учреждениях и школах	75
2.2. Изучение китайского языка в высших учебных заведениях.....	93
2.3. Распространение китайского языка через Институты Конфуции	102
ГЛАВА 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РФ В 2013 - 2025 ГГ.....	117
3.1. Изучение китайского языка в дошкольных учреждениях и школах	117
3.2. Изучение китайского языка в высших учебных заведениях.....	128
3.3. Распространение китайского языка через Институт Конфуции	139
3.4. Новые платформы для изучения китайского языка в РФ	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	155
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	162

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена процессами формирования многополярной системы международных отношений, одной из особенностей которой является ослабление влияния западной цивилизации во главе с США, как единственного центра силы, с одной стороны, и нарастание темпов развития новых центров силы на базе динамично развивающихся стран во всех регионах мира, — с другой. В международных отношениях растет влияние Китая, России, Турции, Ирана, Индии, которые в скором времени могут превратиться не только в экономические, но и в самостоятельные военно-политические субъекты, способные активно защищать свои цивилизационные ценности и интересы, что вызывает неизбежное столкновение старого и новых центров силы. Возникающее противоречие вызвало резкое обострение международной обстановки, дипломатия и диалог теряют свою прежнюю миротворческую миссию, а основными аргументами при разрешении противоречий выступают военная сила, экономические санкции, репрессии против инакомыслящих и блокировка иностранных СМИ, что грозит многочисленными бедами всему человечеству. Преобладание роли военного фактора при разрешении международных конфликтов повышает значимость гуманитарных отношений между государствами. Связи между народами в области образования, науки, культуры, молодежных обменов, спорта, туризма СМИ и т. д. способствуют снижению международной напряженности, продвижению своих национальных интересов в международной среде, улучшают имидж государства и его граждан в глазах других народов.

Актуальность темы исследования обусловлена также возросшим интересом к Китаю. За небольшой период времени из слаборазвитой страны Китай превратился в геостратегического лидера. Китай прочно утвердился в сфере экономики на позициях одного из мировых лидеров, он неуклонно движется по пути социально-экономических реформ, проводит активную и

миролюбивую внешнюю политику. Во внешней политике китайское руководство придает большое значение гуманитарному аспекту. Посредством связей в области науки, культуры, СМИ, спорта, Китай пробуждает интерес к своей богатой истории, национальным традициям и ценностям, улучшая свой имидж в лице партнеров. Одним из главных внешнеполитических партнеров Китая является Россия. В период геополитических изменений и беспрецедентного давления Запада оба государства широко используют гуманитарные связи для формирования положительного имиджа своих стран, продвижения своих политических и экономических интересов в международной среде.

Актуальность темы исследования обусловлена также возрастанием роли китайского языка в международном общении. Изучение китайского языка становится все более востребованным и актуальным во всем мире. Китайский язык является самым распространенным языком в мире, на нем говорит более 1 миллиарда человек, он является одним из шести рабочих языков ООН и соревнуется с английским языком по популярности в мире. Интерес к китайскому языку неуклонно растет и в России. В значительной степени этому способствует развитие китайско-российских отношений в формате стратегического партнерства, наметившаяся с 2014 г. переориентация основного вектора внешней политики России на Восток, а также активное сотрудничество России и Китая в рамках ШОС и БРИКС. В России специалисты со знанием китайского языка востребованы в политике, бизнесе, культуре. Изучение китайского языка в России позволяет лучше понять китайскую культуру, традиции, знание китайского языка может стать конкурентным преимуществом при поиске работы в международных компаниях и организациях, что также актуализирует тему исследования.

Степень изученности проблемы исследования. Всю выявленную по теме исследования научную литературу представляется разделить вначале по языковому признаку на литературу на русском, китайском и английском языках.

Литературу на русском языке по изучаемой в них проблематике можно объединить в ряд групп.

К первой группе можно отнести исследования, в которых рассматривается понятие «мягкой» силы и ее места и роли во внешней политике государств. Это работы М.Б. Белоусовой, Я. В. Лексютиной¹, А.О. Наумова², М.А. Неймарк³, П. Б. Паршина⁴, Е. П. Пановой⁵, М. М. Лебедевой⁶, Ю. И. Матвеевко⁷, В. Л. Суворова⁸, С. Черных⁹, А. П. Цыганкова¹⁰ и др.

Многие исследователи, анализируя понятия «сила» в международных отношениях, «мягкая сила» «жесткая сила», отмечают, что «понятие «силы» принадлежит к числу ключевых и одновременно наиболее дискуссионных в теории международных отношений. Как и большинство категорий, понятие «силы» в теории международных отношений не имеет устоявшегося, общепринятого определения¹¹.

Для настоящего исследования определяющим стало мнение известного специалиста в области международных отношений М. М. Лебедевой, что

¹ Радиков И. В., Лексютина Я. В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // *Мировая*

экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19–37.

² Наумов А.О., Белоусова М.В. Эволюция концепции "мягкой силы" Дж. Ная: от рождения идеи до наших дней // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество).* 2022. № 2. С. 3-23; Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: Аргатакмедиа, 2016. 274 с.

³ Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Дашков и К, 2018. 267 с.

⁴ Паршин П.Б. «Мягкая сила» в лабиринте дискуссий. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2020. 285 с.

⁵ Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // *Вестник МГИМО Университета.* 2010. № 4. С. 91–97.

⁶ Лебедева М. М. Ресурсы влияния в мировой политике // *Полис.* 2014. № 1. С. 103.

⁷ Матвеевко Ю.И., Галаева М.Г. Мягкая сила" как фактор современной геополитики // *PolitBook.* 2015. № 1. С. 165-179.

⁸ Суворов В.Л., Парамонов В. «Мягкая сила» в меняющемся мире: сила или слабость? // *Международная жизнь.* 08. 01.2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/49665> (дата обращения: 12.03.2026).

⁹ Черных С. Методы "мягкой силы" в политике и экономике // *Общество и экономика.* 2023. № 1. С. 27-36.

¹⁰ Цыганков А. П. Всесильно, ибо верно? «Мягкая сила» и теория международных отношений // *Россия в глобальной политике.* 2013. № 6. С. 26–36.

¹¹ Новоселов С. В. Понятие, роль и значение «мягкой силы» в современных международных отношениях // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2015 г. № 4 (45). С. 163.

«мягкая сила» представляет собой деятельность, направленную на формирование привлекательности для других акторов международных отношений¹².

А.О. Наумов и А.О. Белоусова рассматривают развитие концепции «мягкой силы», предложенной на рубеже XX–XXI веков американским политологом Дж. Наем-младшим, анализируя этапы её формирования и распространения, приходят к выводу, что «если на заре своего появления концепция «мягкой силы» была основана, в первую очередь, на универсальности западной системы ценностей, которая не имела конкуренции, то трансформация мирового порядка в сторону многополярной структуры имела последствием возникновение альтернативных мировоззренческих систем¹³.

В то же время, представляется верным суждение Я. В. Лексютиной и И. В. Радикова: «Не следует абсолютизировать роль и значимость “мягкой силы” в международных отношениях. Безусловно, наличие единых ценностей, разделяемых государствами, способствует сотрудничеству между ними, однако отнюдь не является решающим моментом. Поведение государства диктуется, прежде всего, его интересами, а не факторами субъективного порядка»¹⁴.

В. Л. Суворов, анализируя понятие и роль «мягкой» силы в современных международных отношениях, делает вывод, что понятие «мягкая сила» «прочно вошло в теорию международных отношений как механизм реализации национальных интересов государств и средство урегулирования конфликтов»¹⁵. Также полезно было мнение ученого о том, что «мягкая

¹² Лебедева М. М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 103.

¹³ Наумов А.О., Белоусова М.В. Эволюция концепции "мягкой силы" Дж. Наем: от рождения идеи до наших дней // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022. № 2. С. 21.

¹⁴ Радиков И. В., Лексютина Я. В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 26.

¹⁵ Суворов В.Л., Парамонов В. «Мягкая сила» в меняющемся мире: сила или слабость? // Международная жизнь. 08. 01.2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/49665> (дата обращения: 12.03.2026).

сила» в ее прежнем содержании, связанная с открытой дипломатией и миротворчеством, постепенно уступает место политике, основанной на лжи, лицемерии и обмане. Все это, конечно, разрушает те отношения доверия между государствами, что «мягкая» сила всегда будет оставаться силой государства, если она основана на принципах правды и справедливости»¹⁶.

К *следующей группе* можно отнести работы, посвящённые широкому спектру отношений Китая и России. Это работы известных китаеведов: А. В. Виноградова¹⁷, А. Д. Воскресенского¹⁸, И. Ю. Зуенко¹⁹, В. Б. Кашина²⁰, В. Л.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Vinogradov A. Russia and China: developmental models for Eurasia. В сб.: The “Asian Turn” in Russian Foreign Policy. Singapore, 2024. С. 19-52; Виноградов А. В. Китай в современном глобальном противостоянии //Полицентричный мир. 2024. Т. 1. № 1-2. С. 77-82; Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК //Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 5. С. 90-107; Виноградов А.В. Евразийская ось Москва - Пекин: вызовы и уровни взаимодействия //Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 20-33.

¹⁸ Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектура, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 5-20; Воскресенский А.Д. Реализация «китайской мечты» в эпоху «Си Цзиньпина»: что ожидать России? //Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 10. С. 10.

¹⁹ Зуенко И.Ю. Фактор конфронтации Запада и России и его влияние на китайскую политику в Евразии и реализацию инициативы «Пояс и Путь». В сб.: "Пояс и путь" в Евразии. Новые вызовы и ответ Китая. Монография. М., 2025. С. 46-57; Зуенко И.Ю. Взгляд из Китая на советскую помощь в годы Второй Мировой войны: случай 88-й стрелковой бригады Дальневосточного фронта //Полис. Политические исследования. 2025. № 4. С. 166-181; Зуенко И.Ю. Восприятие в КНР советской перестройки: основные этапы эволюции //Россия и АТР. 2025. № 4 (130). С. 155-167; Данков А.Г., Зуенко И.Ю. Перспективы сотрудничества России и Китая в свете угроз развитию и безопасности Центральной Азии //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 192-207; Зуенко И.Ю. Проблемы развития российско-китайских трансграничных мостовых переходов и примостовых территорий //Россия и АТР. 2024. № 3 (125). С. 144-170; Зуенко И.Ю. Перспективы экспорта продукции растениеводства России в Китай и продовольственная безопасность КНР //Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 3. С. 115-127; Зуенко И.Ю. Применима ли в России китайская модель внешней политики? //Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 3 (127). С. 146-159.

²⁰ Kashin V. Chapter 10. Russia and China: evolution of strategic partnership. В кн/: Security Index Yearbook 2024-2025. М., 2024. С. 169-182; Кашин В.Б., Янькова А.Д. Приграничное сотрудничество между Россией и Китаем: глубинные препятствия развития //Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 41-55; Кашин В.Б. Россия, Китай и украинский кризис //Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 2 (114). С. 204-212.

Ларина²¹, А. В. Ломанова²², В. Е. Петровского²³, В. Я. Портякова²⁴ и С. В. Уянаева²⁵. Чрезвычайно полезны были труды С.В. Кривохиж. Автор активно изучает дискурсивную силу Китая, т.е., анализирует способностью Китая предлагать и популяризировать привлекательные для всего мира идеи, ценности, нормы и т.д., с помощью которых Китай может быть не только экономической державой, но приобрести власть в иных сферах на международной арене, на что и направлена мягкая сила Китая и один из ее инструментов —распространение китайского языка в мире²⁶.

²¹ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков. – Владивосток: Дальнаука, 2006. 423 с.; Ларин В.Л. “Большое дерево” для Северо-Восточного Китая: Россия в современных стратегиях развития китайского региона //Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 12. С. 109-121; Ларин В.Л. Провинция Цзилинь: северный вектор открытости в современной стратегии развития //Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 4. С. 57-72; Бакланов П.Я., Ларин В.Л.

Дальневосточные районы РФ в современном российско-китайском взаимодействии //Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 6. С. 5-16; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Особый взгляд на великого соседа: восприятие Китая и китайцев на юге Тихоокеанской России //Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 174-191.

²² Ломанов А.В. Предвидеть "лебеда", заметить "носорога" //Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1 (119). С. 138-152; Гамза Л.А., Ломанов А.В. Китай: экономическое восстановление в условиях внешнего давления. В сборнике: Год планеты. Ежегодник. М.: 2022. С. 147-161; Ломанов А.В. Современные идеологические вызовы правлению КПК //Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 13-23.

²³ Петровский В.Е. Российско-китайское стратегическое партнерство. Теория и практика//Азия и Африка сегодня. 2025. № 2. С. 5-13; Петровский В.Е. Эволюция и перспективы российско-китайского стратегического партнерства //Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2024. № 14. С. 495-497.

²⁴ Портяков В.Я. Роль Коммунистической партии Китая во внешней политике Китайской Народной Республики. В книге: Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019-2021. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2022. С. 213-222; Портяков В.Я. Основные моменты внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в 2020 году //Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 8-20.

²⁵ Уянаев С.В. Диалоговый формат "Россия-Индия-Китай": китайский фактор, текущие перспективы, задачи России //Азия и Африка сегодня. 2022. № 9. С. 5-11; Уянаев С.В. К визиту президента России в КНР //Аналитические записки ИКСА РАН. 2022. № 1. С. 17-20.

²⁶ Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. Большая нарративная игра: многоуровневая система трансляции стратегических нарративов КНР //Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20. № 1. С. 75-88; Соболева Е.Д., Кривохиж С.В. Китайский стратегический нарратив о международной системе и его адаптация для разных иностранных аудиторий //Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 6. С. 119-128; Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. КНР и борьба за дискурсивную гегемонию: роль стратегических нарративов //Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18. № 2. С. 178-192; Кривохиж С.В.

Институт Конфуция - образовательный центр или инструмент пропаганды? из опыта санкт-петербургского государственного университета //Азия и Африка сегодня. 2016. № 7 (708). С. 43-48.

Взаимоотношения Китая и России в своих трудах рассматривает известный китаевед А. В. Виноградов²⁷. На взгляд ученого, Россия и Китай заинтересованы в дальнейшем развитии международного сотрудничества, направленного на формирование нового, более справедливого мирового порядка²⁸. Проблематику военно-технического сотрудничества России и Китая разрабатывает известный китаевед В. Б. Кашин²⁹. Обращение к его трудам позволило изучить специфику процесса военной модернизации Китая и оценить вклад России в этот процесс.

К следующей группе отнесены научные работы, в которых анализируется применение «мягкой силы» во внешней политике Китая и России, а также её целей, задач, эффективности и существующих проблем. Эту

²⁷ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: НОФМО, 2008. 363 с.; Он же. Изучение моделей развития Китая в России в 1990-е годы // Проблемы Дальнего Востока. М. 2013. №2. С. 137-145. Он же. Китай и Россия в поисках мирового статуса. В кн.: XIII-XIV Всероссийские конференции «Философии Восточноазиатского региона и современная цивилизация». Информационные материалы ИДВ РАН. Серия Г: Идеино-теоретические тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации. Ч.1. М., 2009. С. 69-76; Он же. Диалоговый формат БРИКС и его роль в формировании многополярного мира. Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. М.: РУДН, 2013, Сборник статей. С. 8-18.

²⁸ Виноградов А.В. Бессрочное будущее Китая. //Парламентская газета. 2018. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/bessrochnoe-budushhee-kitaya.html> (дата обращения: 30.10.2025).

²⁹ Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949-2014 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. №. 4. С. 106-129; Кашин В.Б., Крашенинникова Л.С., Пятачкова А.С. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. №. 7. С. 49-59.

проблематику рассматривают: А. В. Борисов³⁰, А. В. Будаев³¹, Е. С. Васецова³², В. Д. Данилов³³, А. Н. Ермакова³⁴ и другие.

К *четвертой группе* относятся исследования, посвящённые культурно-гуманитарному взаимодействию Китая и России следующих авторов: А. В. Бояркина³⁵, А. Н. Ермакова³⁶, Е. В. Журавлева³⁷, А. С. Исаев³⁸, Л. Е. Козлов³⁹,

³⁰ Борисов А. В. "Мягкая сила" России: специфика понимания и оценки // *Мировая политика*. 2020. № 1. С. 1.-11.

³¹ Будаев А.В. Сравнительный анализ «мягкой силы» во внешней политике России и Китая. // *Политика и Общество*. 2016. № 7. С. 948-959.

³² Васецова Е.С., На Ч. Оценка "мягкой силы" КНР в работах российских и китайских ученых: сравнительный анализ // *Международная жизнь*. 2022. № 5. С. 90-97.

³³ Данилов В.Д. Особенности китайского восприятия феномена "мягкой силы" // *Международные отношения*. 2019. № 1. С. 74-80.

³⁴ Ермакова А.Н. "Мягкая сила" как комплекс инструментов современной внешней политики КНР // *Теории и проблемы политических исследований*. 2021. Т. 10. № 4А. С. 41-49.

³⁵ Бояркина А.В. Язык и культура Китая как эффективные инструменты «Мягкой силы» в реализации внешней политики КНР. // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 12. С. 115-118; Бояркина А.В. Что изменилось в развитии региональной интеграции России и Китая за период 2024-2025 гг.? // *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 2026. № S1. С. 100-105; Бояркина А.В. Современный лингвополитический дискурс КНР // *Дальневосточный филологический журнал*. 2023. Т. 1. № 1. С. 58-64; Бояркина А.В. Место и роль Институтов Конфуция в популяризации и продвижении в странах мира концепции "Сообщества единой судьбы человечества" // *Известия Восточного института*. 2021. № 4 (52). С. 14-27.

³⁶ Ермакова А.Н. "Мягкая сила" как комплекс инструментов современной внешней политики КНР // *Теории и проблемы политических исследований*. 2021. Т.10.№ 4А. С. 41-49.

³⁷ Журавлева Е.В. Китайский опыт продвижения норм и ценностей путем регулирования социальных медиа // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 2. С. 97-110; Журавлева Е.В. Стратегия красоты: теории «мягкой силы» с китайской спецификой // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. № 1. С. 17-31.

³⁸ Исаев А.С. XIX Съезд КПК и российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере. // *Решения XIX Съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений*. / Отв. ред. А.О. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 93-104.

³⁹ Козлов Л.Е. Культурная дипломатия как ресурс регионального развития // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 1(40).С. 61-75.

С. В. Кривохиж⁴⁰, А.С. Косякина⁴¹, Г.В. Куликова⁴², Ж. В. Петрунина⁴³, С. К. Песцов⁴⁴, Д. В. Поликанов⁴⁵, И. А. Ряснов⁴⁶, Н. В. Селезнева⁴⁷, Е. В. Соловьева⁴⁸, Е. М. Сорокина⁴⁹, М. В. Ханько⁵⁰, Ю. О. Шохин⁵¹.

⁴⁰ Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. Большая нарративная игра: многоуровневая система трансляции стратегических нарративов КНР //Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20. № 1. С. 75-88; Соболева Е.Д., Кривохиж С.В. Китайский стратегический нарратив о международной системе и его адаптация для разных иностранных аудиторий //Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 6. С. 119-128; Кривохиж С.В., Теленьга М.П. Трансформация цифровой дипломатии в условиях новых вызовов: взгляд из Вашингтона и Пекина //Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 2. С. 143-163.

⁴¹ Косякина А.С. Российский подход к концепции “мягкой силы” Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63-75.

⁴² Куликова Г.В. Созданное вместе с Китайской Народной Республикой // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29. № 29. С. 14-31.

⁴³ Шушарина Г.А., Петрунина Ж.В. Результаты межъязыковых контактов России и Китая в исторической перспективе //Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. 22. № 1. С. 35-41; Петрунина Ж.В. Опыт и перспективы сотрудничества в сфере культуры в приграничных районах России и Китая в 2020-х годах //Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2025. № 8 (88). С. 49-55; Шушарина Г.А., Петрунина Ж.В. Влияние политики "мягкой силы" на языковой сдвиг в обществе //Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2024. Т. 21. № 1. С. 159-163; Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Перспективы интеграции научно-образовательного пространства приграничных территорий России и Китая //Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 2 (74). С. 43-51.

⁴⁴ Песцов С.К. Стратегическое партнёрство России и Китая: место и роль гуманитарного сотрудничества//Труды ИИАЭДВО РАН. Т.29 (2020. №4).137-165.

⁴⁵ Поликанов Д. Роль «мягкой силы» в международных отношениях: современный российский опыт и перспективы. Сайт РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-myagkoj-sily-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-sovremennyu-grossiyskiy-opyt-i-perspektivy/> (дата обращения: 25.02.2025).

⁴⁶ Ряснов И.А. Культурное сотрудничество России и Китая в XXI в. // Власть. 2013. № 9. С. 79-81.

⁴⁷ Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия "мягкой силы" Китая //Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15. № 6. С. 36-54; Селезнева Н.В. Реорганизация Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань): Судьба институтов Конфуция //Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 166-176.

⁴⁸ Соловьева Е.В. Стратегическое партнерство России и Китая как фактор культурного взаимодействия в современных политических условиях. // Политика и Общество. 2012. № 1. С. 95-101.

⁴⁹ Сорокина Е.М. Культура как инструмент внешней политики КНР //Век глобализации. 2022. № 4 (44). С. 167-177; Сорокина Е.М. Новая стратегия "мягкой силы" Китая //Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15. № 6. С. 36-54.

⁵⁰ Ханько М.В. Российско-китайское гуманитарное и культурное сотрудничество в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. Том 15. № 4. С. 98-103.

⁵¹ Шохина Ю.О. «Мягкая сила» КНР: теоретические и практические аспекты. В сборнике: Россия - Восток: пространство культурно-экономических коммуникаций. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2022. С. 150-158.

Вопросам культурного взаимодействия также посвящены работы К. В. Внукова⁵². Так, И. А. Ряснов, анализируя гуманитарный аспект российско-китайских отношений, выделяет как его положительные стороны, так и существующие проблемы⁵³.

Также необходимо отметить работы, авторы которых рассматривают отдельные направления культурно-гуманитарных отношений России и Китая. Так, вопросам сотрудничеству университетов России и Китая рассматриваются в работах Ван Ли и И. И. Барановой⁵⁴, Кроме того, эти вопросы рассматривают Н. И. Бедарева⁵⁵ и Н. Ю. Гусевская⁵⁶.

В отдельную группу выделены труды, авторы которых рассматривают различные аспекты изучения китайского языка в России. Это работы А. Р. Аликберовой⁵⁷, С. К. Гураль и Н.С. Терешковой⁵⁸, Т. Л. Гурулевой⁵⁹, П. А.

⁵² Внуков К. Год России в Китае и Год Китая в России – две половины единого целого. // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1. С.33-37.

⁵³ Ряснов И.А. Культурное сотрудничество России и Китая в XXI в. // Власть. 2013. № 9. С. 79-81.

⁵⁴ Ван Ли, Баранова И.И. Совместные образовательные программы китайских университетов и российских вузов: состояние, тенденции и перспективы. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 1. С. 134-141.

⁵⁵ Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений. // Высшее образование в России. 2019. № 4. С. 108-123.

⁵⁶ Гусевская Н.Ю. Сетевое образовательное взаимодействие как фактор гуманитарного сотрудничества стран-участниц ШОС. // Научно-образовательное и культурное сотрудничество стран-участниц ШОС. 2014. С. 72-77.

⁵⁷ Балакин Д.А., Аликберова А.Р. Особенности закона о кибербезопасности Китайской Народной Республики 2017 г. и международная реакция на его принятие //Современные востоковедческие исследования. 2023. Т. 5. № 2. С. 152-163; Абдуллина Д.М., Аликберова А.Р. Проблемы перевода российских кинофильмов на китайский язык (на примере фильма "Ёлки") //Современные востоковедческие исследования. 2022. Т. 4. № 2. С. 14-20.

⁵⁸ Крайдер А.В., Гураль С.К., Лю Ш. Сравнительный анализ методических программ подготовки переводчиков в России и Китае //Язык и культура. 2024. № 65. С. 214-241; Гураль С.К., Терешкова Н.С. Обучение техническому переводу студентов-лингвистов китайского отделения посредством мультимедийной проектной деятельности //Язык и культура. 2016. № 1 (33). С. 129-136.

⁵⁹ Гурулева Т.Л., Ваньци Ло. Российско-китайское образовательное сотрудничество в пандемийный и постпандемийный периоды //Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 1. С. 128-150; Гурулева Т.Л. Языковая политика КНР на современном этапе (2021-2024 гг.): основные направления и особенности реализации //Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 4. С. 169-184; Гурулева Т.Л. Типология речевых ошибок при порождении высказывания на китайском языке //Язык и культура. 2024. № 67. С. 148-168; Гурулева Т.Л., Абдрахманова А.Р. Декомпозиционная структура китайского иероглифа //Филологические науки.

Лапина⁶⁰, С. Ю. Распертовой⁶¹ С. С. Соловьева⁶², С.Г. Цыбеновой⁶³, и др. Особое значение имеют труды Т. Л. Гурулевой, занимающейся вопросами обучения российской аудитории китайскому языку, а также сотрудничеству

Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 1. С. 31-39; Гурулева Т.Л. Модель системы образования Китая после XX съезда КПК //Современное педагогическое образование. 2023. № 10. С. 22-25; Гурулева Т.Л. Проблемы обучения аудированию иноязычной речи и возможные способы их решения //Московский педагогический журнал. 2023. № 4. С. 55-72.

⁶⁰ Лапин П.А. Организация преподавания иностранных языков в Китае в начале XX в.: законодательные основы и практическая реализация //Общество и государство в Китае. 2022. Т. 51. № 41-2. С. 378-398; Лапин П.А. Изучение цинскими правителями языков народов империи и языков зарубежных государств (XVIII-XIX ВВ.) //Россия и АТР. 2021. № 3 (113). С. 55-69; Лапин П.А. Преподавание русского языка в провинции Хэйлунцзян на рубеже XIX-XX вв. //Россия и АТР. 2020. № 1 (107). С. 153-168; Лапин П.А. Очерки истории преподавания русского языка в центральной провинции Чжили во время династии Цин в конце XIX - начале XX в. (на примере города Тяньцзинь) //Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 1. С. 111-127; Лапин П.А. Начало преподавания русского языка в северо-западном Китае в поздние годы династии Цин: на примере гуманитарной школы высшего разряда провинции Ганьсу (1902-1911) //Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2020. № 23. С. 81-87.

⁶¹ Распертова С.Ю. Китайский язык - инструмент международного взаимодействия в будущей профессиональной деятельности синологов-регионоведов. В сб.: Научный альманах Института международных отношений и социально-политических наук. Сб. ст. М., 2025. С. 135-142; Распертова С.Ю. Особенности обучения общественно-политическому дискурсу современного китайского языка (на примере выступлений политиков пятого поколения лидеров в Китае). В сб.: Новое мироустройство: принципы построения, перспективы, вызовы. Сб. материалов Международной научно-практической конференции. М., 2025. С. 453-459; Распертова С.Ю. Роль китайского языка в процессах интернационализации образования. В сб.: Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы. Сб. материалов Международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 501-506; Распертова С.Ю. О некоторых аспектах интернационализации образовательного сотрудничества России и Китая //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 4 (833). С. 146-158; Распертова С.Ю. Изучение китайского языка в контексте всероссийской олимпиады школьников (на примере заданий муниципального этапа 2017-2018 учебных годов) //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 3 (802). С. 91-105.

⁶² Соловьев С.С., Левашева О.М. Социологический анализ проблем преподавания и изучения китайского языка в России. В книге: Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции "Социолог 2.0: трансформация профессии". Отв. ред. А.В. Кулешова. 2018. С. 450-457; Соловьев С.С. Социологический анализ вызовов роста популярности китайского языка в России //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 1 (794). С. 255-275.

⁶³ Цыбенова С.Г., Самошкина Я.С. К проблеме развития межкультурной компетентности иностранных преподавателей китайского языка //Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2018. № 3-4. С. 137-141; Цыбенова С.Г. анализ содержания обучения диалогической речи на китайском языке (начальный этап) //Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 4. С. 43-52.

России и Китая в области образования⁶⁴. Так, Т.Л. Гурулева отмечает, что свидетельством особого внимания КПК распространения китайского языка в мире стало то, что «усиление мягкой силы Китая в процессе международного взаимодействия в 2021 г. было законодательно подкреплено внедрением нового стандарта КНР в области международного обучения китайскому языку»⁶⁵.

Отдельно следует отметить диссертационные исследования, защищённые в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы китайскими авторами, — Ван Шо⁶⁶, Сюн Лэпин⁶⁷, Ли Мэнлун⁶⁸, У Юйяо⁶⁹. Полезны были и работы российских исследователей Е. И. Медяник⁷⁰ и Г. И. Цвык⁷¹. В их исследованиях предпринята попытка

⁶⁴ Гурулева Т.Л., Ваньци Ло. Российско-китайское образовательное сотрудничество в пандемийный и постпандемийный периоды //Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 1. С. 128-150; Гурулева Т.Л. Языковая политика КНР на современном этапе (2021-2024 гг.): основные направления и особенности реализации //Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 4. С. 169-184; Гурулева Т.Л. Типология речевых ошибок при порождении высказывания на китайском языке //Язык и культура. 2024. № 67. С. 148-168; Гурулева Т.Л., Абдрахманова А.Р. Декомпозиционная структура китайского иероглифа //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 1. С. 31-39; Гурулева Т.Л. Модель системы образования Китая после XX съезда КПК //Современное педагогическое образование. 2023. № 10. С. 22-25; Гурулева Т.Л. Проблемы обучения аудированию иноязычной речи и возможные способы их решения //Московский педагогический журнал. 2023. № 4. С. 55-72.

⁶⁵ Гурулева Т. Л. Модель системы образования Китая после XX съезда КПК //Современное педагогическое образование. 2023. № 10. С.25.

⁶⁶ Ван Шо. Институт Конфуция как инструмент культурной дипломатии Китая (2004-2017 гг.): дисс. ...кандидат ист. наук: 07.00.15. М. 2018. 185 с.

⁶⁷ Сюн Лэпин. Высшее образование как инструмент «мягкой силы» России и Китая: дисс. ...кандидат полит. наук: 23.00.04 М. 2018. 191 с.

⁶⁸ Ли Мэнлун. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество в XXI в.: тенденции и перспективы: дисс. ...кандидат ист. наук: 07.00.15. М. 2018. 190 с.

⁶⁹ У Юйяо. Культурно-гуманитарный аспект отношений Китая и России (2001-2021 гг.): дис. ...кандидат ист. наук: 5.6.7. М. 2023. 204 с.

⁷⁰ Медяник Е. И. Российско-китайское университетское сотрудничество 1995-2016 гг.: дис. ...канд. исторических наук: 07.00.15. М., 2017. 198 с.; Медяник Е. И. Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров //Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. 2018. № 1 (11). С. 68-85; Медяник Е.И. Развитие совместных образовательных программ Китая с иностранными государствами: опыт и современность //Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 2. № 2 (64). С. 160-174.

⁷¹ Цвык Г.И. Продвижение русского языка в КНР как инструмент культурной дипломатии Российской Федерации в 2001 – 2017 гг.: дисс. ...кандидат ист. наук: 07.00.15. М. 2018. 157 с.

проведения системного анализа различных аспектов культурно-гуманитарного сотрудничества между Китаем и Россией.

Литература на китайском языке. Были изучены работы известных китайских специалистов Ван Ичжоу, Мэнь Хунхуа, Янь Сюэтуна⁷² и других⁷³, посвященные подходам китайских теоретиков современным международным процессам. В частности, Янь Сюэтун уделяет внимание перспективам сотрудничества с Россией и изменяющимся условиям международного развития, что в известной степени ставит вопрос об устойчивости существующего стратегического партнёрства между двумя странами.

При анализе особенностей дипломатической практики Китая и применении мягкой силы как инструмента внешней политики важен был вывод Ван Ичжоу о том, что Китай придерживается независимой и мирной внешней политики, соответствующей официально провозглашённым принципам⁷⁴. Одним из факторов формирования стратегического партнёрства между Китаем и Россией, по мнению исследователя Чжоу Цзяньина, является поддержка ими концепции многополярного мира в международных отношениях, в отличие от идеи мировой гегемонии, которая ассоциируется с позицией Соединённых Штатов⁷⁵.

В рамках изучаемой темы значительный интерес представляют работы Ван Шучуна, Лю Дэси, Тан Юншена, Чжао Синя, Ся Ишаня и других исследователей, в которых рассматривается хронология развития российско-китайских отношений в исторической перспективе⁷⁶. Китайские ученые

⁷² 阎学通。俄罗斯可靠，啊？ [Янь Сюэтун. Надежна ли Россия?] // 国际经济评论. 2012. № 3. С. 21-25.

⁷³ 门洪华。中国国际战略导论 [Мэнь Хунхуа. Введение в китайскую международную стратегию]. 北京: 清华大学出版社. 2010. 321 с.

⁷⁴ 王逸舟。中国外交事特色 [Ван Ичжоу. Десять отличительных особенностей китайской дипломатии]. // 世界经济与政治. 2008. №5. С. 34-51.

⁷⁵ Чжоу Цзяньин. Стратегическое партнёрство между Китаем и Россией в начале XXI в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4 (1). С. 228-232.

⁷⁶ 刘德斯。苏联解体后的中俄关系 [Лю Дэси. Китайско-российские отношения после распада СССР]. 哈尔滨: 教育背景. 1996. 251 с.; 王树春, 赵昕. 中俄关系的经济开发战略研究 [Ван Шучун, Чжао Синь. Исследование стратегии экономического развития китайско-российских отношений]. 北京: 经济出版社. 1998., №2. С. 34-51.

уделяют особое внимание периоду, наступившему после распада мировой социалистической системы. В этой связи большой интерес вызывают исследования Сю Куй, Лу Наньцюаня, Ван Шаосина и Цзин Сюаньжэня, посвящённые двусторонним отношениям России и Китая. В работах этих авторов прослеживается скрупулезный разбор ключевых тенденций российско-китайского взаимодействия. Их анализ касается самых разных сфер общественной жизни. И такой подход позволил автору взглянуть на существующие проблемы куда объективнее, а заодно — оценить реальные перспективы сотрудничества⁷⁷.

Истории культурных и гуманитарных связей между Китаем и СССР посвятили свои работы Ван Хаймин, Цзи Чжие, Чжао И, Чен Мин, Фэн Юйцзюнь⁷⁸. В своих трудах они исследовали процесс развития сотрудничества в данных областях, учитывая при этом и политическую конъюнктуру, и социально-экономические реалии обеих стран.

Вопросы двустороннего сотрудничества в области изучения языков рассматривали Цзян Лай, У Юйсюань, Чжан Хэнцзюнь и другие⁷⁹. Изучение

⁷⁷王绍兴. 中俄改革及其对外政策研究 [Ван Шаосин. Китай и Россия: реформы и внешняя политика]. 济南:友谊. 2000. 498с.; 陆南泉. 关于俄中战略伙伴关系的发展[Лу Наньцюань. О развитии стратегического партнерства между Россией и Китаем] //西北大学学报. 2000. №12. С. 45-51.; 王馥. 中俄关系的现状和前景 [Сю Куй. О состоянии и перспективах российско-китайских отношений]. 北京:东欧中亚研究. 1996. 241 с.

⁷⁸赵毅. 世界大国（地区）文化外交·中国卷 [Чжао И. Всемирная культурная дипломатия, Китай]. Р.: World Knowledge Press. 2014. 287 с.; 程敏. 世界大国（地区）文化外交·俄罗斯卷 [Чен Мин. Всемирная культурная дипломатия, Россия]. Р.: World Knowledge Press. 2014. 195 с.; 王海运. 新世纪的中俄关系 [Ван Хаймин. Китайско-российские отношения в новом веке]. Шанхай. 2015. 473 с.; 季志业、冯玉军. 俄罗斯发展前景与中俄关系走向 [Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Перспективы развития России и тенденции китайско-российских отношений]. Пекин: «Шишин». 2016. 401 с.; 孙文广. 中苏关系始末 [Сунь Вэньгуан. Китайско-советские отношения от начала до конца]. Шанхай. 1998. 709 с.

⁷⁹姜来. 中俄高等教育服务贸易合作研究 [Цзян Лай. Исследование китайско-российского сотрудничества в сфере торговли услугами высшего образования] // Co-Operative Economy & Science. 2025.Vol. 04. P. 67-70; 吴雨譔. 中俄高等教育的合作现状、挑战与机遇 [У Юйсюань. Текущая ситуация, вызовы и возможности китайско-российского сотрудничества в сфере высшего образования] // Delta. 2024. Vol. 28. P. 241-244; 弥沙. 关于构建“一带一路”中俄高等教育共同体的思考 [Ми Ша. Размышления о построении китайско-российского сообщества в сфере высшего образования вдоль “Пояса и пути”] // 奋斗. 2024. Vol. 16. P. 66-67; 张恒军,单良涛,潘婧妍. 中国文化东北亚传播研究报告(2020~2022):俄罗斯篇 [Чжан Хэнцзюнь, Шань Лянтао, Пан Цзиньянь. Исследовательский отчет о

трудов данных авторов позволило понять: какие институты Китая и России взаимодействуют и в каком формате, как именно выстраивается преподавание языков.

Для изучения роли Институтов Конфуция в распространении китайского языка в России, соискатель обращался к исследованиям Бэй Чжи, Гао Фанфан, Сунь Юэ и др.⁸⁰. Эти авторы рассматривают Институты Конфуция как эффективную платформу языковой политики Китая в других странах.

Англоязычная литература. Прежде всего, необходимо отметить труды дипломата, автора концепции «челночной дипломатии» Г. Киссинджера. В труде «О Китае» излагает свое понятие особенностей китайского политического мышления, проводит сравнения между китайским и западным (особенно американским) взглядом на международные отношения. Полезным было мнение Г. Киссинджера, выраженное в работах «Мировой порядок» и «Мировая политика» о том, что в существующей мировой системе назрели перемены⁸¹, что и подтверждают последовавшие перемены в системе международных отношений.

«Китайский феномен» и его влияние на процессы региональной интеграции, глобальную и межрегиональную безопасность, а также на экономические и политические аспекты международных отношений анализировали З. Бжезинский, П. Кальвокоресси, П. Кеннеди, Дж. Най и С.

распространении китайской культуры в Северо-Восточной Азии (2020-2022 гг.): Россия] // Chinese Culture Overseas Communication. 2024. Vol. 01. P. 33-81.

⁸⁰ 高芳芳. 俄罗斯远东联邦大学孔子学院中国文化活动现状调查 [Гао Фанфан. Опрос о текущей ситуации с китайской культурной деятельностью в Институте Конфуция Дальневосточного федерального университета в России]. 黑龙江大学. 2024. 206 с.; 贝芝. 俄罗斯汉语水平考试调查和分析 [Бэй Чжи. Исследование и анализ результатов русско-китайского теста на знание языка]. 南京师范大学. 2023. 145 с.; 孙越. 俄罗斯伏尔加格勒国立师范大学孔子学院的汉语教学 [Сунь Юэ. Преподавание китайского языка в Институте Конфуция Волгоградского государственного педагогического университета, Россия] // World Culture. 2022. Vol. 03. P. 58-60; 吴涵. 中华文化在俄罗斯的传播途径分析 [У Хан. Анализ путей распространения китайской культуры в России] // New Silk Road. 2022. Vol. 02. P. 120-123; 王灵玲, 刘乐. 儒家文化在俄罗斯远东地区的传播研究 [Ван Линлин, Лю Ле. Исследование распространения конфуцианской культуры на Дальнем Востоке России] // Theoretic Observation. 2022. Vol. 01. P. 129-131.

⁸¹ Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ. 2014. 635 с.; Он же. Мировой порядок. М.: АСТ. 2015. 465 с. Kissinger, H. Diplomacy. N.Y., London.: Simon & Schuster, 1997. 432 p.

Хантингтон⁸², а также Д. Шамбо, Р. Скалапино и С. Ким⁸³. Их работы были полезны для осмысления современных мировых процессов в условиях формирования полицентричного мира.

Обращение к исследованиям М. Тадаки и К. Тремевана⁸⁴ позволило автору рассмотреть механизмы интернационализации высшего образования. На основе этих работ были выделены особенности образовательного сотрудничества между Китаем и Россией, а также сделаны предположения относительно его дальнейшего развития. В свою очередь, работа Д. Старра⁸⁵ помогла сформировать представление о зарубежных научных подходах к изучению деятельности Институтов Конфуция.

Таким образом, анализ научной литературы на китайском, русском и английском языках, посвященной изучаемой проблеме свидетельствует о том, что ученые Китая, России исследуют вопросы культурного, гуманитарного сотрудничества двух стран, но работ по распространению китайского языка как инструмента мягкой силы Китая выявлено не было и данная проблема нуждается в научной разработке.

Объектом исследования является мягкая сила КНР.

Предметом исследования являются основные направления, формы, этапы, тенденции продвижения китайского языка как составляющей мягкой силы в России в период с 2001 по 2025 годы.

⁸² Brzezinski, Z. The grand chessboard. American Primacy and Its - Geostrategic Imperatives. Washington, 1997. 227 p.; Calvocoressi P. World Politics since 1945. 9th Edition, Pearson: Longman, 2000. 589 p.; Nye J. Soft Power: The Means To Success In World Politics: New York: Public Affairs, 2005. 191 p.; Kennedy P. Preparing for the twenty-first century, Publishing house: Random House, 1993. 348 p.; Huntington S. Clash of civilizations // Foreign Affairs. Summer 1993. P. 54-76.

⁸³ Kim S.S. China and the World: China foreign relations in the post- Cold war era. Boulder, Westview press, 1994. 286 p.; Scalapino R. APEC: and Current Pacific-Asian Scene. - Analysis, Seattle, No-era. - Survival, London, 1992, Vol. 34, No. 2. P. 15-25; Shambaugh D. The insecurity of security: the PLA's evolving doctrine and threat perceptions towards 2000. // Journal of North-east Asian Studies, Washington, 1994, Vol. XIII, № 1. P. 23-42.

⁸⁴ Tadaki M., Tremewan C. Reimagining Internationalization in Higher Education: International Consortia as a Transformative Space? // Studies in Higher Education. 2013. Vol 38. № 3. P. 367-387.

⁸⁵ Starr D. Creating a world language: Chinese government policy and the Confucius institutes program viewed from a British perspective: paper of the conference: Rising China in the age of globalization. - London. 2007. 312 p.

Цель исследования заключается в выявлении роли китайского языка как инструмента мягкой силы Китая в укреплении китайско-российских двусторонних отношений стратегического партнерства с 2001 по 2025 гг.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

- проанализировать основные подходы исследователей к пониманию феномена «мягкой силы»;
- определить ключевые особенности китайского подхода к пониманию и использованию «мягкой силы»;
- раскрыть основные направления и механизмы продвижения китайского языка в России;
- изучить опыт внедрения китайского языка в систему дошкольного и школьного образования России;
- рассмотреть динамику и специфику изучения китайского языка в российских вузах;
- исследовать роль Институтов Конфуция в продвижении китайского языка и культуры в России;
- дать характеристику новым форматам изучения китайского языка и оценить их влияние на двустороннее сотрудничество в области образования и культуры.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2001-2025 гг. Нижняя граница исследования обусловлена подписанием 16 июля 2001 г. в Москве председателем КНР Цзян Цзэмином и Президентом РФ В.В. Путиным Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, положившему начало новому формату межгосударственных взаимоотношений — стратегическому партнерству, что нашло отражение в культурно-гуманитарной области. Верхняя граница исследования очерчена 2025 г. В мае 2025 г. состоялся государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву. В ходе визита были проведены полноформатные российско-китайские переговоры на высшем уровне, в ходе которых стороны

обменялись мнениями относительно тенденций развития стратегического партнерства двух стран.

Источниковая база исследования. Источники, которые были использованы при проведении исследования, по видовому признаку можно разделить на: нормативно-правовые, делопроизводственные, публицистические, статистические.

Основными и наиболее важными для данного исследования стали *нормативно-правовые документы* Китая и России, включающие Конституцию КНР 1982 г. и Конституцию РФ 1993 г. (с изменениями от 2020 г.), Концепции внешней политики РФ 2016 г.⁸⁶, Концепция внешней политики РФ 2023 г.⁸⁷, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный в Москве 16 июля 2001 г. Президентом РФ В. В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэминем и др.⁸⁸.

Изучение Конституций Китая и России позволяет определить основные ценности и принципы внешней политики обоих государств, специфику деятельности государственных органов власти и распределение властных полномочий внутри внешнеполитических вопросов. Кроме того, эти документы представляют собой систему взглядов на приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Китая и России в изучаемый период. Одним из ключевых моментов для исследования стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001), который заложил основы

⁸⁶ 中华人民共和国宪法 [Конституция КНР]. 14.06.2005. / 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/test/2005-06/14/content_6310.htm (дата обращения: 10.03.2025); Конституция Российской Федерации. 12.12.1993. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Сайт Гос. Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 25.02.2025); Концепция внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. / Министерство иностранных дел РФ: [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. (дата обращения: 25.02.2025).

⁸⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 25.02.2025).

⁸⁸ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16 июля 2001 г. / МИД РФ: [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/576870. (дата обращения: 25.02.2025).

нового формата международных отношений - стратегического партнерства между двумя ведущими государствами современности.

Кроме отмеченных выше документов, большого значения для проведения исследования имели двусторонние соглашения КНР и РФ⁸⁹. Данные источники создали нормативно-правовую базу для культурно-гуманитарного сотрудничества.

Важной группой стали *делопроизводственные* документы, к которым можно отнести протоколы заседаний Российско-Китайской межправительственной комиссии по гуманитарному сотрудничеству⁹⁰, а также других ведомств, отвечающих за культурно-гуманитарное сотрудничество двух стран⁹¹.

⁸⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации (03.11.2003). URL: http://минобрнауки.рф/министерство/68/файл/914/МС_Образование.pdf (дата обращения: 25.02.2025); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках. 09.11.2000. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901787446> (дата обращения: 25.02.2025); Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования. 09.11.2006. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902029769> (дата обращения: 25.02.2025); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве от 18 декабря 1992 г. / Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://archive.mid.ru/BDOMP/spd_md.nsf/0/C3B48D53D849FABF43257FE10046A89B (дата обращения: 25.02.2025); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях. 26.06.1995. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499089321> (дата обращения: 25.02.2025).

⁹⁰ Протокол семнадцатого заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству от 04 июля 2016 года / Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/11048> (дата обращения: 25.02.2025).

⁹¹ 国家中长期教育改革和发展规划纲要（2010-2020年）[Основные положения государственного плана реформы и развития сферы образования на средне- и долгосрочную перспективу (2010-2020 гг.)] / Официальный сайт Центрального Народного правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2010/07/29/content_1667143.htm (дата обращения: 25.02.2025); 国家中长期科技改革和发展规划纲要 2006-2020年 [Основные положения государственного плана средне- и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006-2020 гг.] / Официальный сайт Министерства науки и техники КНР. URL: <http://www.most.gov.cn/kjgh/kjghzqc/> (дата обращения: 25.02.2025); Основные направления политики РФ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. 18.12.2010. URL:

Для решения поставленных задач автор также использовал справочные материалы Министерства образования и науки РФ⁹², Министерства образования КНР, Российского культурного центра в Пекине, Фонда «Русский мир» и др.⁹³. Важной подгруппой делопроизводственных источников стали протоколы заседаний ВСНП КНР⁹⁴, а также аналитические записки специализированных ведомств⁹⁵, затрагивающие вопросы реформирования системы образования. Это выступает актуальной темой для внутривластных дискуссий, особенно в связи с реализацией инициативы «Один пояс – один путь»⁹⁶.

Положение о комиссии, которая работает в Приморском крае с пунктами пропуска на российско-китайской границе (принято в 1996 г.)⁹⁷ определяет

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/ (дата обращения: 25.02.2025); Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016-2020 гг. URL: <http://government.ru/media/files/UdArRuNmg2Hdm3MwRUwmdE9N3ohepzpQ.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

⁹² Сотрудничество России и Китая в области образования / Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://минобрнауки.рф/m/новости/5691> (дата обращения: 25.02.2025).

⁹³ Укрепление позиций русского языка. / Официальный сайт Российского культурного центра в Пекине. URL: <http://chn.rs.gov.ru/ru/activities/94> (дата обращения: 25.02.2025); Русский язык в Китае // Информационный портал Фонда «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/media/magazines/article/141756/> (дата обращения: 25.02.2025); 第十届孔子学院大会在上海召开 [10-я конференция Института Конфуция в Шанхае] // 世界教育信息 [Вопросы международного образования]. 14.02.2016. С. 1-28.

⁹⁴ 第十一届全国人民代表大会第四次会议议程 [Повестка дня 4-го заседания 11-го Всекитайского собрания народных представителей] / 中央政府门户网站 [Официальный сайт Государственного совета КНР]. URL: http://www.gov.cn/2011lh/content_1816141.htm (дата обращения: 25.02.2025).

⁹⁵ 国家教委关于 1995 年深入进行普通高等学校招生和毕业生就业制度改革的意见 [Взгляд Госкомитета на проведение в 1995 г. углубленной реформы системы приема и трудоустройства выпускников общеобразовательных ВУЗов] / 国家教委. URL: <http://www.chinalawedu.com/falvfagui/fg22598/57334.shtml?from=singlemessage> (дата обращения: 25.02.2025); “211 工程”发展报告(1995—2005). 北京:高等教育出版社 [Отчет о разработке проекта " 211 " (1995-2005 гг.)]. Пекин: Издательство высшего образования]. 2007. 19 с.

⁹⁶ 全面推进共建“一带一路”教育行动 [Всестороннее продвижение совместной образовательной инициативы "Один пояс, один путь"] / 中华人民共和国教育部. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-02/20/content_5367017.htm (дата обращения: 25.02.2025).

⁹⁷ Распоряжение Губернатора Приморского края от 23 декабря 1996 г. N 1422-р "О создании комиссии по работе пунктов пропуска на российско-китайской границе в целях развития приграничного туризма". URL: <https://base.garant.ru/30101591/> (дата обращения: 25.02.2025).

цели, порядок работы, основные задачи и инструменты реализации Комиссии. Изучение этого документа имеет большое значение для понимания российско-китайских туристических связей в 1990-е годы, которые стали ключевым компонентом двусторонних отношений. С использованием документальных источников автор провел комплексный анализ деятельности различных государственных структур в продвижении русского языка в Китае.

Третью группу составляют *публицистические источники*: концептуальные декларации⁹⁸, фиксирующие общность точки зрения двух держав на происходящие события; выступления официальных лиц России и Китая, совместные заявления и коммюнике по итогам переговоров и другие⁹⁹. При этом, наибольшее значение имеют публицистические источники, адресантами которых выступают лидеры стран¹⁰⁰.

Важно отметить, что в 2019 году было подписано «Совместное заявление о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», которое

⁹⁸ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. 30.06.2005. // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3660> (дата обращения: 25.02.2025).

⁹⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия от 27 сентября 2010 г. / Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/supplement/719> (дата обращения: 25.02.2025); Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров от 25 июня 2016 г. / Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52273> (дата обращения: 25.02.2025); Я угадал с выбором русского языка. Интервью с генеральным консулом КНР в Хабаровске Го Чжицзюнем / ИА Хабаровский край сегодня. URL: <https://todaykhv.ru/news/policy/10977/> (дата обращения 25.02.2025); Экзамен на знание китайского. Интервью с вице-премьером правительства РФ О.Ю. Голодец / РГ. URL: <https://rg.ru/2015/12/11/kitayskiy-yazik.html> (дата обращения: 25.02.2025); Встреча Татьяны Голиковой с Заместителем Премьера Госсовета КНР Сунь Чуньлань // Правительство России, 13 июня 2018 г. URL: <http://government.ru/news/32864/> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁰⁰ Путин В.В. Приветственная речь на церемонии открытия Года китайского туризма в России // Сборник статей по материалам китайско-российского туристического форума-2013. Китайская академия туризма. Китайско-российский центр комплексного стратегического сотрудничества и совместных инноваций. Ассоциация туризма Мир без границ. Пекин: Издательство Туристическое образование. 2014. 5 с.; Си Цзиньпин. Приветственная речь на церемонии открытия Года китайского туризма в России // Сборник статей по материалам китайско-российского туристического форума -2013. китайская академия туризма. Китайско-российский центр комплексного стратегического сотрудничества и совместных инноваций. Ассоциация туризма «Мир без границ». Пекин: Издательство Туристическое образование. 2014. 3 с.

отмечало 70-летие установления дипломатических отношений между Россией и Китаем¹⁰¹. С точки зрения гуманитарного сотрудничества, новый уровень отношений между Китаем и Россией характеризуется общим стремлением двух лидеров укреплять дружеские связи между двумя народами, а также обогащать и сближать культуры. Стороны считают, что гуманитарные обмены являются приоритетным направлением в развитии отношений между Россией и Китаем. Такая точка зрения была подтверждена в Совместном заявлении о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2022 года¹⁰², что говорит о ее актуальности и важности.

Четвертую группу составляют статистические данные, подготовленные различными государственными или частными структурами. Так, автор опирался на статистику, собранную Федеральным агентством по туризму¹⁰³, Академией туризма Китая¹⁰⁴ и Федеральной службой государственной статистики России¹⁰⁵. Обращение к государственному

¹⁰¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 05.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁰² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 04.02.2022. / Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁰³ Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁰⁴ 中国旅游研究院、携程发布《2017 出境旅游大数据报告》[Академия туризма Китая опубликовала Большой статистический отчет по туризму за 2017 г.]. 01.03.2018. URL: <http://www.ctaweb.org/html/2018-2/2018-2-26-11-57-78366.html> (дата обращения: 25.02.2025).

¹⁰⁵ Въезд иностранных граждан в РФ / Федеральная служба государственной статистики России. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения: 25.02.2025); Выезд граждан России / Федеральная служба государственной статистики России. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 25.02.2025).

бюджету КНР позволило сделать вывод о финансовом потенциале китайских инициатив в области культуры и образования¹⁰⁶.

Таким образом, исследование было проведено на солидной источниковой базе, что позволило автору решить поставленные задачи и достичь намеченной цели.

Методология исследования. Данное исследование проведено в рамках теории неолиберализма, позволившей рассмотреть продвижение китайского языка в РФ как конструктивный, действенный способ продвижения позитивного образа Китая в России.

При проведении исследования автор исходил из принципов историзма, объективности, системности. *Принцип историзма* позволил рассмотреть процесс продвижения китайского языка в России с 2001 по 2025 гг. в контексте событий этого времени, с учётом особенностей формирования многополярной системы международных отношений, культурных особенностей народов Китая и России. В соответствии с *принципом объективности* все факты были рассмотрены в их истинном содержании, в их совокупности с учетом положительных и отрицательных сторон. *Принцип системности* позволил рассмотреть продвижения китайского языка в РФ как единый процесс во взаимосвязи всех его составляющих.

В исследовании был применен ряд научных подходов. В рамках *институционального подхода* были выявлены особенности функционирования отдельных институтов дипломатии в сфере образовательной политики Китая и России, представленной государственными учреждениями, общественными и профессиональными организациями, информационными агентствами, некоммерческими структурами. *Неоинституциональный подход* позволил определить роль неформальных акторов для укрепления двусторонних отношений. В

¹⁰⁶ 2018 年中央本级支出预算表 [Государственный бюджет КНР за 2018 год]. URL: http://yss.mof.gov.cn/2018zyys/201804/t20180403_2859400.html (дата обращения: 25.02.2025).

частности, автором изучались двусторонние партнерства и ассоциации высших учебных заведений двух стран.

Методы исследования. В данном исследовании были использованы как общенаучные, так и специально-исторические методы исследования. Из общенаучных были применены *анализ, синтез, индукция и дедукция*.

Из специально-исторических применялись хронологический, историко-генетический и сравнительно-исторический методы. *Хронологический* метод позволил рассмотреть события и явления в их хронологической последовательности. *Историко-генетический метод* позволил рассмотреть процесс распространения китайского языка в РФ в конкретный период – с 2001 по 2025 гг. *Сравнительно-исторический метод* позволил сопоставить механизмы взаимодействия в области языкового обмена и образования. При анализе сотрудничества между Китаем и Россией в области образовательной и гуманитарной политики автор подчеркивает различия между общими характеристиками и особенностями этих двух стран.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– в диссертации проведён системный анализ такого специфического инструмента «мягкой силы» КНР, как продвижение китайского языка в России. Это позволило рассмотреть языковую политику как важный элемент китайско-российского культурно-гуманитарного сотрудничества;

– выявлены этапы и особенности институционализации изучения китайского языка в России: от начального внедрения в систему школьного образования до распространения через Институты Конфуция и цифровые образовательные платформы;

– уточнены формы и направления влияния китайского языка на развитие российско-китайских гуманитарных связей, включая образовательную миграцию, академическую мобильность, культурные обмены и межрегиональное сотрудничество городов-побратимов;

– показана взаимосвязь государственной языковой политики КНР с внешнеполитической стратегией Китая и особенностями восприятия китайского языка в российском обществе;

– сформулированы прогнозы развития китайско-российского сотрудничества в сфере гуманитарной политики на среднесрочную перспективу и предложены практические рекомендации по повышению эффективности использования китайского языка как инструмента «мягкой силы» КНР;

– проанализирована трансформация роли Институтов Конфуция в России после реформы 2020 г. и показано, как переход к новым структурам (Центр языкового образования и сотрудничества, Китайский международный фонд образования) повлиял на восприятие китайского языка в российском образовательном пространстве.

В диссертации был использован широкий комплекс китайских и российских источников (включая официальные документы, статистику и материалы профильных ведомств), что позволило всесторонне проанализировать динамику и эффективность продвижения китайского языка.

Положения, выносимые на защиту.

1. Продвижение китайского языка на территории Российской Федерации является не самостоятельным образовательным проектом, а целостным и стратегически выверенным элементом внешнеполитического курса КНР, эффективно реализующим потенциал «мягкой силы». Данный процесс, имеющий глубокие исторические корни, основан на трех ключевых аспектах:

— распространение языка является классическим и наиболее эффективным инструментом культурной дипломатии, что подтверждается историческим опытом ведущих мировых держав (Великобритания, Франция). Положение языка на международной арене прямо коррелирует с мощностью государства-носителя, а его изучение обеспечивает не только коммуникацию, но и имплицитное усвоение связанных с ним культурных ценностей и политических нарративов;

— современные механизмы продвижения китайского языка в России опираются на уникальный фундамент, заложенный в прошлых столетиях – от деятельности Русской духовной миссии в Пекине и первых светских школ (Кяхтинская гимназия) до становления мощной отечественной синологической школы. Это создает глубокий уровень восприятия и доверия, отсутствующий во многих других регионах мира;

— создание Институтов Конфуция является закономерным ответом Китая на вызовы глобализации. Данные институты, формально сохраняя образовательно-культурный формат, де-факто выполняют системную работу по формированию позитивного облика Китая, повышению лояльности среди местного населения и, особенно, среди будущей элиты, а также углублению остальных аспектов российско-китайского сотрудничества, прежде всего экономического.

2. Изучение китайского языка в российских вузах и русского языка в Китае является неотъемлемым элементом углубления российско-китайских отношений в гуманитарной сфере и важным направлением стратегического партнерства двух стран. Начиная с 1990-х годов, системное развитие образовательного взаимодействия подкреплялось созданием двусторонней договорно-правовой базы, запуском масштабных культурных проектов («Национальные годы», «Годы национальных языков»), а также институционализацией сотрудничества в виде Российско-Китайского комитета по гуманитарному взаимодействию и многочисленных ассоциаций вузов. Эти меры способствовали не только росту числа студентов, изучающих китайский и русский языки, но и развитию новых образовательных программ, ориентированных на подготовку специалистов в области экономики, бизнеса, инженерных и технических наук, а также права. Формирование совместных университетов и институтов (например, российско-китайского университета в Шэньчжэне) стало важным этапом в создании общего образовательного пространства, обеспечивающего подготовку высококвалифицированных кадров для реализации совместных научно-технических и экономических

проектов. Участие студентов в программах обмена, грантовых инициативах и стажировках не только усилило академическую мобильность, но и заложило основу для формирования устойчивого интереса молодежи к языку и культуре соседнего государства.

3. Период 2001–2013 гг. стал этапом институционализации и стремительного роста изучения китайского языка в российских дошкольных и школьных образовательных учреждениях, что явилось прямым следствием экономического подъёма Китая и его целенаправленной политики мягкой силы, реализуемой через сеть Институтов Конфуция. Ключевым инсайтом является понимание того, что данный процесс был не стихийным, а управляемым и поддерживаемым на межгосударственном уровне, что позволило заложить устойчивый фундамент для его интеграции в российское образовательное пространство, преимущественно в крупных городах и приграничных регионах. При этом анализ подтверждает, что доминирующей методологической парадигмой в преподавании стал коммуникативный подход, ориентированный на формирование практической компетенции, а не на формальное усвоение языковых норм. Однако устойчивость этого образовательного тренда была поставлена под вопрос рядом системных вызовов, главным из которых является острый дефицит квалифицированных педагогических кадров, способных работать со спецификой китайского языка, что создаёт структурную асимметрию между спросом на обучение и реальными возможностями системы образования.

4. В языковом обмене наблюдается асимметрия: на фоне взрывного роста числа изучающих китайский в России произошло практически четырёхкратное сокращение интереса к русскому языку в Китае, что указывает на односторонний характер процесса и ставит вопрос о необходимости выработки более сбалансированных механизмов гуманитарного сотрудничества. Таким образом, представленная глава доказывает, что изучение китайского языка стало не просто новым учебным предметом, а значимым фактором формирования языковой личности и познавательного

потенциала учащихся, открывающим новые возможности в условиях глобализации, но требующим для своего дальнейшего развития комплексных решений на уровне государственной образовательной политики.

5. В период с 2013 по 2024 гг. изучение китайского языка в российских вузах в рамках совместных образовательных программ трансформировалось из локальной инициативы приграничных регионов в системный, стратегически важный элемент российско-китайского гуманитарного сотрудничества. Этот процесс характеризовался рядом ключевых особенностей. Изучение китайского языка вышло за узкие рамки лингвистики и востоковедения и стало неотъемлемым компонентом широкого спектра совместных программ двойных дипломов (бакалавриата и магистратуры) по экономике, менеджменту, техническим и естественнонаучным специальностям, педагогике и искусству. Это свидетельствует о переходе от изучения языка как самоцели к его восприятию как инструменту для получения профессионального образования и компетенций, востребованных на совместных рынках труда. Вузами двух стран был разработан и апробирован широкий спектр моделей обучения, позволяющих интегрировать интенсивное языковое погружение в стране-носителе языка с фундаментальной профессиональной подготовкой в вузе-партнере. Это обеспечило вариативность и адаптивность образовательных траекторий. Если первоначально программы были сконцентрированы в приграничных регионах (Дальний Восток России — провинция Хэйлуцзян), то к 2024 году география существенно расширилась, включив ведущие университетские центры Сибири, Урала, Центральной России и Северо-Запада. Параллельно происходила диверсификация содержания: китайский язык стал изучаться не только для переводческой или филологической деятельности, но и для ведения бизнеса, преподавания, инженерного дела и научных исследований.

6. Институты Конфуция в России выступают ключевым инструментом распространения китайского языка и культуры, обеспечивая рост числа изучающих китайский язык и расширение образовательных программ, однако

их эффективность носит противоречивый характер. С одной стороны, активное финансирование со стороны КНР, поддержка вузов-партнёров и быстрое развитие сети институтов позволяют достигать значительных результатов в популяризации китайского языка. С другой — недостаточная адаптация учебных материалов к российской образовательной среде, зависимость от китайских методик и контроль деятельности со стороны Ханьбань ограничивают долгосрочную результативность институтов. В российском контексте они оказываются одновременно каналом культурного обмена и инструментом «мягкой силы» Китая, что требует как научного анализа, так и институционального контроля со стороны отечественного образовательного сообщества. Реформа системы Институтов Конфуция (2020 г.) и создание Центра языкового образования и сотрудничества (ЦЯОС) и Китайского международного фонда образования (КМФО) свидетельствуют о стратегическом переходе от жесткой централизованной модели управления к более гибкой и адаптивной, направленной на деполитизацию имиджа и преодоление критики на международной арене, однако создавшей краткосрочную правовую и организационную неопределённость для российских вузов-партнёров.

7. Курс на модернизацию КНР, взятый руководством страны с момента образования Китайской Народной Республики, — именно он, как представляется, выступил решающим импульсом для развития взаимодействия между российской и китайской школами изобразительного искусства. Диалог двух культур, накопивший за десятилетия глубокий опыт, привёл к тому, что китайская школа масляной живописи в известной степени подражала российской реалистической традиции. В этом взаимодействии раскрылись не только внешние формы межкультурной коммуникации, но и более глубинные пласты. Обращает на себя внимание: русская культура проникла в реалистическую школу Китая на образно-стилевом и жанровом уровнях. Подобный опыт стал возможен благодаря обучению китайских художников в СССР, а в настоящее время — в Российской Федерации.

Теоретическая значимость диссертационного исследования видится, прежде всего, в углублении научных знаний об исторической эволюции китайско-российских отношений в период 2001–2025 гг. Представленные и систематизированные в диссертации факты, а также сделанные выводы не только развивают проблематику двусторонних связей, но и обогащают исследовательскую перспективу китайско-российского культурно-гуманитарного сотрудничества начала XXI века. Дополнительно стоит отметить, что само диссертационное исследование вносит вклад в теорию и практику культурной дипломатии, а также в область межкультурной коммуникации. Примечательно, что оно позволяет выработать новые подходы к анализу диалога культур, культурной дипломатии и гуманитарных отношений — в их взаимосвязи.

Практическая значимость настоящей работы определяется тем, что ее материалы, выводы и рекомендации могут оказаться полезными при подготовке научных трудов, посвящённых диалогу культур и двустороннему российско-китайскому сотрудничеству в культурно-гуманитарной сфере. Вместе с тем полученные результаты могут быть востребованы китайскими и российскими университетами, а также официальными органами, в чьём ведении находится международное культурно-образовательное сотрудничество. Нельзя обойти вниманием и представителей предпринимательских кругов, работающих на китайском рынке образования и культуры. Наконец, материалы диссертации пригодны для написания монографий и учебных пособий, для разработки учебных дисциплин по истории России и Китая, по внешней и культурно-гуманитарной политике двух стран, а также по истории международных отношений.

Апробация работы. Основные результаты и выводы диссертационного исследования отражены в четырех научных публикациях диссертанта, в том числе две статьи опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень РУДН и Перечень ВАК.

Структура исследования. Структура диссертационной работы определяется целью и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ КНР: КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В РФ

1.1. Эволюция осмысления мягкой силы в работах ученых

Изучение концепции «мягкой силы» невозможно без предварительного осмысления более широкой категории – «силы» в целом. Прежде всего стоит отметить, что на протяжении долгого времени понятие «сила» занимало центральное место в теории международных отношений. Уже античные мыслители рассматривали ее как ключевой фактор, определяющий поведение государств, что ярко выражено в «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида¹⁰⁷. В современном научном дискурсе категория «сила» трактуется по-разному, что отражает многообразие подходов различных школ международной политической мысли. Наибольшее распространение получило определение американского политолога Р.А. Даля, согласно которому «сила заключается в способности актора повлиять на принятие решения, которое в иных условиях принято бы не было»¹⁰⁸. В то же время Г. Моргентау подчеркивал, что «сила является одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем политической науки»¹⁰⁹. Аналогичного мнения придерживался Р. Гилпин, утверждавший, что «эта категория остается самой трудной и спорной в теории международных отношений»¹¹⁰. В целом можно выделить два основных подхода к ее пониманию, сформированные разными школами.

Представители политического реализма (Г. Моргентау, А. Уолферс, Г. Киссинджер) рассматривали силу как фундаментальное явление международной политики. В начале она понималась преимущественно как

¹⁰⁷ Фукидид. История Пелопоннесской войны. В 7 томах. М., 1887.

¹⁰⁸ Dahl R.A. The Concept of Power // Behavioral Science, 2:3, July, 1957. P. 201.

¹⁰⁹ Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 3rd edn. NY: 1964. P. 27.

¹¹⁰ Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 13.

показатель мощи государства, позволяющий оценить его конкурентоспособность, амбиции и мотивы. Для классических реалистов, во главе с Г. Моргентау, сила отождествлялась в первую очередь с принуждением, а альтернативные ее формы оставались в тени. Однако в дальнейшем, благодаря работам А. Уолферса¹¹¹ и Г. Киссинджера¹¹², представление о силе расширилось: наряду с принуждением стали выделять и влияние, основанное не на давлении, а на способности убеждать и привлекать.

Эволюции подверглось и представление о возможности количественного измерения силы государства. Изначально реалисты полагали, что сила поддается точному исчислению через совокупность ресурсов, которыми располагает актор. Но французский исследователь Р. Арон поставил этот подход под сомнение. По его мнению, если бы сила действительно могла быть сведена к математическим расчетам, международные отношения выглядели бы как формулы, что не отражает их реальной природы. История знает множество случаев, когда слабый успешно противостоял сильному. В связи с этим Арон предложил использовать категорию «мощи» (might), понимаемой как способность актора навязывать свою волю и идеи другим.

Представители либеральной школы (И. Кант, Дж. Най) изначально трактовали категорию «сила» несколько иначе, чем реалисты, не рассматривая военный аспект как ее основу. Для сторонников либерализма война несла исключительно негативные последствия для международных отношений, тогда как реалисты воспринимали конфликт и конкуренцию как естественное состояние мировой политики. Еще в XVIII веке немецкий философ И. Кант заложил основы либерального понимания силы, утверждая, что «экономическое сотрудничество способно стать фактором, отодвигающим

¹¹¹ Теория международных отношений: Хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 334–337.

¹¹² Kissinger H. American Foreign Policy. 3d ed. New-York, 1977. P. 57.

военную мощь на второй план»¹¹³. По его мнению, именно «дух торговли» мог стать движущей силой, обеспечивающей установление вечного мира.

В дальнейшем идеи Канта оказали серьезное влияние на либеральное направление. В рамках этой школы важное значение при анализе силы государства стали приобретать не только материальные, но и нематериальные ресурсы: культура, образование, научно-технический прогресс, финансовые достижения и их привлекательность для других стран. С развитием информационной революции ключевым инструментом силы начали становиться средства массовой информации и ведущие медиа-платформы.

Расширение перечня ресурсов привело к тому, что либеральные теоретики стали говорить о росте значимости акторов, ранее недооцененных из-за отсутствия военного потенциала. Среди них — малые государства, способные усиливать свое влияние через экономику и культуру, транснациональные корпорации, выходящие за рамки национальных границ, влиятельные неправительственные организации и даже отдельные личности, обладающие ресурсами и способные воздействовать на мировые процессы. Усиление взаимосвязей между всеми участниками международной системы подробно рассмотрели Р. Кохейн и Дж. Най в работе «Сила и взаимозависимость. Переходный период мировой политики»¹¹⁴. Их исследование стало важным этапом в формировании новой парадигмы международных отношений, в которой сила определяется способностью актора к эффективному взаимодействию.

В целом можно отметить, что как либералы, так и реалисты (а также представители других направлений) в XX в. пришли к выводу о недостаточности понимания силы исключительно через военную мощь. Именно это подтолкнуло западных исследователей к выделению ее невоенных форм, что в конечном счете привело к разработке концепции «мягкой силы». При этом многие ученые, включая структуралистов (например, С. Стрендж),

¹¹³ Кант И. К вечному миру. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 286.

¹¹⁴ Keohane R., Nye J. (Jr) Power and interdependence in the information age Foreign Affairs; Sep/Oct 1998. P. 87.

указывали на возрастание влияния новых акторов мировой политики — транснациональных корпораций, международных организаций и отдельных личностей, которые, располагая значительными ресурсами, способны формировать выгодные для себя условия на глобальной арене.

Итак, можно сделать вывод, что изменения в характере международных отношений не остались незамеченными мыслителями разных научных направлений. Военное могущество перестало быть единственным решающим фактором, что привело к появлению исследований, призванных объяснить новые процессы и дать понимание их сути как важного ресурса для получения преимуществ в мировой политике.

Понятие «мягкой силы» в современном его значении появилось в 1990 г. благодаря американскому политологу Дж. Наю, который ввел данный термин в своей работе «Пределы лидерства: изменение природы американской мощи» («Bound to Lead: The Changing Nature of American Power»). Именно Най не только ввел сам термин, но и разработал концепцию, без которой дальнейший анализ темы был бы невозможен¹¹⁵. В ранних трудах он противопоставлял «мягкую силу», основанную на политической идеологии, культуре и ценностях, «жесткой силе», базирующейся на военном потенциале и экономическом давлении, используемых для реализации внешнеполитических целей.

В своих исследованиях Дж. Най предлагал несколько формулировок понятия «мягкая сила», однако чаще всего цитируются две:

– «Мягкая сила» — это «способность добиваться желаемого в отношениях с другими государствами через привлекательность культуры, ценностей и внешней политики, а не посредством принуждения или финансовых стимулов»¹¹⁶.

¹¹⁵ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.

¹¹⁶ Nye J., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs Group, 2004. P. 26.

– «Мягкая сила» — это «возможность влиять на другие страны для реализации собственных интересов через сотрудничество, убеждение и создание положительного образа»¹¹⁷.

В числе ключевых источников «мягкой силы» Най в статье 1990 г. выделял привлекательность актора — как культурную и идеологическую, так и связанную с международными институтами и нормами¹¹⁸. Позже, в 2004 г., он окончательно уточнил основные ресурсы данного феномена: культура, привлекательная для внешней аудитории; политические ценности, если они подтверждаются практикой государства; а также внутренняя и внешняя политика, воспринимаемая другими как справедливая и легитимная¹¹⁹. Большинство его последующих исследований опираются именно на эту классификацию.

Особое место в концепции Ная занимает культура как источник «мягкой силы». Он делил ее на два типа: массовую (потребительскую), связанную с повседневной жизнью общества, и высокую, обладающую большей устойчивостью. Массовая культура, по мнению Ная, хоть и поверхностна и изменчива, но именно благодаря своей простоте и легкости восприятия быстро распространяется и оказывает значительное влияние на международной арене. Именно эта динамичность превращает ее в важный инструмент формирования «мягкой силы».

В целом можно утверждать, что разработанная Дж. Наем концепция «мягкой силы» стала итогом многолетних размышлений и исследований целого ряда влиятельных теоретиков, стремившихся осмыслить трансформации в международных отношениях. Российская исследовательница Е. П. Панова отмечает, что Най, по сути, не открыл новый феномен, а лишь «систематизировал давно существующее явление, которое до

¹¹⁷ Nye J. The Future of Power. New York, NY: Public Affairs, February 1, 2011. P. 32.

¹¹⁸ Nye J. (Jr.) Soft Power. Foreign Policy, No. 80, Twentieth Anniversary (Autumn, 1990). P. 168.

¹¹⁹ Nye J., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. P. 142.

него не получило четкой научной формулировки»¹²⁰. Схожей точки зрения придерживаются и многие другие авторы¹²¹.

Определенное влияние на формирование идей Ная оказала и работа американского политолога Р. Клайна, предложившего формулу оценки национальной мощи. Согласно этому подходу, комплексная мощь государства может быть рассчитана на основе определенных характеристик¹²². Наибольший интерес здесь вызывает разделение этих характеристик на материальные (население, территория, экономика, военный потенциал) и нематериальные (национальная стратегия, политическая воля в достижении целей). Такое разграничение во многом соотносится с дихотомией «жесткой» и «мягкой силы», предложенной Дж. Наем¹²³.

Значимую роль в формировании предпосылок появления концепции «мягкой силы» сыграли и идеи британского теоретика С. Льюкса¹²⁴. Опираясь на труды Р. Даля, М. Вебера, М. Баратца и П. Бахраха, он выделил «третье лицо силы»¹²⁵. В 1961 г. Р. Даль в книге «Кто правит?» определил силу как «способность акторов принимать решения и закреплять их в правовых актах»¹²⁶. Вскоре П. Бахрах и М. Барац расширили этот подход, введя понятие «второго лица силы» — умение определять повестку, ограничивая набор

¹²⁰ Панова Е. П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. С. 13.

¹²¹ Yan Xuetong. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power*. Princeton: Princeton University Press. 2011. 258 p.; Бобыло А. М., Песцов С. К. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 108–114; Красина О. В. «Мягкая сила» как теоретическая конструкция и властная технология современной мировой политики. *Соврем. гуманитар. акад. М.: Издательство Современного гуманитарного университета*, 2011. С. 34–48.

¹²² Балахонцев Н., Кондратьев А. Зарубежные методы оценки потенциала стран // *Зарубежное воен. обозрение*. 2010. № 11. С. 101–104.

¹²³ Абрамов В. А. *Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения*. М.: Восточная книга, 2010. С. 132.

¹²⁴ Vuving A. *How Soft Power Works*. American Political Science Association annual meeting, Toronto. September 3, 2009. P. 65.

¹²⁵ Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. ... канд. полит. наук. 2016. С. 56.

¹²⁶ Dahl Robert. *Who Governs?: Democracy and Power in an American City*. 1961. P. 121.

вопросов для обсуждения¹²⁷. В 1974 г. С. Льюкс предложил третий уровень понимания силы, заключающийся в способности формировать представления о том, какие решения считаются правильными, а какие — нет. Эта идея была изложена им в работе «Власть: радикальный взгляд»¹²⁸ и в дальнейшем оказала заметное влияние на концепцию «мягкой силы» Ная. Многие исследователи, среди которых А. Вавин, Дж. Галларотти и Дж. Маттерн, указывали на очевидные параллели между ними.

Концепт силы имиджа как инструмента внешнеполитического влияния вызвал активные дискуссии и получил развитие в трудах современников Ная. К числу значимых работ по данной тематике относятся «Мировой порядок» Г. Киссинджера¹²⁹ и «Великая шахматная доска» З. Бжезинского¹³⁰. Однако идеи, близкие по сути к «мягкой силе», встречались и у мыслителей более ранних эпох. Так, Н. Макиавелли, М. Вебер и А. Грамши рассуждали о власти и ее источниках. Особенно примечательны взгляды Грамши, изложенные в труде «Искусство и политика»¹³¹. Он отмечал, что в отличие от диктатуры, государственная гегемония строится на добровольном признании авторитета власти. По его мнению, устойчивость государства основана не только на насилии или экономическом давлении, но прежде всего на согласии общества, которое принимает ценности и установки, транслируемые правителями.

Особого внимания заслуживают идеи итальянского мыслителя Н. Макиавелли. В своем трактате «Государь» он призывал правителя сочетать качества льва и лисицы: «сила льва позволяет отпугивать врагов, а хитрость лисицы помогает избегать ловушек»¹³². Эта метафора наиболее точно отражает взгляд философа на необходимость объединения грубой военной

¹²⁷ Bachrach P., Baratz M. S. The Two Faces of Power // American Political Science Review. 1962. Vol. 56, № 4. P. 947–952.

¹²⁸ Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. Macmillan, 1974. С. 45.

¹²⁹ Киссинджер Г. Мировой порядок / пер. В. Желнинов, А. Милюков. М.: АСТ, 2015. 512 с.

¹³⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1998. 330 с.

¹³¹ Грамши А. Искусство и политика: в 2 т. Т. 1 / пер. с итал. М.: Искусство, 1991. С. 10.

¹³² Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М., 1988. С. 93–94.

мощи с более изощренными, «мягкими» методами воздействия. Макиавелли считал, что опираться исключительно на силу оружия недостаточно: для завоевания лояльности подданных и достижения устойчивых результатов следует использовать также невоенные инструменты влияния.

Тем не менее именно Дж. Най внес наиболее весомый вклад в углубление понимания феномена силы в международных отношениях. Как отмечал, в частности, А. Вавин, предложенное им новое соотношение «жесткой» и «мягкой силы» позволило рассматривать проблему под принципиально иным углом¹³³. Позднее это привело к появлению концепции «умной силы» («smart power») ¹³⁴, подразумевающей использование государством одновременно и военного/экономического давления, и инструментов культурного и ценностного влияния.

Задатки этой идеи прослеживаются уже в ранних трудах Дж. Ная. Он отмечал, что «жесткая» и «мягкая» сила неразрывно связаны: «наличие внушительного военного и экономического потенциала создает возможности для развития привлекательности, а успешное применение «мягкой силы», в свою очередь, укрепляет позиции в сфере «жесткой»¹³⁵. При этом динамика их наращивания различна. Если военную мощь или экономическое влияние можно усилить в относительно короткие сроки (примером служит стремительный рост экономики и армии КНР на рубеже XX–XXI веков), то эффект от «мягкой силы» проявляется медленнее и не столь очевидно. Так,

КНДР, полностью полагаясь на военно-силовой ресурс, потеряла свою привлекательность в глазах мирового сообщества. США во время вторжения в Афганистан и Ирак также испытали снижение своего имиджа из-за чрезмерного акцента на военной тактике, что вызвало увеличение озабоченности среди их союзников. С другой стороны, в конце XX века многие люди называли Китай угрозой: инцидент на площади Тяньаньмэнь

¹³³ Vuving A. How Soft Power Works. American Political Science Association annual meeting, Toronto. September 3, 2009. P. 18.

¹³⁴ Nye J. Smart power. *New Perspectives Quarterly*, 2009. Vol. 26. № 2. P. 7–9.

¹³⁵ Nye J. *The Future of Power*. New York, NY: Public Affairs, February 1, 2011. P. 320.

(1989) и последствия тайваньского кризиса (1995) "укрепили имидж страны как жесткого и неуверенного в себе субъекта международных отношений"¹³⁶.

"Позже и Соединенные Штаты, и Китай предприняли серьезные шаги по развитию собственного потенциала мягкой силы. Американцы активно распространяют массовую культуру через киноиндустрию, средства массовой информации и высокие технологии, в то время как Китай делает ставку на "высокую" культуру и развивает сеть Институтов Конфуция, которые осуществляют образовательные и культурные проекты для иностранцев"¹³⁷. В целом, во внешнеполитической деятельности и США, и КНР можно отчетливо наблюдать соответствующий баланс между эффективностью "жесткой силы" и "мягкой мощи", что указывает на то, что первым требуется больше времени, чтобы создать и выделить его интерпретацию и использование в стране.

Анализируя труды Дж. Ная, можно заметить, что он склонен рассматривать достижения и потенциал собственной цивилизации (в интерпретации С. Хантингтона) как универсальный ориентир для всего мира. По его мнению, «государства, не придерживающиеся «безальтернативной модели политико-экономического либерализма»»¹³⁸, обладают значительно меньшими возможностями для развития и реализации «мягкой силы». Так, сравнивая Соединенные Штаты и Китай, Най подчеркивал, что именно либеральная модель американской экономики и политики привела к «успеху США как нации» и стала главным источником их привлекательности на международной арене. В то же время в китайской системе, где ведущую роль играет государство, потенциал «мягкой силы» заметно ограничен. Най считал это ключевой слабостью китайского подхода и утверждал, что «главным

¹³⁶ Ross H. Munro. *Awakening Dragon: The Real Danger in Asia Is Coming from China* // *Policy Review*. 1992. № 62. P. 10–16; Kurlantzick J. *Charm Offensive. How China's Soft Power is Transforming the World*. Yale University Press, 2008. P. 40.

¹³⁷ Бу Р.Х. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики Китая на примере сопряжения ЭПШП и ЕАЭС: диссертация ... кандидата политических наук : 5.5.4. Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». Санкт-Петербург. 2022. 406 с.

¹³⁸ Fukuyama, F. *The End of History?* // *The National Interest*. 1989. No. 16. P. 3–18.

источником подобного влияния должно быть гражданское общество, а не государственные институты»¹³⁹.

Одним из дополнительных критериев оценки успешности «мягкой силы» Дж. Най, как известно, называл так называемый «нобелевский показатель». Согласно его логике, количество лауреатов Нобелевской премии в той или иной стране служит индикатором её вклада в мировое развитие и, соответственно, усиливает привлекательность государства на международной арене.

Базовым условием, объединяющим все параметры «мягкой силы», исследователь считал наличие эффективной политической и экономической системы — системы, основанной на равных правах и равных возможностях для граждан. Именно это, по мысли Най, обеспечивает людям достойный уровень жизни и общественное признание. Такое устройство, как он отмечал, способствует росту интереса к стране со стороны международного сообщества, а также притоку талантливых специалистов из тех государств, где подобные условия отсутствуют. При этом Най подчёркивал необходимость «систематически отслеживать восприятие страны за рубежом и при необходимости корректировать внутреннюю и внешнюю политику для сохранения привлекательности»¹⁴⁰.

В целом — и это важно подчеркнуть — хотя сам феномен «мягкой силы» формировался под влиянием идей многих исследователей, именно Дж. Най впервые дал ему целостное описание. Впоследствии его концепция получила широкое развитие и постепенно дополнялась новыми теоретическими элементами, которых не содержалось в ранних работах. Однако, как отмечают многие учёные, эти дополнения не всегда носили системный характер. Вследствие этого ряд аспектов (в частности, чёткие критерии оценки

¹³⁹ Joseph S. Nye, Jr. Understanding twenty first Century Power Shifts // The European Financial Review. June 24, 2011. P. 3-19.

¹⁴⁰ Nye J. (Jr.) Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. P. 142.

эффективности «мягкой силы») остаются предметом дискуссий и научных споров — и, заметим, до сих пор не получили однозначного разрешения.

Анализ трудов Дж. Ная по «мягкой силе» позволяет сделать вывод, что описанный им феномен в теоретическом плане не был оформлен как полноценная концепция, несмотря на то, что в США он рассматривался как одно из ключевых направлений внешней политики. Критики отмечали склонность Ная к описательному стилю и недостаточную теоретическую проработанность, что будет рассмотрено далее. Несмотря на многочисленные публикации по теме, системного и логически обоснованного определения «мягкой силы» с конкретными инструментами, ресурсами и критериями эффективности не существовало до выхода книги «Будущее власти» (2011 г.)¹⁴¹.

Основная причина этой критики заключается в том, что теоретическая база неясна. Например, британский ученый И. Фан в своих рецензиях на монографию Дж. Ная "Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике"¹⁴² и "Достоинства мягкой силы"¹⁴³ указывает на отсутствие четкой и структурной логики. Эта критика, в частности, сосредоточена на том факте, что американский политолог создал пять различных версий "мягкой силы" в одной работе: способность распознавать предпочтения оппонентов, привлекательность и косвенное культурное или идеологическое принуждение. И. Фан считает, что "эта разница в интерпретации придает явлению визуальную сложность"¹⁴⁴. Хотя, стоит заметить, он признает общую аналитическую ценность этой концепции.

Другим объектом критики стала научная новизна концепции: многие выводы Ная уже встречались в истории. Также Фан критиковал определение

¹⁴¹ Nye J. *The Future of Power*. New York, NY: Public Affairs, February 1, 2011. P. 320.

¹⁴² Nye J., Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs Group, 2004. P. 54.

¹⁴³ Nye J. *The Benefits of Soft power* // HBS Working Knowledge. 2004. URL: <https://hbswk.hbs.edu/archive/the-benefits-of-soft-power> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁴⁴ Ying Fan. *Soft power: power of attraction or confusion?* // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2008. Vol. 4, № 2. P. 148.

ресурсов «мягкой силы». Изначально Най выделял культуру и законы с международным весом, затем добавил внешнюю политику и систему государственных ценностей. При этом теоретического обоснования этим изменениям не было: политические ценности входят в состав культуры, а внешняя политика неотделима от «жесткой силы». Фан приходит к выводу, что «единственным истинным ресурсом «мягкой силы» является культурная привлекательность, что позволяет определить «мягкую силу» лаконично и концептуально ясно: «мягкая сила» есть сила культуры»¹⁴⁵.

Неопределенность, по мнению Фана, наблюдается и в вопросе природы ресурсов: универсальны ли они и могут ли все акторы использовать их одинаково эффективно? В качестве примера он сравнивает культурное влияние Индии и Китая с США и Францией. Хотя первые обладают богатой исторической культурой, их «мягкая сила» проявляется слабее, чем у США или Франции, что, по мнению Фана, опровергает тезис Ная о прямой зависимости эффективности «мягкой силы» от культурного богатства.

Таким образом, можно заключить, что эволюция категории «сила» в международных отношениях от ее классического понимания в рамках реализма до либеральной трактовки и дальнейшей разработки концепции «мягкой силы» Дж. Ная отражает глубинные изменения в мировой политике. Если в прошлом доминировали идеи военного могущества и материальных ресурсов, то современная наука и практика все больше акцентируют внимание на нематериальных факторах — культуре, ценностях, институтах и информационных технологиях. Концепция «мягкой силы», несмотря на критику за теоретическую размытость и отсутствие универсальных критериев оценки, стала важным аналитическим инструментом, позволившим по-новому взглянуть на механизмы влияния государств и негосударственных акторов. Она показала, что привлекательность и способность убеждать нередко оказываются эффективнее прямого давления, а значит, являются

¹⁴⁵ Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады ИМИ МГИМО (У) МИД России. 2013. Вып. 1 (63). С. 18.

неотъемлемой частью комплексной стратегии внешней политики. В этом заключается ее значимость как для научного дискурса, так и для практики международных отношений.

Таким образом, можно сделать вывод, что эволюция категории "сила" в теории международных отношений эволюционировала от ее изначального понимания в рамках парадигмы реализма к либеральной интерпретации и далее к ее осмыслению в работах Дж. Нае, отраженного в концепции "мягкой силы". Смена теоретического видения отражает глубокие изменения в мировой политике. Ввиду того факта, что в прошлом концепции военной мощи и материальных ресурсов охватывали современную науку, внешнеполитическая практика все больше фокусируется на таких органических факторах, как культура, ценности, институты и технологии. Хотя концепция "мягкой силы" подвергалась критике из-за теоретической неопределенности и отсутствия глобальных стандартов оценки, она стала важным аналитическим инструментом, который позволяет пересмотреть механизмы влияния государства и негосударственных субъектов. Она доказала, что привлекательность и убеждение часто более эффективны, чем прямое давление, а это значит, что они являются ключевыми компонентами более широкой внешнеполитической стратегии. В этом ее значение для научного авангарда и функции международных отношений.

1.2. Становление теории мягкой силы в китайской науке

Идеи, высказанные Дж. Наем, нашли благоприятное восприятие в Китае, особенно в древних текстах, таких как «Дао Дэ Цзин» («Книга пути и благодати») авторства Лао Цзы. В этом памятнике определена специфическая суть "мягкой силы", подчеркивая, что "Мягкое и слабое берут верх над твердым и сильным" («强大处下，柔弱处上»). Лао Цзы представил принцип,

согласно которому "трава и деревья рождаются слабыми" («草木之 生也柔脆»), а "сила заключается в сохранении мягкости"¹⁴⁶.

В трактате «Мо Цзы» (V – III вв. до н.э.) подчеркивается, что использование военной силы для разрешения политических споров между государствами — «это все равно что склонить людей страны пить одно лекарство, чтобы вылечить разные болезни, ... лишь четыре, пять человек смогут поправиться»¹⁴⁷. Это высказывание можно трактовать как невозможность воздействия силой на разум и мысли других народов и завоевание их.

Рассматривая интерес китайских исследователей к концепции «мягкой силы», предложенной Дж. Наем, целесообразно начать с анализа публикационной активности в Китае по данной теме. Это позволит проследить тенденцию роста внимания научного сообщества страны к проблематике «мягкой силы» в последние десятилетия. Наиболее наглядно эта динамика отражена в базе данных китайской онлайн-библиотеки научных публикаций CNKI¹⁴⁸.

Так, в период 1990–2000 гг. термин «мягкая сила» (软实力) упоминался в научных работах лишь шесть раз, причем статьи в основном относились к сферам экономики, идеологии, политики и научных исследований. Однако в 2001–2010 годах наблюдается резкий рост интереса: опубликовано уже 7640 статей, среди которых значительная часть посвящена культуре (2236), китайской и международной политике (796), образованию (274) и туризму (141). В последующее десятилетие, с 2011 по 2021 годы, количество публикаций достигло 34 306, причем ключевыми направлениями стали

¹⁴⁶ 老子。道德经全文。第七十六章。(Лао Цзы. Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати (полный текст). Глава 76. URL: <http://www.daodejing.org/76.html> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁴⁷ «墨子». 卷五。非攻(下)第十九章//国学网。(«Мо Цзы». Т. 5. Глава 19 «Ненападение». Часть третья // Guoxue.com.) URL: <http://www.guoxue.com/book/mozi/0005.htm> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁴⁸ Официальный сайт базы данных CNKI. URL: <https://i.cnki.net> (дата обращения: 10.05.2024).

культура (9882 статьи), образование (1906) и туризм (688). В целом именно культура, образование и туризм стабильно составляли около трети всего дискурса о «мягкой силе» в китайской науке.

Из этих данных видно, что в первые годы после выхода работы Дж. Ная китайское академическое сообщество практически не уделяло внимания феномену «мягкой силы» и не участвовало активно в международной дискуссии¹⁴⁹. Немногие авторы, обращавшиеся к данной теме, в основном использовали терминологию Ная, не предлагая собственных оригинальных трактовок. Среди первых исследователей, заинтересовавшихся концепцией, можно выделить Чжао Цзичэна¹⁵⁰, Хуан Су¹⁵¹ и Чэнь Цзичжу¹⁵².

Так, Хуан Су в одной из своих публикаций подчеркнул возрастающую роль международных организаций и корпораций в формировании национального имиджа. В качестве примера он приводит США, где экономическая мощь и внешнеполитические амбиции обеспечили продвижение американских корпораций за рубеж. По мнению исследователя, такие компании выступают своеобразными «проводниками» американской «мягкой силы»¹⁵³.

Чэнь Цзичжу рассматривал «мягкую силу» как «равнозначный «жесткой силе» элемент государственной политики, в том числе китайской. Он предложил близкое к определению Ная понимание «жесткой силы», выделив в ней военную и экономическую составляющие, и указал на возрастающее

¹⁴⁹ Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990. P. 5.

¹⁵⁰ 赵吉成. 财政必须为振兴科技服务 // 中国财政 [Чжао Цзичэн. Роль финансов в развитии технологий // *China State Finance*]. 1992. С. 54.

¹⁵¹ 黄苏. 怎样估价美国的经济与实力——逆差、债务、软实力剖析 [Хуан Су. Способы оценки экономического потенциала и мощи США: Анализ дефицита внешней торговли, долга оборонной промышленности и «мягкой силы»] // *World Economy*. 1991. С. 45-46.

¹⁵² 沈骥如. 不能忽视增强我国的“软实力” [Чэнь Цзичжу. Усиление мягкой силы» Китая] // *瞭望新闻周刊 [Lookout Newsweek]*. 1999. С. 65.

¹⁵³ 黄苏. 怎样估价美国的经济与实力——逆差、债务、软实力剖析 [Хуан Су. Способы оценки экономического потенциала и мощи США: Анализ дефицита внешней торговли, долга оборонной промышленности и «мягкой силы»] // *World Economy*. 1991. С. 45-46.

значение невоенных инструментов в урегулировании международных конфликтов»¹⁵⁴.

Чжао Цзичэн, занимавший на тот момент должность директора финансового департамента провинции Хэйлунцзян, акцентировал внимание на значении образования и науки для укрепления положительного имиджа страны¹⁵⁵. По его мнению, «подготовка квалифицированных специалистов и развитие новых технологических решений способны создавать центры знаний, привлекательные для зарубежных ученых. Эти идеи во многом перекликаются с рассуждениями Дж. Ная о науке и технологиях как элементах «высокой» культуры государства и соответствуют так называемому «нобелевскому показателю», позднее предложенному американским политологом»¹⁵⁶.

В целом можно отметить, что концепция «мягкой силы» вызвала заметный интерес в китайской политической науке и в достаточно короткие сроки стала основой для формирования собственной теоретической базы, на которой начали развиваться самостоятельные исследования китайских ученых. Работы 1990-х годов, написанные китайскими авторами, в основном сводились к пересказу идей Дж. Ная и не содержали значимой научной новизны. Подобная ситуация сохранялась до тех пор, пока видный политолог Ван Хунин в 1993 году не представил собственное понимание феномена, что положило начало разработке оригинальных подходов в рамках китайской политической науки.

Важно подчеркнуть, что идеи Дж. Ная оказались весьма созвучны процессам, происходившим в Китае в тот период. Начатая Дэн Сяопином политика экономической либерализации и открытости страны внешнему миру гармонично сочеталась с концепцией «мягкой силы». В этих условиях культура и позитивный международный имидж Китая приобретали особое

¹⁵⁴ 沈骥如. 不能忽视增强我国的“软实力” [Чэнь Цзижу. Усиление мягкой силы» Китая] // 瞭望新闻周刊 [Lookout Newsweek]. 1999. С. 67.

¹⁵⁵ 赵吉成. 财政必须为振兴科技服务 // 中国财政 [Чжао Цзичэн. Роль финансов в развитии технологий // China State Finance]. 1992. С. 54.

¹⁵⁶ Nye J., Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs Group, 2004. P. 43.

значение в связи с необходимостью интеграции страны в мировые экономические процессы. Одним из первых китайских ученых, обративших внимание на возрастающее значение «мягкой силы» для внешнеполитической стратегии КНР, стал профессор Фуданьского университета Ван Хунин. В своей статье о роли культуры во внешней политике профессор подчеркнул: "Мягкая сила всегда была важным объектом внимания стран по всему миру, поскольку международное сообщество постоянно занимается ее пропагандой"¹⁵⁷. В этом исследовании анализируется использование концепции "мягкой силы" во внешней политике Китая, которая была положена в основу в то время, вызвала широкий интерес среди китайских ученых и способствовала значительному росту научной деятельности, как описано в публикации.

В следующем году Ван Хунин опубликовал свою вторую работу "Культурный экспансионизм и культурный суверенитет: дилемма концепции суверенитета", в которой он выдвинул "центральную роль единой культуры как основы государственной власти"¹⁵⁸. Он считает, что распространение и эффективность "мягкой силы" напрямую зависят от культурного состава страны. Публикация стала важным событием в китайской науке: она вызвала бурную дискуссию и побудила группу исследователей выделить четыре основных элемента "мягкой силы" Китая — "политическую, национальную, социальную и дипломатическую культуру"¹⁵⁹.

Позже, основываясь на методе Культурного центра, Ван Хунин стал главным представителем "культурной школы" по изучению "мягкой силы". Долгое время, вплоть до 2017 г., школа занимала важное положение в

¹⁵⁷ 王沪宁。作为国家实力的文化:软权力//复旦学报(社会科学版)。出版地:上海市。1993年第03期。页数91–97。92–93页。[Ван Хунин. Культура как национальная сила: «мягкая сила» // Фудань сюэбао (Серия «социологические науки»). Шанхай]. 1993. №3. С. 93.

¹⁵⁸ 王沪宁。文化扩张与文化主权:对主权观念的挑战//复旦学报(社会科学版) [Ван Хунин. Культурная экспансия и культурный суверенитет: вызовы концепции суверенитета // Журнал Фудань (социологическое издание). Выпуск 03]. 1994. № 0. С. 9–15.

¹⁵⁹ Тарабарко К. А. «Мягкая сила» культуры: эволюция концепции в трудах китайских ученых // Манускрипт. 2016. № 7–2 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kultury-evolyutsiya-kontseptsii-v-trudah-kitayskih-uchyonyh> (дата обращения: 10.05.2024).

китайском научном сообществе и оказывала глубокое влияние на институты, принимающие политические решения в стране.

По словам профессора Ван Хунина, культурная значимость проявляется в составляющих ее элементах, а развитие и укрепление способствуют росту "мягкой силы" страны. Он упомянул такие вещи, как "дух и особенности общества, взгляды страны на внешнюю политику, политическую систему и руководство, влияние страны на международные процессы, а также общий уровень научного развития, технологий и интеллектуальной мысли"¹⁶⁰. Говоря о "жесткой силе", Ван Хунин опирался на в значительной степени основана на концепции J.P. Morgan Chase. Она "включает в себя военный потенциал и способность оказывать давление посредством использования финансовых ресурсов и оборудования"¹⁶¹.

Среди наиболее заметных представителей китайской "культурной школы", известных отечественным и зарубежным научным кругам, можно выделить Цзян Ципина, Яо Сюя и Лу Гана ¹⁶². Например, Цзян Ципин, директор Центра технологических исследований Китайской академии общественных наук, интерпретирует культурную власть как естественный результат смешения материальных и духовных принципов в процессе человеческой деятельности ¹⁶³. Он подчеркнул, что главным фактором конкурентоспособности страны на международной арене является эффективность продвижения культурных достижений, что, в свою очередь, создает положительный имидж страны.

Яо Сюй, магистр философии, долгое время работал на кафедре идеологического и политического образования Китайского университета

¹⁶⁰ 王沪宁。作为国家实力的文化:软权力 // 复旦学报(社会科学版) [Ван Хунин. Культура как национальная сила: Мягкая сила // Журнал "Фудань" (издание по общественным наукам)]. 1993. № 3. С. 91-97.

¹⁶¹ Там же. С. 96.

¹⁶² Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук. 2016. С. 34.

¹⁶³ 姜奇平。软实力的后现代意义:认同的力量 // 信息空间 [Цзян Ципин. Постсовременное значение «мягкой силы»: сила идентичности // Информационное пространство]. 12.08.2004. URL: <http://stock.jrj.com.cn/2004-08-12/000000876756.shtml> (дата обращения: 10.05.2024).

коммуникаций. В силу своих научных интересов он уделяет внимание роли СМИ в контексте "мягкой силы". Она отметила: «С точки зрения размера аудитории и авторитета в мировом пространстве китайские СМИ все еще не так хороши, как западные»¹⁶⁴. Рассматривая их как часть национальной культуры, Сюй отметил, что существовавший Яо Мин "В то время культурное влияние Запада было глобальной повесткой дня, реализуемой с помощью мощных медиа-ресурсов"¹⁶⁵.

Лу арестовал доцента обычного факультета политологии Восточно-Китайского университета, который, в свою очередь, считал, что сфера культуры является слабым звеном во внешней политике Китая. По его мнению, хотя политическое влияние Китая растет, Китай по-прежнему "не обладает значительным культурным весом на мировой арене, и ему необходимо уделять особое внимание при разработке дипломатической стратегии страны"¹⁶⁶.

Анализ трудов сторонников «культурной школы» позволяет четко проследить, каким образом в китайской науке сформировалось подобное понимание «мягкой силы». Существенный вклад в это внесло исследование, проведенное группой ученых Пекинского университета. Его цель заключалась в выявлении ключевых компонентов «мягкой силы» в интерпретации Дж. Ная, исходя из его публикаций разных лет. Изучение работ 1990, 1999 и 2004 годов показало, что структура данного феномена со временем претерпевала изменения, однако культура неизменно оставалась центральным элементом. Акцент Дж. Ная на культурной составляющей не мог не повлиять на

¹⁶⁴ Бу Р.Х. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики Китая на примере сопряжения ЭПШП и ЕАЭС: дис. ... канд. полит. наук: 5.5.4. Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». Санкт-Петербург. 2022. 406 с.

¹⁶⁵ 姚旭。公共关系的传播手段与中国软实力构建//新闻前哨 [Яо Сюй. Коммуникационные методы связи с общественностью и структура «мягкой силы» Китая // Новостной фронт]. 2007. № 7. С. 93–94.

¹⁶⁶ 陆钢。文化实力弱让中国失分—与阎学通教授商榷 // 世纪行 卢甘. Слабость культурной силы заставляет Китай проигрывать — несогласие с точкой зрения профессора Янь Сюэтуна // Всемирный банк]. 2007. № 6. С. 45–46.

осмысление концепции китайскими исследователями и стал одной из отправных точек для развития «культуроцентрического» подхода в КНР.

Можно отметить, что трудности с введением термина «мягкая сила» в научный оборот возникали не только в России, но и в Китае. Вместе с тем специфика китайского языка, как представляется, обусловила некоторые отличия в его интерпретации. Так, китайский исследователь Го Цзэминь подчёркивал «различие между понятиями «мягкая сила» (软实力) и «мягкая власть» (软权力)»¹⁶⁷. По его мнению, именно «мягкая власть» в большей степени отражает подход Дж. Ная и соотносится с внешнеполитическими приоритетами Китая — но при этом включает элементы национально-цивилизационной специфики, изначально не учтённой американским теоретиком. В то же время «"мягкая сила" трактуется как более глубокое понятие, обозначающее часть совокупной мощи государства, его способность через "мягкие" формы воздействия укреплять единство нации и мобилизовывать творческий потенциал общества для достижения стратегических целей, что делает данный термин более близким к трактовке самого Дж. Ная»¹⁶⁸. Целесообразно обратить внимание, что подобное разграничение использовалось лишь на раннем этапе изучения концепции в КНР¹⁶⁹. Позже — и это сближает китайскую традицию с российской — закрепился единый термин: «мягкая сила» (软实力), который до сегодняшнего момента употребляется в научных работах, названиях институтов и официальных документах.

¹⁶⁷ 赵可金. 中国文化软实力面临的困境及其解决路径 [Чжао Кэцзинь. Дилемма, с которой сталкивается китайская культурная мягкая сила, и пути ее решения] // 中共中央党史和文献研究 [Исследования по истории партии и литературе Центрального комитета Коммунистической партии Китая]. 2012. № 1. URL: <https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0617/c427777-31159746.html> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁶⁸ Бу Р.Х. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики Китая на примере сопряжения ЭПШП и ЕАЭС: диссертация ... кандидата политических наук: 5.5.4. Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». Санкт-Петербург. 2022. 406 с.

¹⁶⁹ Тарабарко К. А. Мягкая сила культуры Китая: концептуально содержание и практики реализации: дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2017. С. 43.

В период правления Ху Цзиньтао ключевую роль в интерпретации феномена заняла «культурная школа». Уже в 2004 году на 4-м пленуме 16-го созыва ЦК КПК руководство страны обозначило курс на укрепление культурного потенциала Китая, сделав «акцент на расширении его международного влияния»¹⁷⁰. Окончательное закрепление концепции произошло на XVII съезде партии (2007 г.), когда «мягкая сила» была официально включена в блок культурной повестки, что фактически сняло споры о ее теоретическом основании на ближайшие годы¹⁷¹. Подобное понимание «полностью соответствовало стратегическим установкам руководства, стремившегося снизить уровень государственного контроля над обществом и тем самым придать «мягкой силе» более естественный характер»¹⁷².

«Культуроцентричный» вектор был подтвержден и в 2011 году на 6-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва, где была провозглашена цель построения «могущественного культурного государства» (文化强国)¹⁷³. При переводе этого выражения на русский язык на первый план выходит слово

¹⁷⁰ 中国共产党第十六届中央委员会第四次全体会议公报 [Бюллетень 4-го пленарного заседания ЦК КПК 16-го созыва от 19 сентября 2004 г. 4-е пленарное заседание] // 人民日报 [Жэньминь Жибао]. 20.09.2004. Вып. 1. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/66174/4527266.html> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁷¹ 中国共产党第十七次全国代表大会文件汇编。《学条规、守纪律、树形象》廉政主题教育活动学习材料。福州市西峰小学党支部编印，2008年2月。页码51页。[Сборник материалов XVII съезда КПК. «Правила Партийной школы, дисциплина, формирование имиджа» // Партийные материалы. Фучжоу: Изд-во Партийной школы филиала г. Фучжоу, район Сифэн]. 2008. 51 с.; 中国共产党第十七次全国代表大会在北京人民大会堂隆重开幕。胡锦涛代表第十六届中央委员会作报告 [Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVI сессии ЦК КПК. Торжественное открытие XVII съезда ВСНП ЦК КПК в Пекине] // 新化社 [Агентство Синьхуа]. 2007. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64165/70486/70501/6431402.html> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁷² Бу Р.Х. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики Китая на примере сопряжения ЭПШП и ЕАЭС: диссертация ... кандидата политических наук : 5.5.4. Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». Санкт-Петербург. 2022. 406 с.

¹⁷³ 中共第十七届六中全会全体会议公报 [Публикации VI пленума съезда Коммунистической партии Китая] // 新华网. 2011. URL: <https://china.huanqiu.com/article/9CaKrnJsMZN> (дата обращения: 10.05.2024).

«могущественное» (强), тогда как в китайском оригинале акцент смещен на «культуру» (文化), что отражает приоритетность именно культурного измерения в новом курсе. Подобные нюансы перевода характерны и для англоязычных текстов: так, профессор Х. Холбиг предложил вариант «Strong Cultural Power», что также демонстрирует смещение акцентов, свойственное иностранным интерпретациям¹⁷⁴. Для китайских исследователей этот момент является важным, так как напрямую связан с пониманием трансформации сути концепции «мягкой силы» в КНР.

На фоне господства «культурной школы» развивалось и альтернативное направление — «политическая школа». Несмотря на меньшую численность сторонников, оно имело заметное влияние на дискуссии внутри страны. Представители данного течения (Янь Сюэтун, Су Чанхэ, Сюй Цзинь) утверждали, что «без активного участия государства эффективное развитие и использование потенциала «мягкой силы» невозможно»¹⁷⁵. Наиболее последовательным оппонентом «культурной школы» выступил профессор Университета Цинхуа Янь Сюэтун, критиковавший взгляды Ван Хунина на культуру как ключевой источник «мягкой силы»¹⁷⁶. По его мнению, опора исключительно на культурное влияние не позволяет сформировать полноценный позитивный образ страны на мировой арене. Вместе с Су Чанхэ¹⁷⁷ и Сюй Цзинем¹⁷⁸ он стал одним из лидеров «политикоцентричного»

¹⁷⁴ Holbig, Heike. Shifting Ideologies of Research Funding: The CPC's National Planning Office for Philosophy and Social Sciences // Journal of Current Chinese Affairs. 2014. № 2. P. 13–32.

¹⁷⁵ Chinese soft power and its implications for the United States: competition and cooperation in the developing world / ed. by Carola McGiffert. A report of the Center of strategic and international studies, 2009. P. 3.

¹⁷⁶ Yan Xuetong. The path for China to increase its soft power // Think in China. 2006. URL: <https://www.thinkinchina.asia/wp-content/uploads/3-ThePathforChinatoIncreaseitsSoftPower.pdf>

¹⁷⁷ 苏长和。中国的软权力—以国际制度与中国的关系为例 // 国际观察 [Су Чанхэ. «Мягкая сила» Китая — в качестве примера международная система и международные отношения Китая // Мировая Международное обозрение]. 2007. № 2. С. 29–31.

¹⁷⁸ 阎学通, 徐进。中美软实力比较 // 现代国际关系 [Янь Сюэтун, Сюй Цзинь. Сравнение «мягкой силы» Китая и США // Современные международные отношения]. 2008. № 1. С. 24–29.

подхода, закрепившегося как важное направление в китайской теоретической мысли о «мягкой силе».

На протяжении долгого времени дискуссия между двумя теоретическими школами «мягкой силы» в Китае оставалась центральной темой в академической среде страны. Так, представитель «культурной школы» Лу Ган неоднократно критиковал сторонников «политической школы» и в особенности взгляды Янь Сюэтуна. Основным предметом спора заключался в определении «ядра» китайской «мягкой силы», о чем Янь писал в статье «Политическая сила как ядро мягкой силы»¹⁷⁹.

Если рассматривать этот спор более подробно, то можно заметить, что «политическая школа» не отрицала значение культуры для формирования позитивного имиджа Китая, но исходила из того, что в условиях специфики государственного устройства и с учетом исторического опыта, эффективное использование «мягкой силы» невозможно без опоры на политическую мощь и развитие военно-промышленного комплекса. По их мнению, именно такие факторы, как укрепление власти руководства, сплоченность государства и общества, способность отстаивать свои интересы и суверенитет на мировой арене, создают основу для успешной реализации «мягкой силы».

Ученые этого направления отмечали, что слабостью Китая долгое время была изоляционистская политика, связанная с культурной установкой на закрытость от внешнего мира. В результате страна не участвовала в крупных международных альянсах и фактически оставалась без союзников, что ограничивало ее политическое влияние. При том, что начиная с XVI века китайская культура пользовалась высокой привлекательностью на Западе, отсутствие сильного государства не позволило превратить этот ресурс в инструмент внешнеполитического воздействия. Не случайно Янь Сюэтун

¹⁷⁹ 阎学通. 软实力的核心是政治势力. 全球时报 [Янь Сюэтун. Политическая сила как ядро мягкой силы // Global Times]. 2012. P. 43.

утверждал: «без политической силы культурная сила бессмысленна, тогда как политическая сила может существовать и без культурной»¹⁸⁰.

В целом можно отметить, что идеи Дж. Найа вызвали значительный интерес в Китае, а совпадение их с курсом, проводимым Ху Цзиньтао, способствовало утверждению «культуроцентрического» подхода в интерпретации «мягкой силы». В этот период активно создавались исследовательские центры, занимавшиеся изучением феномена, и данная практика продолжилась уже при Си Цзиньпине. К 2017 году в стране накопился значительный объем знаний и наработок, позволивших сформировать собственное понимание наиболее эффективных путей развития китайской «мягкой силы».

Со временем различия между западным подходом (Дж. Най и его сторонники) и китайским стали проявляться все отчетливее. Если в западной традиции ключевая роль в создании имиджа страны отводилась негосударственным структурам, корпорациям, фондам и отдельным личностям¹⁸¹, то в КНР постепенно оформилась собственная концепция, в которой ведущая роль принадлежит государству. Именно этот акцент и стал главным отличием китайской интерпретации «мягкой силы». Все большее распространение в академических и политических кругах получили идеи представителей «политической школы».

Показательно, что активное участие Китая в международных организациях, открытие национальной экономики для иностранных инвестиций (закон от 1 января 2020 года), а также продвижение масштабных инициатив вроде «Пояса и пути» или «Всеобъемлющего регионального экономического партнерства» подтверждают усиление внимания к политическим факторам «мягкой силы». Принятый закон, упростивший

¹⁸⁰ 阎学通. 软实力的核心是政治势力. 全球时报 [Янь Сюэту. Политическая сила как ядро мягкой силы // Global Times]. 2012. P. 43.

¹⁸¹ Nye J. (Jr.) Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616, Public Diplomacy in a Changing World (Mar., 2008). P. 105.

доступ иностранного капитала на китайские рынки, стал символом постепенного смещения курса в сторону большей открытости. В этих условиях китайские компании все чаще выступают не просто экономическими субъектами, но и носителями привлекательного «бренда Китая» на мировой арене.

Сегодня инициатива "Один пояс, один путь" является ключевым проектом, который отражает политическую волю китайских лидеров продвигать свои национальные интересы на международной арене. Успех этой масштабной инициативы, предложенной Си Цзиньпином, означает, что для Китая это не только рост экономического потенциала за счет выхода государственных инфраструктурных компаний на новые рынки, но и гарантия общего статуса страны как будущего мирового лидера, способного реализовывать глобальные проекты. Однако для достижения этой цели необходимо не только управлять ресурсами и авторитетом, но и создать позитивный имидж Китая и снизить степень исторической осторожности стран-участниц инициативы.

В то же время, не только капитал, но и так называемый "поток людей" играет жизненно важную роль в улучшении проекта. Китайские исследователи отметили, что присутствие китайских граждан за рубежом помогает создать благоприятную среду в принимающей стране и закладывает основу для дальнейшего расширения влияния Китая.

По сравнению со своим предшественником, отдельной чертой политической линии Си Цзиньпина является укрепление роли страны во всех областях, включая использование и передачу национального потенциала "мягкой силы". Это стало особенно очевидным на 19-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая (18-24 октября 2017 года), и понятие "мягкая сила" приобрело новый смысл¹⁸². Хотя люди все еще верят, что

¹⁸² 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (дата обращения: 10.05.2024).

предположения в области культуры и идеологии оказывают сильное влияние на китайское научное сообщество.

Главным итогом этой конференции стало заявление Си Цзиньпина о новом пути развития теории "мягкой силы", которое оформилось в концепцию «государственная культурная мягкая сила» («国家文化软实力»). На первый взгляд, она "сочетает в себе "культурную" и "политическую" позиции школы, потому что термины и "культура", и "страна" появились именно в этот период. "Однако более углубленный анализ показывает, что основное внимание уделяется странам, которые играют важную роль в контроле за потоками людей и институционализации механизмов мягкой силы. Туризм, образование и другие сети обмена личными данными становятся областями, где человеческие ресурсы используются максимально эффективно, а имидж Китая улучшается" ¹⁸³ . расширяется за счет прямых обменов с другими представителями культуры.

Реализация Китаем этой концепции "мягкой силы" основана на широком институциональном ядре и многоуровневом фундаменте. Ключевым инструментом распространения китайского языка за рубежом выступает сеть Институтов Конфуция, координацию деятельности которых осуществляет Канцелярия по международному распространению китайского языка (Ханьбань) ¹⁸⁴, подчиненная напрямую Министерству образования КНР. По мнению американского китаиста Д. Лэмптона (Институт Дж. Хопкинса), данные институты являются частью «системных усилий по укреплению привлекательности и влияния Китая посредством языка и культуры» ¹⁸⁵ . Помимо этого, значительная роль в продвижении традиционной культуры

¹⁸³ 习近平. 在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660-15.html> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁸⁴ 关于孔子学院/课堂 [Об Институтах / Классах Конфуция] //孔子学院总部/国家汉办 [Главный офис Института Конфуция]. – URL:http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁸⁵ Lampton, D.M. The Three Faces of Chinese Power: Might, Money and Minds. Berkeley: University of California Press, 2008. P. 157.

отводится международным фестивалям и форумам, в организации которых активно задействованы как культурные центры КНР, так и китайская диаспора за рубежом.

Си Цзиньпин внес новые элементы в институциональное развитие «мягкой силы», увязав ее с инициативой «Один пояс, один путь». Эта стратегия, помимо экономического и инфраструктурного аспектов, имеет выраженное культурное измерение. Так, на форуме «Шелковый путь – 2017» Председатель КНР подчеркнул, что «главная цель проекта — создание «пути совместного цивилизационного развития» и укрепление диалога между культурами»¹⁸⁶. «Основные ценности инициативы — дружба, искренность, доброжелательность и открытость — соотносятся с традиционными китайскими представлениями о внешней политике»¹⁸⁷.

Интересным примером теоретического осмысления «мягкой силы» является статья У Юйцзюня и Хань Чжэня, опубликованная Пекинским исследовательским центром идей Си Цзиньпина о новой эпохе социализма с китайской спецификой. В ней авторы подчеркивают, что «современный культурный потенциал Китая должен служить продвижению позитивного образа партии, государства, народа и национальных героев»¹⁸⁸.

В связи с этим термин «国家文化软实力» можно интерпретировать не только как «государственная культурная мягкая сила», но и как «мягкая сила в культурной сфере под государственным контролем». Такое толкование более точно отражает трансформацию концепции, в рамках которой роль государства заметно усилилась. Поэтому все большее внимание

¹⁸⁶ 韩庆祥, 陈远章. 人类命运共同体与中华新文明 [Хан Цинсян, Чэнь Юаньчжан. Сообщество единой судьбы человечества и новая китайская цивилизация] // 学习时报. 2017. С. 3.

¹⁸⁷ 龚婷. “一带一路”倡议的中国传统思想要素初探. [Гун Тин. Исследование элементов традиционной китайской мысли в инициативе «один пояс, один путь».] // 当代世界与社会主义. 2015. С. 5.

¹⁸⁸ 吴玉军、韩震. 坚定文化自信 提高国家文化软实力 // 光明日报 [У Юйцзюнь, Хань Чжэнь. Укрепление культурной самостоятельности и государственной культурной мягкой силы // Гуанмин Дэйли]. 2019. С. 47.

исследователей привлекают идеи «политической школы», утверждающей приоритет государственного руководства в формировании положительного образа страны. В дальнейшем анализ данной темы будет строиться с учетом как культуроцентрических подходов, так и аргументов сторонников усиления роли государства в реализации китайской «мягкой силы».

Таким образом, становление теории мягкой силы в китайской науке представляет собой сложный и многогранный процесс, прошедший путь от простого заимствования идей Джозефа Ная до формирования собственной, глубоко укорененной в национальном политическом и культурном контексте концепции. Изначально воспринятая через призму древнекитайской философии, концепция «мягкой силы» в 1990-е гг. вызвала умеренный интерес у китайских исследователей, чьи работы в основном ограничивались комментированием и адаптацией тезисов американского политолога.

Таким образом, значимым этапом является рождение оригинальной теоретической школы, которая создала поле для дискуссий вокруг "мягкой силы". Знаменитая "культурная школа" (Ван Хунин, Цзян Ципин, Яо, Сюй, Лу и др.) утверждает, что культура является ключевым элементом государственной власти, что полностью соответствует официальному политическому процессу периода Ху Цзиньтао и было указано в партийных документах как основа построения "Политическая школа" (Ян Сюэтун, Су Чанхэ) была основана на подчеркивании ведущей роли государственной власти и политической воли как основы для реализации любого "мягкосилового" потенциала.

Разделение этих двух теорий было устранено с приходом к власти Си Цзиньпина, и на 19-м съезде Коммунистической партии Китая была создана новая синтетическая концепция «государственной культурной мягкой силы» (国家文化软实力). Лингвистический и семантический анализ термина показывает, что никакой координации нет, но основное внимание уделяется усилению роли государства как главного действующего лица, контролирующего, направляющего и распорядительного всеми

инструментами и ресурсами "мягкой силы", включая образование и дипломатические документы.

1.3. Содержание продвижения китайского языка в РФ

Культура в широком понимании — это совокупность материальных достижений и духовных ценностей, созданных человечеством в процессе исторического развития. Она включает три уровня: материальный, традиционный и духовный. По сути, культура представляет собой комплекс знаний, верований, искусства, права, морали и обычаев.

Язык является неотъемлемой частью культуры. Как отмечал лингвист Уорд Хант Гуденаф в работе «Культурная антропология и лингвистика», язык — это аспект культуры, ее часть, без которой невозможно ее освоение. Он служит главным инструментом передачи и усвоения культурного опыта, через него люди постигают мир традиций и ценностей. Язык — это не просто средство общения, но и форма культурного выражения: он воплощает мышление, отражает национальную идентичность, объединяет сообщество. Каждый язык хранит в себе уникальные особенности культуры народа, его дух и мировоззрение.

Язык — это символ нации и основа ее культурной самобытности. Признание языка равносильно признанию народа, которому он принадлежит. С древности человечество создало множество языков, но до наших дней сохранилась лишь малая часть из них. Распространенность языка и его жизнеспособность зависят от силы и влияния нации, которая на нем говорит. Положение языка на мировой арене напрямую связано с мощностью государства: чем сильнее страна, тем устойчивее ее язык. История это подтверждает: во времена Римской империи международным языком была латынь; после Ренессанса ее постепенно вытеснили национальные языки, хотя в науке латинский оставался основным. В XVIII веке французский язык занял место

латыни как язык дипломатии, но в XIX столетии его стал вытеснять английский благодаря подъему Британской империи. После Второй мировой войны английский, особенно американский вариант, превратился в глобальный язык, занявший лидирующие позиции в международном общении.

Освоение языка всегда означает погружение в культуру и освоение способов мышления. Именно язык становится каналом распространения культурного влияния. Не случайно многие государства сделали его продвижение важной частью внешнеполитической стратегии. Так, европейские державы, начиная с XV века, активно распространяли свои языки вместе с колониальной экспансией. После утраты международного влияния во второй половине XIX века Франция создала организацию Альянс Франсез для продвижения языка и культуры за рубежом. В Великобритании схожую функцию стал выполнять Британский совет, основанный в 1934 г. и финансируемый Министерством иностранных дел.

Продвижение языка и культуры представляет собой мягкий, косвенный и завуалированный инструмент культурной дипломатии. Продвижению языка способствует укреплению взаимопонимания, формированию позитивного имиджа страны, развитию культурных обменов, все это можно рассматривать как проявление «языковой дипломатии». Она выступает одной из ключевых форм культурной дипломатии и реализуется как государственными структурами, так и неправительственными организациями, которые на системной и долгосрочной основе продвигают язык и культуру с целью укрепления международных связей и решения стратегических задач.

В международной практике языковая дипломатия чаще всего находится под контролем государства, при этом непосредственные полномочия по реализации делегируются специализированным организациям, занимающимся распространением языка и культуры. Государство обеспечивает макропланирование, координацию и финансовую поддержку, тогда как неправительственные структуры выполняют функции практической реализации, сохраняя образ «мирной народной дипломатии». Благодаря этому

языковая дипломатия сочетает в себе как официальное, так и общественное начало.

Роль государства в деятельности подобных организаций заключается, прежде всего, в финансировании и управлении. Учреждения по продвижению языка функционируют за счет государственных средств и находятся под непосредственным контролем правительства. Обычно их возглавляет высокопоставленный чиновник или представитель высшей власти, а назначение руководителей согласуется с государственными органами. В руководящие органы включаются члены правительства, а при открытии филиалов таких организаций за рубежом они координируют свою работу с культурными отделами посольств или консульств страны.

Основой языковой дипломатии является именно продвижение языка, который служит главным средством общения и необходимым условием культурного взаимодействия. Распространение языка открывает путь для укрепления культурного влияния страны и формирует прочную основу культурной дипломатии. Ярким примером служит Франция, которая традиционно рассматривает французский язык в качестве носителя своей глубокой культурной традиции. Широкое его распространение в XVII–XIX веках сделало Францию ведущим культурным центром Европы и мира. Великобритания, как метрополия с обширными колониальными владениями, также придавала большое значение популяризации английского языка. После Второй мировой войны английский стал рассматриваться как инструмент дипломатического влияния, наряду с политическими, военными и экономическими средствами. В этом контексте миссия Британского совета — продвигать английский как иностранный язык и распространять английскую культуру за рубежом.

В области языковой дипломатии отправной точкой является распространение своего языка, но конечной целью является распространение своей культуры. Язык — ценная и интуитивно понятная машина, рассказывающая об определенном культурном мире. Например, в

англоязычном мире такие учреждения, как Британский совет в Великобритании и "краеугольный камень" Фонда Форда и Рокфеллера в США, активно используют языковое общение и образовательную деятельность в качестве инструментов культурного стимулирования и расширения внешнего влияния. С глобализацией широкое распространение английского языка стало своего рода культурным империализмом: западные идеи и ценности начали проникать во многие страны и усилили процесс культурного объединения во всем мире.

Китай обладает огромным потенциалом как средство культурной дипломатии и мягкой силы. Российский исследователь Н. В. Морозова подчеркнула, что под влиянием социальных и политических изменений язык каждой страны эволюционировал и стал не только средством общения, но и средством борьбы за власть и воздействия на общественное сознание. История Китая разработала уникальный способ понимания и распространения исторических фактов, тесно связывая язык с политикой и культурой¹⁸⁹. Эта традиция отражает то, как формировался и поддерживался политический язык, и как культурный терроризм, укоренившийся в истории, повлиял на современную политическую практику, включая модернизацию внутренней и внешней политики. Политолог А.В. Виноградов отметил, что классическая философия и политический язык древнего Китая "по-прежнему являются фундаментальными, и создание новой политической риторики стало современной реальностью и общественным пониманием"¹⁹⁰.

При анализе данных факторов можно проследить сохранившуюся преемственность между древними культурными традициями и современными вызовами глобализации. Как отмечает А. В. Бояркина: "Со времен конфуцианства китайская культура и язык оставались закрытыми: конфуцианская философия и древняя мысль продолжают использоваться как

¹⁸⁹ Морозова Н. В. Роль языка в политическом дискурсе КНР // Историческая психология и социология истории. № 1. 2016. С. 72–85.

¹⁹⁰ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. С. 34–36.

эффективные инструменты для реализации мягкой силы во внешней политике Китая"¹⁹¹.

Китайский язык и традиционные иероглифы рассматриваются в самой КНР как фундамент китайской цивилизации, важнейший элемент национального патриотизма и средство сохранения культурной идентичности. В условиях глобализации они приобретают особое политическое и идеологическое значение, обеспечивая защиту национальной самобытности перед лицом экономического и культурного давления западной цивилизации и доминирующего английского языка.

Стремительный экономический подъем Китая, начавшийся в 1990-е годы, усилил внимание китайского руководства к вопросам, связанным с языковой политикой. В 2000 г. заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Даюю выступил с заявлением о необходимости активного содействия обучению китайскому языку за границей. При этом в качестве первоочередной задачи он обозначил поддержку изучения языка представителями деловых кругов, сотрудничающих с Китаем. В том же году депутат ВСНП Ху Юцин отметил, что освоение китайского языка способствует укреплению национальной мощи и является важным инструментом развития мягкой силы КНР.

Практическим воплощением этой политики стало создание в 2005 г. первых 32 Институтов Конфуция, открывшихся в 23 странах мира по инициативе Министерства образования КНР. Уже к 2008 г. китайский язык преподавался почти в 3500 учебных заведениях по всему миру. Динамику роста подтверждают цифры: к 2010 году число Институтов Конфуция достигло 282, а количество классов — 251. В 2013 г. директор Центрального штаба Институтов Конфуция Сюй Линь обозначил стратегическую цель — довести общее число таких институтов до 1000 и охватить 500 крупнейших

¹⁹¹ Бояркина А.В. Язык и культура Китая как эффективные инструменты «Мягкой силы» в реализации внешней политики КНР // Теория и практика общественного развития. 2014. №12. С. 45-56.

городов мира¹⁹². По состоянию на 2025 г. в России функционируют 24 Института и класса Конфуция.

Главным инструментом распространения китайского языка за рубежом стали Институты Конфуция, хотя, следует отметить, что традиция изучения китайского языка зародилась еще в средние века. Китайский язык является одним из немногих восточных языков, имеющих давнюю историю изучения в России. В то же время в многовековых контактах Китая с Западом в Средние века можно найти лишь немногочисленные примеры серьезного освоения китайского языка. Так, знаменитый путешественник Марко Поло, долгое время проживавший в Китае и служивший при дворе императора, овладел несколькими иностранными языками, но китайского так и не выучил. Это объясняется тем, что в древности китайский язык практически не использовался за пределами империи: во внешних переговорах двор обычно привлекал посредников из некитайских народов, например хуэй, а сами китайцы, покидавшие пределы страны, чаще всего принадлежали к неханьским этническим группам и использовали для общения арабский, монгольский или латинский языки.

Не случайно даже название «Китай» в русском языке не связано с самоназванием Поднебесной как «Срединного государства». Оно произошло от этнонима «китань» (契丹人) — народа, основавшего династию Ляо (916–1125). Первые упоминания о Китае дошли до Киевской Руси через торговые связи с Византией. А прямые контакты, по версии ряда российских и советских историков, возникли лишь в период похода хана Батыя в Восточную Европу: именно тогда в «Истории династии Юань» (元史) русские впервые упоминаются под названием элосы (鄂罗斯)¹⁹³.

Тем не менее даже после установления регулярных связей между Россией и Китаем в XVII веке интерес к китайскому языку возник не сразу.

¹⁹² Gil Jeffrey. China's Confucius Institute Project: language and soft power in world politics // The Global Studies Journal. Melbourne, 2009. Vol. 2. No. 1. P. 59–72.

¹⁹³ Ху Яньли. Концепция китайской культуры в контексте глобализации // Общество: философия, история, культура, 2016. № 2. С. 56–64.

Так, во время миссии Федора Байкова в Китай (1654–1658) переговоры велись при помощи толмачей, владевших монгольским, маньчжурским и тюркскими языками. А грамота китайского императора, привезенная в Россию Иваном Петлиным, оставалась без перевода в Томске более пятидесяти лет, пока посол Н. Г. Спафарий, отправленный в Пекин в 1675 году, не отыскал в Тобольске человека, способного хотя бы передать ее общий смысл.

Первые шаги в изучении китайского языка в России были связаны с деятельностью Русской духовной миссии в Пекине. В 1700 году Петр I поручил Киевскому митрополиту подобрать кандидата на пост тобольского архиерея и направить с ним в Китай двух–трех монахов «молодых и ученых», чтобы они овладели китайским и монгольским языками и могли распространять христианскую веру, одновременно укрепляя политические и торговые позиции России. Неясно, удалось ли представителям первой миссии, прибывшей в Пекин в 1715 году с разрешения императора Канси, освоить китайский язык. Однако уже во время второй миссии 1727 года ученики Л. Воейков, И. Шестопалов и Ф. Третьяков начали систематическое изучение языка под руководством китайских наставников, пользовались латинско-китайскими словарями, составленными католическими миссионерами, и работали переводчиками в Лифаньюане (理藩院) — Палате внешних сношений. Кроме того, они преподавали русский язык при дворе. Обучение строилось на традиционных методах — заучивании классических текстов. Согласно отчетам, лишь часть учеников справлялась с этой задачей: четверо из шести показали успехи в запоминании иероглифов. Наибольших результатов добился И.К. Рассохин, ставший первым русским китаеведом и преподавателем китайского языка¹⁹⁴.

Со временем изучение китайского распространилось и на духовенство. В 1742 г. Синод обязал священников миссии овладеть разговорным китайским для миссионерской деятельности, что вызвало настороженность властей

¹⁹⁴ Ли Баохуа. История изучения китайского языка в России // Современные гуманитарные исследования, 2010. № 3. С. 10–13.

Цинской империи: некоторых российских миссионеров и учеников начали высылать обратно. В этот же период появились первые русско-китайско-маньчжурские словари и учебные материалы.

Значительный прорыв в развитии отечественного китаеведения связан с деятельностью девятой миссии под руководством Н. Я. Бичурина (отца Иакинфа), работавшего в Пекине в 1807–1821 годах. Он требовал обязательного изучения китайского всеми членами миссии, считая это необходимым условием успешной работы. Сам Бичурин освоил также маньчжурский и монгольский языки и составил первый обширный русско-китайский словарь на основе «Канси цзыдянь» (康熙字典), состоявший из девяти томов. Это был первый столь полный переводной словарь с китайского на индоевропейский язык¹⁹⁵.

Успехов добивались и отдельные участники последующих миссий. Так, чиновник А.И. Кованько, прибывший в составе 11-й миссии (1830–1840), подробно описывал трудности изучения китайского без знания языка со стороны учителя. Чтобы облегчить занятия, он читал популярные тексты вроде «Саньцзыцзина» (三字经), переведенного отцом Иакинфом, затем — классические книги («Сы шу», 四书) и даже роман «Сон в красном тереме», написанный на более простом языке. Вернувшись в Россию, Кованько подготовил перевод фрагментов этого произведения.

Особое место принадлежит П.И. Кафарову, участнику 13-й миссии (1850–1858 гг.). Он стал автором нескольких словарей и предложил систему транскрипции китайских слов на русский язык, которая с небольшими изменениями используется до сих пор для передачи имен и топонимов.

Если в первой половине XIX века Пекинская духовная миссия оставалась основным центром изучения китайского языка, то во второй половине века ситуация изменилась. В России начали подниматься вопросы о

¹⁹⁵ Загребнов Е. Триста лет китайского языка в России // Жэньминь Жибао. 2010. URL: <https://web.archive.org/web/20120818221551/http://russian.people.com.cn/31517/6969230.html> (дата обращения: (20.08.2025).

создании светских образовательных учреждений для преподавания китайского. Однако уставы 1804 и 1828 гг., определявшие образовательную систему, предусматривали в первую очередь «классическое» обучение: в гимназиях, например, в открытой в Иркутске в 1806 г., изучались лишь немецкий, французский, греческий и латинский языки. Лишь в 1837 г. в Казанском университете была создана первая кафедра китайского языка, которую возглавил Д. П. Сивиллов, участник десятой духовной миссии.

Одним из успешных проектов по созданию специализированного учебного заведения для изучения китайского языка стала Кяхтинская переводческая гимназия. Появление этой школы было связано с активизацией приграничной торговли в Кяхте в начале XIX века. Изначально для общения между русскими и китайскими купцами, а также представителями властей обеих стран китайский язык практически не использовался: пограничные чиновники говорили на монгольском, а китайские торговцы, главным образом из провинции Шаньси, пользовались смесью русского и китайского, которую Е. Тимковский называл «смешным наречием», на котором велись коммерческие дела. «После отказа российских властей в открытии китайской школы местные купцы и чиновники начали самостоятельно изучать язык»¹⁹⁶.

Кяхтинское училище китайского языка открылось в начале 1830 года — сразу после приезда Н. Я. Бичурина с научной экспедицией П. Л. Шиллинга. Фактически занятия начались до официального разрешения: в январе 1830 года Бичурин набрал 12 учеников. Формальное согласие на открытие школы было получено лишь в ноябре 1832 года. Одним из факторов, повлиявших на решение правительства, стали успехи учеников Бичурина на публичных экзаменах. Обучение длилось четыре года, и большинство выпускников затем работали в торговых делах Кяхты.

Для гимназии Бичурин подготовил новый русско-китайский словарь и грамматику китайского языка, несколько раз перерабатывавшуюся и

¹⁹⁶ Арефьев А.Л. Китайский язык в российской высшей школе: история и современность / А.Л. Арефьев // Иностранные языки в высшей школе. 2011. №1. С. 94–106.

переиздававшуюся. В грамматику были включены китайские работы, такие как «Душу цзовэньпу» (读书作文谱), а также исследования французского синолога Ж.-П. Абель-Ремюза. Он также преподавал «русско-китайское наречие», то есть язык, на котором китайцы общались с русскими на границе. По структуре это была языковая смесь, похожая на пиджин, слияние русского и китайского, аналогичное торговым пиджинам в других регионах.

Еще один важный вклад в российское китаеведение второй половины XIX века — метод поиска иероглифов в словарях по нижней правой черте, а не по ключам, как это делается в традиционной китайской системе. Этот метод был предложен в 1866 году академиком В. П. Васильевым (1818–1900), заведующим кафедрой китайского и маньчжурского языков в Петербургском университете. Система была усовершенствована позже и использовалась в более современных словарях, например в китайско-русском словаре профессора И. М. Ошанина с середины 1950-х годов.

В Петербургском университете начали работать первые преподаватели-китайцы. В 1884 году лектором стал чиновник китайского посольства Гуй Жун, который изучил русский язык у А. Ф. Попова, студента 14-й Русской духовной миссии. Позднее начали привлекать и российских дунган — потомков китайцев хуэйцзу.

Первокурсников учили разбору китайских иероглифов, анализу частей речи и основам перевода. На последующих курсах они переводили классические тексты, такие как «Шицзин» (诗经) и «Луньюй» (论语).

Несмотря на значительные успехи XIX века, нехватка квалифицированных переводчиков продолжала создавать трудности в российско-китайских отношениях. Например, летом 1884 года штабс-капитан Евтюгин не смог провести переговоры в Цицикаре из-за отсутствия переводчика русского языка: российский переводчик лишь передавал общий смысл. Чтобы решить проблему, к концу XIX века поощрялось самостоятельное изучение китайского языка. Благодаря поддержке местных властей во Владивостоке, Хабаровске и других городах Приамурья

открывались частные курсы, где обучались чиновники, офицеры и купцы — всего около 80 человек.

Среди выдающихся китаеведов начала советской эпохи особое место занимает В. М. Алексеев, который был ведущим исследователем в области китайского языка. Он опубликовал около 260 научных трудов, включая переводы, филологические исследования и статьи по теории перевода, а также одним из первых перевел «Исторические записки» известного китайского историка Сыма Цяня.

С укреплением советско-китайских отношений и помощью СССР в первые годы существования КНР заметно увеличилось число студентов, изучавших китайский язык в университетах и специализированных учебных заведениях. В это время сформировалось новое поколение специалистов, которые и сегодня остаются значимыми фигурами в российском китаеведении. Большинство из них работают в институтах Академии наук в Москве и Санкт-Петербурге, а также преподают в Институте стран Азии и Африки при МГУ и на факультете востоковедения СПбГУ. Позднее крупным центром изучения китайского языка стал факультет восточных языков ДВГУ во Владивостоке.

В последние годы интерес к теоретическому китаеведению в России снизился, тогда как в Китае уровень исследований остается высоким. В Пекине уже длительное время действует Китайский центр зарубежного китаеведения (中国海外汉学中心), который поддерживает развитие теоретической синологии как внутри Китая, так и за рубежом, включая финансирование научных проектов иностранных исследователей, в том числе российских специалистов.

В настоящее время Институты Конфуция играют важную роль в распространении китайского языка в России. Подобно Институту Гете в Германии или Институту Сервантеса в Испании, он служит "визитной карточкой" китайской культуры за рубежом. С ростом роли Китая в мировой экономике создание Институты Конфуция приобрело особое значение: с

развитием экономического сотрудничества между двумя странами растет и интерес России к практическому изучению китайского языка. В настоящее время в России насчитывается 19 таких научно-исследовательских институтов.

Следует отметить, что популяризация китайского языка в Российской Федерации является неоднозначным процессом и фундаментальной стратегией, имеющей важное глубокое историческое прошлое. Язык - это нечто большее, чем просто средство общения. Она является основным носителем базовой культуры национальной идентичности и позволяет усиливаться как мощный инструмент "мягкой силы" в международных отношениях. Исторический опыт ведущих мировых держав, таких как Великобритания и Франция, подтвердил, что распространение национального языка напрямую связано с глобальным влиянием страны.

История изучения китайского языка в России началась с деятельности Русской миссии Православной Церкви в Пекине и продолжилась уже в светских учебных заведениях (Кяхтинская гимназия, крупных университетах), которые, похоже, заложили прочную основу для его познания. Несмотря на сложные организационные вопросы и нехватку ресурсов, российская школа китаеведения добилась значительных успехов и воспитала таланты выдающегося ученого.

В наше время Институты Конфуция являются главной движущей силой этого процесса. Ниже приведен пример глобального продвижения своей культуры и языка в качестве китайской "визитной карточки". Их деятельность направлена не только на преподавание языков, но и на формирование позитивного имиджа страны, углубление взаимопонимания между народами и создание благоприятных условий для всестороннего укрепления партнерства между Россией и Китаем. Неуклонный рост интереса китайцев к России является прямым результатом растущего экономического и политического влияния Китая на мировой арене. Это подчеркивает в поэзии

тесную взаимосвязь между состоянием языка и мощью страны, которую он представляет.

Резюмируя все изложенное в данной главе, стоит отметить, что анализ эволюции понятия "сила" в теории международных отношений показывает, что, принимая во внимание концепцию "мягкой силы" Дж. Ная, тренд международно-политической мысли перешел от традиционного понимания силы (такого как военное и экономическое принуждение) к более широкому взгляду. Стоит отметить, что эта идея подчеркивает важность культуры, ценностей и привлекательной политики как важных инструментов мирового политического влияния. Анализ подходов классических представителей либерализма и политического реализма к осмыслению внешнеполитического поведения государств показывает, что современное понимание силы основано на комплексном подходе, в рамках которого "жесткая" и "мягкая" сила называются взаимодополняющими факторами внешнеполитического влияния. Дж. Най подчеркивает основные ресурсы "мягкой силы" — культуру, политические ценности и легитимную внутреннюю и внешнюю политику. Однако эффективность использования этих ресурсов повышается медленно, и их необходимо систематически формировать.

В китайском научном мышлении эта концепция превратилась в проблему, представляющую национальный интерес. Здесь язык рассматривается как важный культурный символ и инструмент сохранения самобытности. Реальные меры Китая в экономической, политической и культурной областях, по-видимому, отражают его стремление сбалансировать "жесткие" и "мягкие" силы для усиления своего глобального влияния. Язык является носителем национальной идентичности и культурной самобытности, напрямую связанной с концепцией "мягкой силы". Его распространение и устойчивость зависят от политической и экономической мощи страны. История транснациональных языков и современные глобальные процессы доказывают это.

ГЛАВА 2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РФ

В 2001 - 2013 гг.

2.1. Изучение китайского языка в дошкольных учреждениях и школах

Вторая половина XX века ознаменовалась мощным социально-экономическим развитием стран Восточной Азии: Японии, Южной Кореи, Сингапура. Грамотные социально-экономические реформы в лидеры мировой экономики вывели Китай, что вызвало небывалый рост интереса к его истории, его культуре во всем мире. Перспектива и необходимость делового и экономического сотрудничества с Китаем вызвала интерес к китайскому языку. Китайский язык является одним из самых распространенных языков в мире, на нем говорит более 1,5 млрд человек, он является одним из шести рабочих языков ООН, по популярности он является вторым языком в мире после английского языка. Это вызвало необходимость изучения китайского языка для успешного ведения бизнеса и налаживания международных отношений. Центры китаистики были созданы в Великобритании, США, Франции, других странах. Интерес к китайскому языку рос и в России.

У Китая и России давшие и плодотворные образовательные связи, но в 1990-е гг. из-за сложных социально-экономических процессов в России, интерес к российскому образованию стал падать во всем мире, в том числе и в Китае. В Китае рос интерес к английскому языку, к образовательному рынку США, Великобритании, Германии, Японии и других странах.

После 1990-х гг. начался процесс улучшения двусторонних китайско-российских отношений. Стали постепенно расширяться и отношения в культурно-гуманитарной области, для которых создавалась солидная нормативно-правовая база, начало которой положило Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики (1992 г.). Стороны

договорились, что содействовать сотрудничеству в области образования они будут путем «командирования ученых, преподавателей и специалистов для обмена опытом, проведения научных исследований и осуществления преподавательской деятельности; взаимного предоставления стипендий; изучения возможности подписания соглашения об эквивалентности документов об образовании, ученых степеней и званий, выдаваемых и присваиваемых соответствующими учреждениями Сторон; содействия установлению прямых контактов между высшими учебными заведениями и ведомствами, занимающимися средним образованием двух стран; поощрения обменов между органами образования двух стран учебниками, методической литературой, программами и опытом работы, а также делегациями учебных заведений; оказания содействия в изучении и преподавании китайского языка и литературы в Российской Федерации и русского языка и литературы в Китайской Народной Республике ¹⁹⁷ . Новым путем содействия взаимоотношениям в области образования является договоренность о возможности подписания соглашения об эквивалентности документов об образовании, ученых степеней и званий, выдаваемых и присваиваемых соответствующими учреждениями Китая и России. Таким образом, данное соглашение заложило основу для дальнейшего обмена между Китаем и Россией в сфере высшего образования.

В 1995 г. Китай и Россия подписали «Соглашение между правительствами РФ и КНР о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях» ¹⁹⁸ , открывшее китайским и российским студентам возможности для поступления в вузы друг друга.

¹⁹⁷ Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики. Правовой департамент МИД России. Перечень двусторонних международных договоров Российской Федерации URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48731/?ysclid=mnotbwp3n3617168794 (дата обращения: 12.09.2024).

¹⁹⁸

В декабре 2000 г. была создана Российско-Китайская комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, позже — Российско-Китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству. В общем, в этот период шла выработка новых форм обмена и расширение мобильности, происходит переход от межгосударственных к междууниверситетским обменам, создается подкомиссия по сотрудничеству в области образования.

В 2001 г. Китай и Россия подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, в котором было оговорено, что «стороны всемерно способствуют развитию обменов и сотрудничества в области культуры, образования, здравоохранения, информации, туризма, спорта и права»¹⁹⁹. В целом, в этот период поездки в Китай на полный срок обучения были нечасты, все же следует отметить, что региональный межвузовский обмен развивался между приграничными регионами российского Дальнего Востока и приграничных районов Китая.

В Китае международное сотрудничество в области образования находится в ведении министерства образования КНР, повседневной работой занимается Управление международного сотрудничества и обменов министерства образования. На местах в Китае имеются свои административные органы образования, в ведении которых находится работа по международным обменам и сотрудничеству в сфере образования. Всекитайской неправительственной организацией, занимающейся сотрудничеством в области образования и международными обменами, является Китайская ассоциация международных обменов в области образования, на местах в Китае функционируют ее филиалы, осуществляющие оживленные, активные и богатые по содержанию общественные контакты в этой области. В китайских

¹⁹⁹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 2001 г. Сайт МИД РФ. Правовой департамент России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46508/?ysclid=mnudhy38v990016012(дата обращения: 12.09.2024).

вузах, как правило, функционируют органы, ответственные за сотрудничество в области образования и международных обменов.

В России международное сотрудничество в сфере образования находится в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации, Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), Совета при Правительстве Российской Федерации и МИД России, а также непосредственно университеты.

Новый импульс продвижению китайского языка в РФ придало подписание в 2003 г. «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации»²⁰⁰. в котором говорилось: «Стороны поощряют изучение и преподавание русского языка, литературы и культуры России в образовательных учреждениях Китайской Народной Республики и китайского языка, литературы и культуры Китая в образовательных учреждениях Российской Федерации»²⁰¹. В Соглашении отмечалось, что на взаимной основе стороны будут поощрять:

— «ежегодный обмен квалифицированными специалистами и научно-педагогическими работниками для чтения лекций и ведения практических занятий по русскому языку и литературе в образовательных учреждениях Китайской Народной Республики и китайскому языку и литературе в образовательных учреждениях Российской Федерации;

²⁰⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации. 03.11.202005. Сайт МИД РФ. URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45958/?ysclid=mnu4pi2diw601513399 (дата обращения.04.03.2025).

²⁰¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации. 03.11.202005. Сайт МИД РФ. URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45958/?ysclid=mnu4pi2diw601513399 (дата обращения.04.03.2025).

— сотрудничество в области совершенствования методов преподавания русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации;

— обмен учебными пособиями, библиотечно-информационными ресурсами и другими педагогическими материалами;

— обмен опытом и информацией в области современных технологий преподавания иностранных языков;

— обмен школьниками, изучающими соответственно русский или китайский язык, а также студентами-филологами для совершенствования подготовки по выбранной ими специальности;

— обмен преподавателями русского и китайского языков и литературы для стажировки, повышения квалификации и проведения научных исследований»²⁰².

Данное Соглашение является важным межгосударственным документом, который регламентирует обучение китайскому и русскому языку, а также придает новый импульс изучению русского языка в Китае, помогает китайским студентам-русистам еще больше и лучше узнать Россию, её обычаи, традиции и культуру.

В 2006 г. Китай и Россия заключили «Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования», в котором основными направлениями двустороннего образовательного сотрудничества названы: обмены обучающимися, студентами, аспирантами, а также научно-педагогическими работниками; содействие развитию прямого сотрудничества между образовательными учреждениями; углубление сотрудничества в организации изучения и преподавания в обоих государствах русского и китайского языков; участие в совместных программах и проектах,

²⁰² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации. 03.11.202005. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45958/?ysclid=mnu4pi2diw601513399 (дата обращения.04.03.2025).

способствующих развитию гуманитарного, естественнонаучного и технического образования; создание информационных сетей и банков данных, обмен информацией о проводимых в государствах Сторон реформах в области образования, а также структуре и организации их образовательных систем. Данный документ, таким образом, подробно прописывал сотрудничество двух сторон в вопросах образовательного обмена²⁰³.

В 2006 г. в Шанхае было подписано Соглашение правительств государств — членов ШОС «О сотрудничестве в области образования»²⁰⁴. Оно вступило в силу через два года, в 2008 году. Концепция данного документа состоит в том, чтобы создать евразийское образовательное поле как составную часть мирового образовательного пространства, что имеет особую актуальность в академическом, социальном и геополитическом плане.

Другим важным документом является «Концепция участия России в БРИКС»²⁰⁵, где отдельно оговорено сотрудничество в сфере культуры, образования и спорта, молодежных и региональных обменов. Таким образом, у России и Китая есть возможность развивать сотрудничество в сфере высшего образования как в формате двустороннего взаимодействия, так и в рамках международных организаций, среди которых ШОС, Образовательный фонд АТЭС, БРИКС.

В 2012 г. был издан Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до

²⁰³ Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования. URL: <https://conventions.ru/int/20500/?ysclid=mnuev1z16a118647676/> (дата обращения: 11.04.2026).

²⁰⁴ Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования. 15.06.2006. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50388/?ysclid=mnuep0jzo9866375437 (дата обращения: 11.04.2026).

²⁰⁵ Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. 21.03. 2013. Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1744621/?ysclid=mnueyupwwm419530286/ (дата обращения: 11.04.2026).

2020 года²⁰⁶. В Приказе Минпросвещения России от 18.05.2023 N 370 (об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования) содержалась «Примерная рабочая программа по китайскому языку», в которой отмечалось: «Стратегическая значимость изучения китайского языка гражданами Российской Федерации предопределена необходимостью развития взаимодействия с давним соседом - Китайской Народной Республикой, страной с одной из крупнейших экономик мира, отношения с которой в XXI веке достигли уровня всеобъемлющего стратегического партнерства»²⁰⁷.

Федеральный закон РФ от 29.12.2012 №273 «Об образовании в Российской Федерации»²⁰⁸, На Втором Азиатско-Тихоокеанском форуме (2012) был выдвинут проект «Интернационализация российских вузов: китайский вектор»²⁰⁹; в 2012 г. был принят Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 года(2012 г.)²¹⁰, Меморандум о взаимопонимании между Минобрнауки России и Министерством образования КНР о сотрудничестве в реализации приоритетных направлений в области образования, Приказ Министерства

²⁰⁶ Меморандум о реализации плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере. Российско-китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499014828?ysclid=mnuf2wvvn193905045>(дата обращения: 11.04.2026).

²⁰⁷ Федеральная образовательная программа среднего общего образования. 110.5. Федеральная рабочая программа по учебному предмету "Китайский язык. Второй иностранный язык" (базовый уровень) Пояснительная записка. URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minprosveshcheniia-rossii-ot-18052023-n-371/federalnaia-obrazovatelnaia-programma-srednego-obshchego/iii/110/110.5/> (дата обращения: 11.04.2026).

²⁰⁸Федеральный закон РФ от 29.12.2012 №273 «Об образовании в Российской Федерации. Сайт «Президент России». URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698?ysclid=mnote76ggq970483732> (дата обращения: 12.09.2024).

²⁰⁹ Интернационализация российских вузов: китайский вектор. Доклад РСМД. 25 декабря 2013 г. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/internatsionalizatsiya-rossiyskikh-vuzov-kitayskiy-vektor/?ysclid=mnnothva45i57042115> (дата обращения: 12.09.2024).

²¹⁰ Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере до 2020 года URL: <https://docs.cntd.ru/document/499014828?ysclid=mnour53gd4267430308> (дата обращения: 12.09.2024).

просвещения Российской Федерации от 27.07.2022 № 629 «Об утверждении Порядка организации осуществления образовательной деятельности по дополнительным образовательным программам»²¹¹, «Постановление Главного санитарного врача Российской Федерации от 28 сентября 2020 № 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации воспитания и обучения, отдыха и оздоровления молодежи»²¹², Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22.09.2021 №652н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых»²¹³ и др.

После подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. в рамках китайского проекта по распространению китайского языка практика изучения китайского языка получает распространение в дошкольных учреждениях России. Преподавание китайского языка российским дошкольникам ставит целью знакомство с восточной культурой, развитие лингвистических способностей детей, знакомство с культурой Китая, вызвать интерес к языковому и культурному многообразию мира.

Знакомство с китайским языком в дошкольном возрасте (3-7 лет) учитывало мнение лингвистов, что «от 2 до 12 лет детский мозг может легко выучить любой язык естественным путем»²¹⁴. Немалую роль играет и гибкость детской психики, стремление детей к познанию нового.

²¹¹ Приказ Министерства просвещения РФ от 27 июля 2022 г. N 629 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам. Гарант ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405245425/?ysclid=mnouvuxuka824075299> (дата обращения: 12.06.2025).

²¹² Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 сентября 2020 г. N 28 "Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 "Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи"". Гарант ру. URL: <https://base.garant.ru/75093644/>(дата обращения: 12.06.2025).

²¹³ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 22 сентября 2021 г. N 652н "Об утверждении профессионального стандарта "Педагог дополнительного образования детей и взрослых". Гарант ру. URL: <https://base.garant.ru/403246796/>(дата обращения: 12.06.2025).

²¹⁴ Ху Чжюань, Емельянова И.Е. Методы и стратегии обучения китайскому

Процесс обучения основывается на учебниках. В 2010-е гг. ощущалась нехватка учебников для дошкольников. Как правило, преподаватели китайского языка в дошкольных учреждениях адаптировали для дошкольников учебники китайского языка, рассчитанные на школьников младшего школьного возраста. Среди таких учебников можно отметить: учебное пособие авторов Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. Практический курс китайского языка: в 2 тт.²¹⁵; Спешнев Н.А. Введение в китайский язык²¹⁶. Использовался также изданный на Тайване (под ред. Национального Тайваньского педагогического университета) самый популярный на острове учебник китайского языка автора Чэнг Чонга «Практический аудиовизуальной китайский»²¹⁷, так как китайский на материке не сильно отличается от китайского на острове.

Так как популярность китайского языка постоянно росла, то появились и учебные пособия для дошкольников: К. В. Миронова «Программа обучения дошкольников китайскому языку и культуре Китая»²¹⁸; Н. В. Пантелеева «Китайский язык для малышей. Особенности обучения детей дошкольного возраста»²¹⁹; Н. Г. Цой, К. Г. Мальцева, А. Ю. Рудометова «Китайский язык для самых маленьких»²²⁰.

В Санкт-Петербурге преподаватели китайского языка в детском саду №5 Невского района разработали дополнительную общеразвивающую программу «Китайский язык (1-й год обучения)». За основу программы взят УМК «Царство китайского языка» (Издательство Пекинского культурно-языкового

языку русских детей //Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 261.

²¹⁵ Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. Практический курс китайского языка: в 2 тт. М: Восточная книга, 2010. 1520 с.

²¹⁶ Спешнев Н.А. Введение в китайский язык. СПб.: Каро, 2008. 256 с.

²¹⁷ Zheng Zhong. Practical Audio-Visual Chinese

²¹⁸ Миронова К.В. Программа обучения дошкольников китайскому языку и культуре Китая. М.: Издательство ВКН, 2017. 122 с.

²¹⁹ Пантелеева Н. В. Китайский язык для малышей. Особенности обучения детей дошкольного возраста. М.: Издательство ВКН. 96 с.

²²⁰ Цой Н.Г., Мальцева К.Г., Рудометова А. Ю. Китайский язык для самых маленьких. М.Феникс, 2025. 31 с.

университета, 2007) для детей 5-10 лет²²¹. Программа состояла учебника, рабочей тетради и аудиоматериалов.

Российскими и китайскими педагогами был разработан ряд программ: «Изучение основ иероглифики и лексики китайского языка, культуры и традиций Китая для дошкольников», «Китайский язык для малышей», «Первые шаги в китайском», «Царство китайского языка» и др. Например, программа «Изучение основ иероглифики и лексики китайского языка, культуры и традиций Китая для дошкольников» была разработана российским педагогом К. С. Лебедевой – преподавателем китайского языка на основе изучения ею авторского курса изучения иероглифики китайского языка «Сяо Панда» для детей дошкольного и младшего школьного возраста и реализовывалась в образовательном комплексе г. Москвы «Дари добро детям»²²². Программа объемом 90 часов была рассчитана на 3 года обучения и преподавалась дошкольникам и школьникам 4-7 лет. Как правило, занятия проводились по несколько раз в неделю, их продолжительность зависела от возраста, но не более 60 минут. На занятиях в игровой форме, с использованием наглядных пособий, с декламацией песен, стихов, интеллектуальными играми, тестами и др. в ходе рассмотрения таких тем, «Китай» (символы), «Человек», «Школа», «Время», «Животные», «Семья» дети учились писать иероглифы, складывать их в простые предложения, отвечать на простые ознакомительные вопросы, подпевать песни, получали представление о богатой и разнообразной культуре Китая, особенностях национальных праздников и китайской кухни. Периодически проводилась диагностика знаний для отслеживания процесса обучения.

²²¹ Ху Чжюань, Емельянова И.Е. Методы и стратегии обучения китайскому языку русских детей //Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 261.

²²² Лебедева К.С. Дополнительная образовательная (общеразвивающая) программа «Изучение основ иероглифики и лексики китайского языка, культуры и традиций Китая для дошкольников». <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1775541885&tld=ru&lang=ru&name=Доп%20китайский%20язык%20Лебедева%20К.С.%202024-2025/> (дата обращения: 04.03.2025).

Необходимо отметить, что в процессе распространения китайского языка в дошкольных учебных заведениях наблюдаются проблемы, среди которых: отсутствие адаптированных федеральных государственных образовательных стандартов, учитывающих специфику китайского языка (тональность, иероглифика); недостаток квалифицированных педагогических кадров, владеющих китайским языком; проблемы с методическим обеспечением и учебниками, соответствующими российским требованиям. Как отмечают исследователи Ху Чжиюань, Емельянова И.Е., в Китае разработано огромное количество материалов, которые могут помочь русским детям в изучении китайского языка, например, издательство «Гуанси» издало серию из 9 детских изданий; педагогический университет в Чжэцзяне опубликовал 30 тт. китайских старых историй для детей; Детское издательство Цзянсу издало «Новые детские песни 365», Китайская детская издательская корпорация издала 100 «Книг с картинками серии Детские Картинки» и др.²²³. Но в России не хватает специалистов для отслеживания, отбора и адаптации этой литературы для российской аудитории. Также существуют сложности с лицензированием и аккредитации программ.

В Москве нет муниципальных детских садов, где китайский язык изучается в рамках основной образовательной программы, однако есть детские садики, в которых предлагается изучение китайского языка на платной основе в рамках дополнительного образования. В частности, в 2025 г. в Москве насчитывалось 13 частных детских садиков, в которых предлагалось обучение китайскому языку²²⁴.

В рассматриваемый период китайский язык получил большое распространение в российских школах.

²²³ Ху Чжиюань, Емельянова И.Е. Методы и стратегии обучения китайскому языку русских детей //Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 263.

²²⁴ Частные детские сады в Москве с изучением китайского языка. <https://detinform.ru/obrazovanie/detskie-sady/chastnye-detskie-sady/china/?ysclid=mnogqbt4wf857614358> (дата обращения: 12.04.2025).

В 1992 г. Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Институт востоковедения и Ассоциация китаеведов РАН, прежде всего, такие ученые как академик С. Л. Тихвинский, академик В. С. Мясников обратились к правительству г. Москвы с предложением открыть в столице России специализированную школу с углублённым изучением китайского языка. Специалисты – китаисты полагали, что Китай начал бурно развиваться, стал проводить политику открытости внешнему миру, и отношения с Россией неизбежно будут развиваться. Появится потребность в специалистах как китайского языка в России, так и русского в Китае. А такой сложный язык как китайский с иероглифической письменностью и тональностью, от которой зависит смысл слова, необходимо изучать как можно раньше, еще в школе, когда сильно стремление школьников к познанию всего нового. Ученые Ж.В. Петрунина и П.А. Иванов отмечают, что формирование уважительного отношения к такому важному соседу как Китай, «позволяет воспитывать поколение, способное к конструктивному межкультурному диалогу и сотрудничеству, что особенно важно в контексте растущей роли российско-китайского партнерства на международной арене»²²⁵.

Руководство г. Москвы пошло навстречу этому предложению, и в 1998 г. на Юго-Западе столицы на Новочеремушкинской и Болотниковской улицах была открыта средняя общеобразовательная школа № 1948 с углубленным изучением китайского и английского языков. Изучение китайского языка в школе было начато со 2 класса. Ученики младших классов посещали занятия по китайскому языку до 3 часа в неделю, ученики средних классов – 4 часа в неделю, а в 10-11 классах – 6 часов.

В 2012/2013 уч. году в Центре образования 1948 «Лигвист – М» число школьников, изучающих китайский язык, составило в 2-4 классах 278 чел., в 5-9 классах – 572 чел., в 10-11 классах – 80 чел. (суммарно – 930 чел.). В

²²⁵ Иванов П.А., Петрунина Ж.В. Формирование межкультурной компетенции школьников через изучение истории российско-китайских отношений. В сб.: Актуальные вопросы преподавания общественных дисциплин в школе и в вузе. Материалы 10-й региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2025. С.15.

следующем 2013/2014 уч. году общая численность изучавших китайский язык возросла до 1 050 человек²²⁶.

С 2007 г. в Центре образования 1948 «Лигвист – М» проводится повышение квалификации для преподавателей китайского языка столичных школ (до 40 чел. в год), а с 2009 г. на базе Центра проводятся курсы повышения квалификации для преподавателей из регионов.

Китайская сторона предлагает российским школьникам и преподавателям возможность выезжать в Китай в университеты Пекина и Шанхая на стажировки. В 2010/2011 и 2012/2013 гг. в Китае на стажировках побывали 250 школьников²²⁷. Выпускники школы, как правило, связывают свое дальнейшее обучение с китайским языком и продолжают его обучение в ведущих вузах Москвы: МГИМО, ИСАА, РУДН, МГПУ, НИУ ВШЭ, МГЛУ. Причем, они предпочитают получать не лингвистическое образование, а обучаться по специальностям «Экономика», «Лечебное дело», «Юриспруденция», «Финансы» и другие со знанием китайского языка. Проблемой является то, что нет преемственности в программах обучения китайскому языку в школах и вузах, и китайский язык в вузах предлагается с нуля.

Вторым по числу изучающих китайский язык средним учебным заведением российской столицы является Центр образования “Московская экспериментальная школа” (сокращенно - ЦО “МЭШ”), подведомственный не департаменту образования г. Москвы (как все остальные школы с изучением китайского языка), а столичному департаменту физической культуры и спорта. Китайский язык в нем стали преподавать ещё с 1990-х годов. Школьники начинают изучать китайский язык (наряду с английским) с первого класса. В настоящее время его учат 323 человека под руководством 4-х учителей, один из которых – носитель языка (в 2007/2008 году китайский в ЦО «МЭШ» учили 255 детей). Распределение изучающих китайский язык как

²²⁶ Арефьев А.Л. Изучение китайского языка в школах России. URL: [https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china\(1\).pdf](https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china(1).pdf) (дата обращения: 12.04.2025).

²²⁷ Там же.

предмет по классам в 2012/2013 году было следующим: 128 человек в 1-4 классах, 127 человек – в 5-9 классах, 29 человек – в 10-11 классах.

В 2012/2013 учебном году 28 учащихся сдали экзамен YSCT на 2 и 3 уровни, а в 2013/2014 году экзамен YSCT на 2 и 3 уровни сдали уже 36 человек, а двое смогли сдать на 4 уровень²²⁸.

Третье место по численности школьников, изучающих китайский язык, занимает в настоящее время Центр образования № 548 «Царицыно», причем за последние 5 лет число изучающих китайский язык в данном образовательном учреждении возросло почти на 100 человек: с 175 учащихся в 2007/2008 учебном году до 270 – в 2012/2013 году.

Четвертым общеобразовательным заведением Москвы по величине контингента школьников, изучающих китайский – средняя школа-интернат №11 (сокращенно – СОШИ №11) с углубленным изучением китайского языка. Это - одна из старейших школ с преподаванием китайского языка, основанная еще в 1956 году (будучи в тот период одним из двух общеобразовательных учебных заведений Москвы, где преподавался этот язык).

Лицей 1535 при Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова является одним из двух общеобразовательных учебных заведений Москвы, где китайский язык преподается уже почти 60 лет. Данное учреждение было создано в 1956 году в качестве школы-интерната №14 с углубленным изучением китайского языка. Наряду с китайским, его воспитанники учили в разные годы хинди, урду, японский, корейский, арабский. В 1991 году школа-интернат была преобразована в лицей, в 2005 году к ней присоединили школу №35 Московского государственного медицинского университета им. М.И. Сеченова и общее число учеников увеличилось с 350 до 900 человек. Одновременно в изучении иностранных языков стали доминировать английский и французский, китайский же почти «потерялся»: в 2012/2013 году его изучали в качестве второго иностранного

²²⁸ Арефьев А.Л. Изучение китайского языка в школах России. URL: [https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china\(1\).pdf](https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china(1).pdf) (дата обращения: 12.04.2025).

языка всего 26 лицеистов, причем начиная лишь с 7 класса (19 чел. в 7-9 классах и 7 чел. – в 10-11 классах) при общем контингенте лицеистов в 1 300 человек (для сравнения: в 2007/2008 учебном году китайский в данном лицее учили 60 человек). Китайский язык преподает один специалист.

Изучение китайского языка ведется с конца 1990-х гг. в Лингвистическом лицее № 1555 при Московского государственном лингвистическом университете (до 1988 года лицей именовался 1255 средней общеобразовательной школой с углубленным изучением иностранных языков). В лицей принимают после окончания 7-го класса. В 2012/2013 учебном году в лицее насчитывалось более 320 учащихся 8-11 классов, каждый из которых изучал два современных иностранных языка и латынь. Китайский (в качестве первого иностранного языка) учили 20 лицеистов. В 8-9 классах основной упор делался на практику устной и письменной речи китайского языка, его грамматику, практиковалось и домашнее чтение. В 10-11 классах, в дополнение к урокам по устной и письменной речи и грамматике добавляются занятия по страноведению и китайской литературе.

К началу XXI века Москва по количеству учебных и научных заведений, занимающихся китаистикой, и по числу студентов и аспирантов, изучающих китайский язык, прочно заняла лидирующее положение (свыше 5 тыс. чел., обучавшихся китайскому в 15 школах, лицеях, гимназиях, образовательных центрах и более чем в 30 институтах, академиях, университетах)²²⁹. Китайский язык преподавался как в общегосударственных, так и в частных школах.

В г. Санкт-Петербурге китайский язык учащиеся стали изучать еще в 1956 г. в Восточной гимназии №652, расположенной в Выборгском районе. Китайский язык здесь начинают учить с первого класса. В 2007/2008 г. китайский учили 460 детей, а в 2012/2013 уч. году — уже 613 человек, то есть, число изучающих китайский язык увеличилось на 150 человек.

²²⁹ Арефьев А.Л. Изучение китайского языка в школах России. URL: [https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china\(1\).pdf](https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china(1).pdf) (дата обращения: 12.04.2025).

В Санкт-Петербурге второе место заняла средняя общеобразовательная школа №574 Невского района. В 2012/2013 учебном году в ней, под руководством трех преподавателей (один из которых – носитель языка) китайский учили на факультативной основе 97 детей, в том числе 72 ребенка в 1-4 классах и 25 детей – в 9-10 классах.

Третьим средним общеобразовательным учебным заведением Санкт-Петербурга по количеству изучающих китайский язык, стала гимназия №32 в Василеостровском районе. В 2012/2013 учебном году китайский учили как факультатив 12 детей в начальных классах и 6 детей – в 5 классе, а как второй иностранный язык – 29 человек в 6-9 классах и 9 человек – в 10-11 классах.

В этот период основной проблемой, сдерживающей изучение китайского языка, являлась кадровая и нехватка эффективных учебных и учебно-методических материалов.

С 2007 г. китайский язык на факультативной основе стал преподаваться в гимназии №105 Выборгского района. Китайский учили около 50 детей младших и средних классов, занятия вел один преподаватель. Однако через два года, ввиду утраты интереса учащихся к языку, занятия прекратились.

Общее число изучавших китайский язык в школах Санкт-Петербурга в 2012/2013 учебном году составило 761 человек, причем подавляющее большинство детей учили китайский как первый иностранный язык²³⁰.

Что касается регионов, то изучение китайского в системе школьного образования велось в 2012/2013 учебном году в г. Самаре. Следует отметить, что открытие этого проекта состоялось при поддержке администрации и Торгово-промышленной палаты китайской провинции Хэнань, сотрудничающей с Самарской областью. В 2008/2009 уч. году преподавание китайского языка было введено в учебную программу СОШ №18 Вахитовского района г. Казани Татарстана в качестве второго иностранного языка. В 2012/2013 учебном году его учили 10 учеников 10-11 классов.

²³⁰ Арефьев А.Л. Изучение китайского языка в школах России. URL: [https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china\(1\).pdf](https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china(1).pdf) (дата обращения: 12.04.2025).

С 2010/2011 учебного года началось преподавание китайского языка и в гимназии №6 Приволжского района г. Казани.

В Рязани в 2012/2013 уч. году китайский на факультативной основе преподавался в 5 средних школах Советского района г. Рязани в средних школах №№ 22, 51, 47, 14). В общей сложности китайский язык здесь учили 50 учащихся 5-9 классов под руководством 5 преподавателей, двое из которых были носителями языка – китайцами.

Преподавание китайского языка на факультативной основе начало вестись в Южном федеральном округе. Здесь в 2009/2010 и в 2010/2011 учебных годах в гимназии № 118 «Школа мудрости» г. Ростова-на-Дону китайский язык изучали 40 детей, разделенных на две группы – младшую, состоящую из учащихся 1-4 классов, и старшую (5-11 классы).

Китайский язык на факультативной основе преподавался в Уральском федеральном округе в одной средней общеобразовательной школе г. Екатеринбурга (12 детей).

Наиболее массовым было преподавание китайского языка в Забайкальском крае Сибирского федерального округа. В 2012/2013 году в его преподавали в 11 школах, гимназиях, лицеях. В общей сложности, китайский язык учили почти 3,1 тысячи человек. Самым крупным общеобразовательным учреждением по числу изучающих китайский является школа №4 г. Читы. Из 900 ее учеников 755 человек углубленно изучают китайский язык начиная со 2-го класса (241 чел. в 2-4 классах, 377 чел. – в 5-9 классах и 137 чел. – в 10-11 классах).

В общем, по свидетельству социолога А. Л. Арэфьева, в 2012/2013 году в России в школах, гимназиях, лицеях, техникумах изучали 12 124 человека, что на 1 130 человек больше, чем в 2007/2008 учебном году (10 994 чел.). Китайский язык изучался в общей сложности в 91 среднем учебном заведении, включая 5 учреждений дополнительного образования (в 2007/2008 году – в 81), причем свыше 10,7 тысячи школьников учили китайский язык как предмет (в т.ч. 5,4 тыс. чел. – как первый иностранный язык и 5,3 тыс. чел. – как второй

и при этом первым изучавшимся иностранным языком почти всегда являлся английский), а около 1,4 тысячи школьников учили китайский как факультатив или в кружках при своих учебных заведениях²³¹.

Число школьных учителей китайского языка выросло на 1/4: со 154 человек в 2007/2008 учебном году до 213 человек – в 2012/2013 году.

Китайский язык в 2012/2013 учебном году преподавался в 17 субъектах Российской Федерации (в 2007/2008 году – в 18). Больше всего его изучали в Дальневосточном ФО (5 339 чел.) и Центральном ФО (2 283 чел.)²³².

После 2010 г. число школьников, изучающих китайский язык, постоянно увеличивалось. Экономическое и политическое сотрудничество между КНР и РФ ширилось, что требовало большого числа специалистов со знанием китайского языка. Родители считали, что будущее за китайским языком и всячески способствовали тому, чтобы их дети его изучали. По популярности китайский язык уступал только английскому, при этом интерес к китайскому постоянно рос, а к английскому падал.

В общем, при изучении китайского языка в этот период начали формироваться практические интерактивные навыки с использованием методов коммуникации, которые затем грамотно вошли в русло современного российского и китайского языкознания. Однако на пути продвижения китайского языка в российскую образовательную систему существовали такие серьезные проблемы, как нехватка опытных квалифицированных преподавателей, нехватка материальных ресурсов, сложная система китайского письма, восприятие китайского языка как языка сложного для усвоения. Несмотря на эту сложность, рассматриваемый период заложил прочную основу для формирования поликультурной и полиязычной образовательной системы в России.

²³¹ Арефьев А.Л. Изучение китайского языка в школах России. URL: [https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china\(1\).pdf](https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china(1).pdf) (дата обращения: 12.04.2025).

²³² Арефьев А.Л. Изучение китайского языка в школах России. URL: [https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china\(1\).pdf](https://socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china(1).pdf) (дата обращения: 12.04.2025).

2.2. Изучение китайского языка в высших учебных заведениях

С начала 2000-х гг. китайский язык становится самым распространенным в мире и все более популярным в университетах и других высших учебных заведениях некоторых стран. Китайский язык является родным для более чем 1,3 млрд чел., что составляет пятую часть населения земного шара. Благодаря быстрому развитию экономики Китая и его активному участию в процессе глобальной интеграции, знание китайского языка, китайской деловой культуры стали важным конкурентным преимуществом на международном рынке труда. Многие транснациональные компании заинтересованы в технологиях взаимодействия и сотрудничестве с китайскими партнерами, что повышает потребность в специалистах со знанием китайского языка.

Одним из ключевых направлений двустороннего сотрудничества Китая и России стало развитие торгово-экономического, в связи с чем стала расти потребность в российских специалистах со знанием китайского языка. С этого момента стала выявляться новая тенденция в сфере изучения китайского языка в России: подготовка специалистов со знанием китайского стала в большей степени ориентироваться на потребности торгово-экономического взаимодействия между двумя странами. В российских вузах к традиционным курсам китайского языка начали добавляться специализированные дисциплины, нацеленные на освоение профессиональной лексики, связанной с экономикой и бизнесом. Среди них такие курсы, как «Перевод текстов по экономике», «Деловая переписка на китайском языке», «Дискуссии на экономические темы» и ряд других.

Уже в 2003 г. в российских вузах стали вводиться изменения в преподавании китайского языка, их главной целью стало согласование учебных планов и методических материалов, а также подготовка специалистов с учетом новых потребностей и условий.

Росла число студентов, получавших высшее образование в Китае. Если в начале 1990-х гг. число российских студентов, обучающихся в Китае, исчислялось лишь несколькими сотнями человек, то уже к началу 2000-х гг. их количество достигло одной тысячи и продолжило постепенно увеличиваться. Соответственно, росла и доля россиян в общей массе иностранных студентов в Китае. Так, к 2015 г. Россия занимала пятое место среди стран по числу студентов, получающих образование в китайских вузах²³³.

Как и большинство иностранных студентов, российские студенты в Китае преимущественно изучали китайский язык. Вместе с тем, год от года стала увеличиваться доля тех, кто выбирал для обучения такие направления, как бизнес и менеджмент, инженерно-технические специальности и другие прикладные дисциплины, изучаемые непосредственно на китайском языке. Стоимость учебы зависела от конкретного университета, выбранной программы и специальности. Однако Министерство образования Китая, заинтересованное в привлечении талантливой молодежи из-за рубежа, активно развивало систему грантов, позволявших иностранным студентам обучаться бесплатно, при этом, все расходы китайское государство брало на себя. Более того, студенты, сдававшие экзамены на «отлично», получали официальные стипендии китайского государства. Все это, наряду с высоким спросом на специалистов со знанием китайского языка и с китайским дипломом, делало образование в КНР крайне привлекательным для молодежи, ориентированной на успешное трудоустройство в будущем.

Для продвижения китайского языка в России и русского в Китае с 1993 г. китайская и российская стороны регулярно проводили деловые встречи, в том числе с ректорами университетов Восточной Сибири и России. Эти встречи способствовали формированию единого образовательного пространства, согласованию юридических вопросов по взаимному признанию

²³³ Арэфьев А.Л., Любская К.А. Российские студенты в Китае // Демоскоп Weekly. 2017. № 715-716. С. 56.

дипломов, организации совместных научных исследований, конференций, расширению образовательных обменов между аспирантами и студентами двух стран.

Важными для популяризации китайского языка в России, а русского языка в Китае являлось проведение Года Китая-России (2006) и Года Китая-России (2007), в ходе которых проводились культурные мероприятия, различные образовательные программы, студенческие обмены. Эти мероприятия направлены не только на укрепление российско-китайского стратегического сотрудничества, которое отражает не только политическую и экономическую сферы двух стран, но и общую культуру двух стран. Этот проект стал успешным и стал практиковаться ежегодно.

Проект «Национальный год» сыграл важную роль в развитии российско-китайских отношений по всем направлениям сотрудничества. Следующим проектом по популяризации языков стал «Год национального языка».

31 декабря 2008 г., по случаю 60-й годовщины установления дипломатических отношений между СССР и КНР Председатель КНР Ху Цзиньтао и Президент РФ Д. А. Медведев обменялись телеграммами, в которых объявили о проведении в 2009 г. в Китае «Года русского языка», а в 2010 г. в России — «Год китайского языка».

К этому времени в России обучалось около 19 тыс. китайских студентов, в Китае в это время насчитывалось свыше 10 тыс. студентов из России.

Согласно статистике, к 2010 г. более чем в 100 вузах Китая была открыта специальность «Русский язык», и число студентов, обучавшихся по этому направлению, превысило 10 тыс. человек. В России также в более чем 100 высших учебных заведениях осуществлялась подготовка специалистов по китайскому языку, и количество студентов достигало аналогичной цифры — свыше 10 тыс. человек²³⁴.

²³⁴ Справка: Год русского языка в Китае и Год китайского языка в России / Китайский информационный Интернет-центр. URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2010-09/25/content_21003040.htm (дата обращения: 12.03.2024).

В течение «Года русского языка» (2009) в Китае было проведено более 260 различных мероприятий в 22 китайских провинциях. Во время «Китайского года» в 2010 г. в 23 российских регионах было проведено более 200 мероприятий.

Отмечая роль этих проектов в двусторонних отношениях, посол Китая в России Ли Хуэй отметил, что успешная реализация проектов «Год Китая-Россия» и «Год России-Китай» будет способствовать тому, чтобы эти проекты будут иметь долгосрочный характер"²³⁵.

Необходимо отметить, что такие масштабные мероприятия, как Национальный год и Год национального языка, способствуют мощному развитию сотрудничества между двумя странами в области образования, открывают новые возможности для появления новых форм сотрудничества, вызывают интерес как в КНР, так и в России к подготовке квалифицированных кадров со знанием китайского и русского языков.

Выведению сотрудничества в области образования на новый уровень способствовало создание ассоциаций профильных университетов. К 2025 г. были созданы следующие: в 2011 г. была создана Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК); в 2012 г.: Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных регионов КНР (АВРИК), Китайско-Российская ассоциация университетов искусств; 2013 г. — Российско-Китайская ассоциация экономических университетов (РКАЭУ); 2014 г. — Российско-Китайская ассоциация медицинских университетов (РКАМУ), Китайско-Российский союз высших педагогических учебных заведений; Ассоциация ректоров транспортных вузов России и Китая (АРТУ); 2016 г. — Российско-Китайская ассоциация вузов культуры и искусств; Ассоциация классических университетов России и Китая; Союз журналистского образования вузов Китая и России; 2017 г. — Китайско-Российский альянс сельскохозяйственного образования и инновационных

²³⁵ Международное обозрение: Результаты Года китайского языка в России и Года русского языка в Китае поистине значительны // Газета «Жэньминь жибао Онлайн». URL: <http://russian.people.com.cn/31517/7212092.html> (дата обращения: 17.12.2024).

исследований, Ассоциация университетов Волга-Янцзы; 2024 г. — Российско-Китайская ассоциация университетов туризма и гостеприимства (РКАУТиГ); 2024-2025 г. — Российско-Китайская ассоциация спортивных университетов; Альянс китайских и российских университетов языкового образования²³⁶.

Эти организационные структуры способствовали выведению сотрудничества в области образования на качественно новый уровень. Ассоциации профильных стали эффективным механизмом поддержки инициатив вузов в области образования.

С точки зрения развития академического сотрудничества особенно важно создание российско-китайского университета в Шэньчжэне, Китай, на базе Пекинского технологического института и Московского университета имени М.В. Ломоносова. Этот план считается важным шагом в развитии гуманитарного сотрудничества между двумя странами. Новый университет обеспечивает обмен опытом, стремится стать эффективной площадкой, разрабатывает инновационные методы образовательного процесса и готовит квалифицированных специалистов, способных реализовывать программы сотрудничества в различных областях.

Приобщению российских и китайских студентов к китайской и русской культуре способствовало и открытие совместных учебных заведений. Этот опыт позволяет формировать более высокие профессиональные навыки у молодежи на международном уровне и открывает возможности для успешной карьеры на глобальном уровне в будущем. Такой подход является проявлением китайской стратегии "кредитования"²³⁷. Примером реализации этой идеи может служить Российско-китайский научно-исследовательский институт, расположенный при Хэйлунцзянском университете и Новосибирском университете.

²³⁶ Российско-китайские ассоциации профильных университетов URL: <https://ruschinalliance.unecon.ru/associations/> (дата обращения: 14.02.2026 г.).

²³⁷ Ли Мэнлун. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество в XXI в.: тенденции и перспективы: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.15. М. 2018. 190 с.

Все эти события заметно укрепили позиции гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем в целом. Проведенные инициативы вызвали значительный интерес среди российских абитуриентов, изучающих китайский язык, а также получили широкий положительный отклик со стороны общественности обеих стран, став подтверждением успешного процесса международного культурного обмена. Однако, как показывают рассмотренные выше примеры, эффективное продвижение имиджа России в Китае едва ли возможно без масштабной государственной поддержки и финансовых вложений. Причём, заметим, сопоставимых с теми, которые Китай направляет на аналогичную деятельность в Российской Федерации.

Для российских студентов обучение в вузах КНР, как представляется, часто воспринимается в качестве своеобразного стартового этапа для будущего профессионального развития. Популярность учёбы в Китае среди россиян объясняется, с одной стороны, стремительным ростом китайской экономики, а с другой — пониманием того, что владение китайским языком становится важным условием расширения карьерных возможностей.

В этой связи Посольство Российской Федерации в КНР решало несколько практических задач. Оно активно распространяло информацию об образовательных возможностях для иностранных граждан. Оно же содействовало получению виз китайскими студентами — без дополнительных затруднений. И, наконец, информировало о существующих льготах для иностранных учащихся в российских школах. В частности, привлекательным для китайцев является освобождение от платы за обучение студентов-отличников и предоставление стипендий.

Для российских студентов, решающих обучаться в КНР на китайском языке, важным является совет родственников и преподавателей учебных заведений. Также существенную роль играют репутация учебного заведения, низкая стоимость обучения, условия проживания и обучения. Эти факторы делают китайские учебные заведения привлекательными для российских

студентов, так как значительная их часть происходит из семей со средним уровнем дохода.

Что касается выбора учебных специальностей, то для большинства российских студентов основным мотивом является возможность приобрести достойный уровень владения китайским языком, чтобы найти в будущем достойную, хорошо оплачиваемую работу. Российских студентов в китайских вузах, в большей степени привлекают инженерно-технические специальности, к гуманитарным, социальным, сельскохозяйственным наукам они не проявляют интереса.

Российские студенты обучаются примерно в 300 китайских университетах, расположенных в 21 провинции и во всех автономных районах Китая. Особым спросом пользуются университеты в восточных провинциях Китая — Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь, а также в Пекине, Тяньцзине, Шанхае и Чунцине.

В университетах Китая предлагается широкий спектр образовательных программ по изучению китайского языка. Студенты имеют возможность выбирать курсы, включающие не только освоение языка, но и знакомство с историей, культурой, экономикой и политической системой Китая. Учебные планы, как правило, состоят из занятий по разговорному китайскому, чтению и письму, а также из специализированных дисциплин, таких как «бизнес-китайский» или «китайская культура».

Подобно большинству иностранных студентов, основная масса россиян в Китае сосредоточена на изучении китайского языка, и эта тенденция остается устойчивой на протяжении последних десяти лет. Однако наряду с этим наблюдается рост числа студентов, выбравших для себя направления бизнеса, менеджмента и инженерно-технических специальностей, при одновременном сокращении интереса к гуманитарным и социальным дисциплинам. Особенно заметно это проявилось к 2014 г.: так, историю изучали лишь 22 российских студента, а философию – всего 23. Вместе с тем прослеживается постепенный рост числа студентов, специализирующихся в области права, включая как

международное, так и китайское. В то же время медицина у россиян остается маловостребованной сферой: в 2013 г. традиционную китайскую медицину изучали только 139 студентов из России, а западную медицину – 74. Те учащиеся, кто выбирал направления, связанные с образованием и педагогикой, чаще всего останавливались на специальности «физическая культура и спорт». Минимальный интерес россияне проявляют к аграрным дисциплинам.

В целом соотношение образовательных программ, которые выбирают российские студенты в китайских университетах, близко к тому, что характерно и для других иностранцев, однако можно отметить ряд различий. Во-первых, среди россиян меньшая доля тех, кто стремится получить академическую степень (диплом), особенно это касается программ докторантуры (аспирантуры). В 2013 году их число составляло 213 человек, причем большинство обучалось в университетах провинций Хэйлунцзян и Ляонин, а также в столице и Шанхае. Во-вторых, у россиян большее распространение получили краткосрочные программы – языковые курсы и стажировки. При этом сравнение статистики 2007 и 2013 годов показывает: с течением времени доля обучающихся по магистерским программам заметно выросла, а число студентов, проходящих языковые курсы и стажировки, наоборот, снизилось.

Для российских студентов выбор специальности во многом определяет продолжительность и уровень образования. Китайский язык чаще всего изучается в краткосрочном формате – на языковых курсах или в рамках программ обмена, рассчитанных на один или два семестра, тогда как получение диплома бакалавра по этому направлению встречается значительно реже. Напротив, такие специальности, как «Экономика», «Финансы и менеджмент», предполагают полноценное долгосрочное обучение и окончание бакалавриата, магистратуры, а иногда и докторантуры.

В области гуманитарных и социальных наук, а также права наиболее распространенной ступенью образования является магистратура. Искусство и культурология изучаются на всех уровнях – от краткосрочных курсов до

программ бакалавриата и докторантуры. Образование и педагогика, включая физическую культуру, сосредоточены преимущественно в магистратуре и докторантуре, а также частично в краткосрочных курсах. Медицинское образование возможно как на курсах, так и в рамках бакалавриата и магистратуры.

Наиболее академически ориентированным направлением для российских студентов является естествознание. В этой сфере подавляющее большинство обучающихся получают степень магистра или доктора, причем на долю докторантуры приходится около четверти студентов. Если рассматривать абсолютное количество, то наибольшее число российских докторантов сосредоточено в таких областях, как менеджмент, инженерно-технические науки и юриспруденция.

В географическом плане обучение российских студентов сконцентрировано в крупнейших образовательных центрах страны. Почти треть россиян, получающих образование в Китае, учатся в 18 ведущих университетах, при этом 11 из них расположены в Пекине и Шанхае.

В России в языковых школах, университетах, Институтах Конфуция не менее четырёх раз в год принимается экзамен HSK (汉语水平考试). Всего в России функционируют 24 центра тестирования, расположенные в 14 регионах, где до пандемии можно было сдавать экзамен как письменно, так и на компьютере. В период пандемии, начиная с 2020 г., была апробирована практика сдачи экзамена HSK на компьютере удалённо (из дома), которая сейчас проводится как дополнительная форма экзамена по особому объявлению. В марте 2023 г. по всей стране в разных формах экзамен HSK сдавали около 1500 кандидатов возрастом от 8 лет до 61 года²³⁸.

Таким образом, изучение китайского языка в российских вузах стало неотъемлемой частью стратегического сотрудничества двух стран. Развитие

²³⁸ Гурулева Т. Л. Российско-китайское образовательное сотрудничество в пандемийный и постпандемийный периоды Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 1. С. 142.

образовательных и культурных программ, финансовая и иная поддержка государств КНР и РФ, открытие новых учебных заведений, проведение совместных образовательных, научных и культурных мероприятий создают прочный фундамент для обмена знаниями и опытом. Это все способствует профессиональной подготовке высококвалифицированных специалистов, укрепляет не только гуманитарные связи между КНР и РФ, но и двусторонние отношения в целом.

2.3. Распространение китайского языка через Институты Конфуция

В последние годы Китай превратился в один из главных центров притяжения инвестиций, торговли и дипломатического внимания. Все больше стран налаживают тесное сотрудничество с КНР и выражают заинтересованность в развитии образовательных программ, связанных с китайским языком. Расширение сферы его изучения становится важным элементом общего развития страны. Чем могущественнее государство, тем весомее его язык: китайский в этом смысле является ключевым инструментом распространения информации и укрепления влияния Китая на международной арене. Увеличение роли КНР в глобальной политике сопровождается ростом престижа китайского языка и интереса к нему за рубежом. Поэтому продвижение его изучения рассматривается как один из важнейших способов укрепления «мягкой силы» Китая.

В 1987 г. при Государственном совете по распространению китайского языка был создан Китайское национальное управление по преподаванию китайского языка как иностранного. В 2001 г. оно было переименовано в Государственную канцелярию по распространению китайского языка или сокращенно «Ханьбань» (кит. 国家汉办), в 2020 г. получило название «Канцелярия Международного Совета китайского языка». Канцелярия является некоммерческой организацией и находится в подчинении Министерства образования КНР. В ее задачи входило предоставление

образовательных ресурсов и услуг по распространению китайского языка и национальной культуры за рубежом для осуществления цели совместного развития культурного многообразия и строительства гармоничного мира. В 2002 г. КНР начала подготовку кампании по распространению китайского языка за рубежом. Основным инструментом Канцелярии по распространению китайского языка за рубежом стала программа «Институт Конфуция». С 2004 г. по примеру Немецкого института им. Гёте, Французского института, Испанского института им. Сервантеса и др., специализирующихся на преподавании национального языка как иностранного за рубежом, Китай основал сеть некоммерческих учреждений — центров преподавания китайского языка и распространения национальной культуры — Институтов Конфуция. Канцелярия (Ханьбань) является штаб-квартирой Институтов Конфуция и постоянным органом, курирующим деятельность и обеспечивающим финансирование деятельности сети Институтов Конфуция по всему миру. Помимо собственно «институтов» учреждались «классы» Конфуция. В функции Институтов Конфуция входило:

- поддержка и расширение преподавания китайского языка и распространения китайской культуры в образовательных учреждениях за рубежом;
- определение, совершенствование и развитие международных стандартов преподавания китайского языка, возможностей обучения за рубежом, разработка универсальной образовательной программы;
- отбор и подготовка преподавателей и волонтеров-носителей языка;
- разработка и проведение HSK (汉语水平考试) — экзамена на знание китайского языка (для иностранцев);
- развитие программы Института Конфуция для иностранных докторантов (Confucius China Studies Program — 孔子新汉学计划) в рамках поддержки исследования Китая;

— определение порядка предоставления стипендии Института Конфуция, а также развитие и проведение конкурса «Китайский мост» и серии других специальных мероприятий;

— создание международной сети центров преподавания китайского языка, предоставление цифровых ресурсов и платформы для теле- и радиовещания на китайском языке за рубежом²³⁹.

Китай проводил социально-экономические реформы, бурно развивался, но расширению его связей с внешним миром препятствовали не технические или транспортные ограничения, а именно языковой и культурный барьер. В условиях глобализации преодоление этого барьера способствует диалогу между цивилизациями и взаимопониманию. На себя эту задачу и взял Институт Конфуция. Его деятельность стала важным шагом в продвижении китайского языка и культурных ценностей за пределами Китая, помогая иностранцам глубже понять Китай. Формирование «права голоса» в мировом культурном пространстве — основная цель китайской дипломатии в этой сфере. Институт Конфуция, как представляется, расширил методы и каналы популяризации китайского языка — и тем самым укрепил международные позиции страны. В условиях глобальной экономики, политической многополярности и культурного разнообразия он стал инструментом, позволяющим Китаю активнее заявлять о себе на мировой арене.

Несмотря на то, что они носят имя Конфуция, институты не занимаются пропагандой конфуцианских идей. Китайские власти выбрали название «Институт Конфуция» для сети международных культурно-образовательных центров в разных странах, организуемых при помощи министерства образования КНР совместно с образовательными учреждениями соответствующих стран, так как в китайском обществе имя Конфуция символизирует высокую образованность, мудрость, гуманность, культуру, а для иностранцев его имя ассоциируется с традиционной китайской ученостью

²³⁹ Селезнева Н. В. Реорганизация Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань): судьба Институтов Конфуция // Проблемы Дальнего Востока. 2021-05-05. Вып. 2. С. 166–176.

и богатым духовным наследием. Как отмечает С.В. Кривохиж: «Выбор имени Конфуция, одного из самых значимых китайских философов древности, которое, однако, после образования КНР долгое время находилось в опале, стал продуманным и удачным политическим ходом, логично вписывающимся в политику современного руководства КНР по возрождению интереса к традиционной культуре Китая»²⁴⁰. Так, многие элементы конфуцианства, такие, как гибкость и способность к обновлению, ориентированность общества на укрепление центральной власти, способность осуществлять контроль над обществом использовались руководством во главе с Си Цзиньпином. Конфуций был популярен и на Тайване, и его имя могло привлечь симпатии тайваньцев. Играло свою роль и то, что продвигаемая китайским руководством идея «гармоничного мира» опиралась на конфуцианскую установку о «гармонизации многообразного и несходного»²⁴¹.

Согласно «Уставу Института Конфуция», данная организация определяется как «некоммерческое образовательное учреждение. Его задачи — преподавание китайского языка, распространение культуры и укрепление дружеских связей между КНР и другими странами»²⁴². В своей деятельности институты должны «руководствуются принципами равенства, взаимной выгоды и уважения традиций страны пребывания»²⁴³.

Продвижение китайского языка за рубежом рассматривалось китайским руководством как важная государственная задача и финансировалось государством. Ежегодно на продвижение китайского языка за рубежом

²⁴⁰ Кривохиж С. В. Институт Конфуция – образовательный центр или инструмент пропаганды? // Азия и Африка сегодня. 2016. № 7. С. 43.

²⁴¹ Кривохиж С.В. Там же. С. 44.

²⁴² Устав Института Конфуция // Канцелярия Государственной руководящей группы по распространению китайского языка в мире. URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_7537.htm (дата обращения: 05.02.2026).

²⁴³ Выступление Лю Яньдун на церемонии открытия 9-ой всемирной конференции Институтов и Школ Конфуция // Канцелярия Государственной руководящей группы по распространению китайского языка в мире. 2014. URL: http://www.hanban.edu.cn/article/2014-12/08/content_565453.htm (дата обращения: 05.02.2026).

государство выделяет около 25 млн долл. США. До 2010 года на эти цели планировалось направить в общей сложности 200 млн долларов²⁴⁴.

Первый Институт Конфуция появился в ноябре 2004 г. в Сеуле (Республика Корея). Затем Институты Конфуция были открыты в России, Германии, США, Франции и других странах.

В 2006 г. Институт Конфуция появился в сети Интернет, что существенно расширило его аудиторию по всему миру. Официальный сайт был представлен на семи иностранных языках, и любой желающий мог начать изучать китайский язык самостоятельно онлайн. Также на сайте содержался материал по китайской культуре и истории.

По данным Министерства образования КНР, «в 2006 году китайский язык изучали около 40 млн чел. по всему миру, значительная часть из которых обучалась через систему институтов. В соответствии с планами Ханьбань к 2010 г. должно было быть открыто 500 таких центров, а к 2013 году их количество достигло 440 в 126 странах»²⁴⁵.

К 2008 г. из 200 ведущих университетов мира 45 открыли у себя Институт Конфуция. Международная сеть Институтов Конфуция стала поистине мировой. Они реализовывали более 2000 образовательных программ по языку и культуре, охвативших свыше 70 тыс. студентов. В рамках Институтов читалось более 500 курсов, посвященных Китаю. К 2010 г. в мире действовали 322 Институт Конфуция и 369 классов Конфуция в 96 странах и регионах мира, число зарегистрированных слушателей составило 360 тыс. человек²⁴⁶. Как отмечает С. В. Кривохиж: «За одиннадцать лет работы программы Китаю удалось открыть больше образовательных центров, чем

²⁴⁴ Бельченко А.С. Деятельность институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 66.

²⁴⁵ Распертова С.Ю. Институты Конфуция как культурная стратегия Китая в пространстве российско-китайского взаимодействия в сфере образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. №. 22. С. 154-163.

²⁴⁶ Соловьев С.С. Социологический анализ вызовов роста популярности китайского языка в России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. Вып. 1(794).С. 256.

Британскому Совету, Институт Гёте и Институту Сервантеса вместе взятым, за более чем полувека»²⁴⁷.

Вузам-партнерам предлагалось на выбор три варианта сотрудничества: 1) полностью управляемые Штаб-квартирой Институтов Конфуция; 2) полностью управляемые принимающей стороной по лицензии от Штаб-квартиры Институтов Конфуция; 3) управляемые совместно университетами-партнерами из Китая и принимающей страны под руководством Штаб-квартиры Институтов Конфуция²⁴⁸. Наибольшей популярностью пользовался третий вариант управления,

К 2010 г. из всех европейских государств более всего Институтов было открыто в России, кроме Великобритании. Согласно практике, принятой и сложившейся в России, российский вуз, желающий открыть у себя Институт Конфуция, обязан договориться о сотрудничестве с китайским вузом и заключить соответствующее соглашение. Такое соглашение подлежит обязательному утверждению государственным агентством КНР Ханьбань. Как правило, китайская сторона перед заключением соглашения о партнерстве просит предоставить ей от российского вуза подробные данные о его структуре, факультетах, образовательных программах гуманитарного и естественно-научного профиля. Собранные сведения через Посольство КНР передаются в Ханьбань, где они тщательно изучаются на предмет перспектив сотрудничества. Посольство КНР, в свою очередь, подобную информацию передает предполагаемому российскому вузу-партнеру. В конечном итоге, вузы-партнеры заключают соглашение о сотрудничестве, которое утверждается в Ханьбань и оформляются как структурные подразделения вузов (научный центр, кафедра). Формально, создание нового подразделения должно утверждаться ученым советом вуза, однако на практике нередко Институты Конфуция открывались по приказу ректора, без соблюдения этой

²⁴⁷ Кривохиж С. В. Институт Конфуция – образовательный центр или инструмент пропаганды?//Азия и Африка сегодня. 2016.№ 7. С. 43.

²⁴⁸ Кривохиж С. В. Институт Конфуция – образовательный центр или инструмент пропаганды?//Азия и Африка сегодня. 2016.№ 7. С. 44.

процедуры. Уставный фонд для них не формируется, а деятельность не подлежит контролю.

По предложению китайской стороны, было установлено совместное управление Институтами Конфуция: по условиям двустороннего соглашения создавался совет директоров или коллегиальная структура. Российский вуз-партнер обязан был выделить учебные аудитории, административные здания, обеспечить набор студентов. Обучение, как правило, было платным. Китайская сторона обязана была направить в Институт Конфуция преподавателей, обеспечить Институт необходимой учебно-методической литературой, аудиовизуальными материалами. Немаловажным было то, что китайская сторона выделяла 100 тыс. долл. на функционирование Института.

Программы обучения в Институтах Конфуция, как правило, реализуются вне рамок основных вузовских дисциплин и предоставляются в форме факультативов, курсов дополнительного образования, повышения квалификации и т. д. Учебные планы и методические материалы разрабатываются китайской стороной, что делает их отличными от российских стандартов. Вскоре выявились первые трудности, одной из которых стала нехватка китайских преподавателей, что снижало эффективность образовательного процесса. В российских регионах в качестве преподавателей привлекали китайских студентов, обучающиеся в российских вузах.

До открытия первого в России Института Конфуция в Санкт-Петербурге уже действовала «Академия восточных языков и культуры «Конфуций» – «Школа Конфуция». Она была открыта в 2001 г. по инициативе китайской стороны — Генерального консульства КНР в Санкт-Петербурге, Штаб-квартиры Институтов Конфуция КНР, правительства Санкт-Петербурга, Комитета по образованию Санкт-Петербурга. Руководителем школы стала автор идеи данного проекта профессиональный переводчик Хань Даньсин.

Финансирование было предоставлено китайским бизнесменом Сюй Чао²⁴⁹. В Школе преподавали китайский язык, причем, организовывались бесплатные программы обучения, велась переподготовка учителей китайского языка, отрабатывалась процедура оценивания знаний учащихся, оказывалась помощь учебной, учебно-методической литературой, различная техническая помощь.

Таким образом, предшественницей Института Конфуция в России стала Школа Конфуция в Санкт-Петербурге. Причем, она возникла по инициативе частных лиц – граждан Китая, финансировалась за их счет и управлялась только китайцами. Значение функционирования данной школы и для Китая, и для России заключается в том, был накоплен определенный опыт функционирования подобных заведений в России. На тот момент не существовало ни одного Института Конфуция в мире.

Со временем Школа стала уникальным учебным заведением Санкт-Петербурга по изучению китайского языка. Все преподаватели школы – носители языка, педагоги, профессора, специально приглашенные из Китая. Каждый преподаватель является обладателем международного сертификата, выданного Ханьбань, подтверждающего возможность преподавания китайского языка как иностранного. В России, перед тем, как приступить к преподаванию, они проходят специальный подготовительный курс. Причем, под началом Ханьбань постоянно велась работа по совершенствованию учебных программ, учебников, учебно-методических материалов по обучению китайскому языку как взрослых иностранцев, так и детей.

С 2007 года, на основании международного соглашения, школе и был образован «Класс Конфуция», вошедший в состав этой глобальной сети. На 2026 г. в школе обучаются школьники из 140 школ Санкт-Петербурга, студенты из 19-ти вузов и взрослые. За время своего существования выпустила свыше 9000 учащихся²⁵⁰.

²⁴⁹ Бельченко А.С. Деятельность институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 69.

²⁵⁰ Академия восточных языков и культуры «Конфуций». <https://schoolconfucius.ru/?ysclid=mnhff1nfed492046212> (дата обращения: 22.08.2025).

В 2007 г. Академия вышла на международный уровень, войдя в состав глобальной сети Школ и Институтов Конфуция.

В 2007 г. был открыт Институт Конфуция при Санкт-Петербургском государственном университете, на Восточном факультете. Он был создан при поддержке Китайского государственного комитета по распространению китайского языка за рубежом, Столичного педагогического университета (Пекин, КНР) и консульства Китая в Санкт-Петербурге. Основным направлением деятельности Института Конфуция в СПбГУ является укрепление дружбы и взаимопонимания между Китаем и Россией путём распространения информации о культуре, языке, экономике и социальной жизни Китая. Важными аспектами деятельности Института Конфуция являются организация курсов китайского языка и культуры, проведение тестирования по китайскому языку, организация стажировок в Китае, проведение конкурсов, содействие синологическим исследованиям²⁵¹. Немаловажным стало то, что Институт Конфуция в СПбГУ был создан на базе Восточного факультета, где к этому времени преподавание китайского языка велось уже более 150 лет, и в учебных программах Института Конфуция СПбГУ передовой отечественный опыт преподавания китайского языка соединился с новейшими обучающими технологиями и учебными материалами, разработанными в КНР. В Институте стало вестись преподавание китайского языка разным возрастным группам, организованы курсы по подготовке преподавателей китайского языка, а также повышение их квалификации, организовано тестирование на знание китайского языка, осуществлялась поддержка научных китаеведческих исследований и проведение различных мероприятий, направленных на продвижение китайской культуры.

21 декабря 2006 г. во Владивостоке при Дальневосточном государственном университете (ДВГУ), который являлся ключевым центром

²⁵¹ Цит.по: Кривохиж С. В. Институт Конфуция – образовательный центр или инструмент пропаганды?//Азия и Африка сегодня. 2016.№ 7. С. 43.

по подготовке кадров для Азиатско-Тихоокеанского региона, был открыт первый в России Институт Конфуция. Открыт он был в соответствии с Протоколом Российско-Китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования, на основании Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР от 14 октября 2004 г. об изучении русского языка в КНР и китайского языка в РФ, а также в соответствии с Соглашением между Государственным департаментом по распространению китайского языка за рубежом КНР /Ханьбань и Дальневосточным государственным университетом от 21.12.2006 года²⁵².

В соответствии с Уставом, для совместного руководства институтом было избрано правление, которое с китайской стороны возглавил ректор Хэйлуңцзянского университета Чжан Чжэвэнь, а с российской — ректор ДВГУ В.И. Курилов. Правление назначило директоров, с российской стороны — проф., к.ф.н. К. А. Курилову, с китайской — проф., к.ф.н., заместителя директора Института русского языка университета Линь Чуньцзе. Для преподавания китайского языка были приглашены десять преподавателей китайского языка.

Уже в 2008 г. в этом институте около 200 студентов изучали китайский язык. В декабре 2008 г. в Пекине всемирном съезде Институт Конфуция ДВГУ был признан лучшим в мире и отмечен специальным дипломом²⁵³.

К 2025 г. в Институте осуществлялось обучение по программам «Практический китайский язык» (базовый, начальный, средний и высший уровни), «Подготовка к квалификационному экзамену HSK», «Подготовка к квалификационному экзамену YCT» («Детский HSK»)²⁵⁴. Институт в рамках дополнительного образования с присвоением дополнительной квалификации готовит переводчиков с китайского и на китайский языки в сфере

²⁵² История создания ИК ДВФУ URL: <https://confucius.dvfu.ru/dvgu/istoriya> (дата обращения: 22.08.2025).

²⁵³ Бельченко А.С. Деятельность институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 69.

²⁵⁴ История создания ИК ДВФУ URL: <https://confucius.dvfu.ru/dvgu/istoriya> (дата обращения: 22.08.2025).

профессиональной коммуникации для бизнеса, экономики, юриспруденции. В Институте сложился уникальный коллектив профессиональных преподавателей, являющихся носителями китайского языка, обладающими сертификатами о квалификации преподавателя китайского языка как иностранного и владения произношением путунхуа первой и второй категории. Также в институте открыты курсы по каллиграфии, на которых изучается древнее искусство написания иероглифов. Открыты курсы традиционной китайской гимнастики ушу и тайцзицюань, занятия в них ведут известные в мире мастера стиля. Всего в 2008 г. в Институте Конфуция ДВФУ по разным программам прошли обучение 259 слушателей²⁵⁵.

В Дальневосточном государственном университете в 2000 г. по инициативе Государственного департамента КНР был создан экзаменационный центр по проведению квалификационного экзамена HSK для определения базового, начально-среднего и высшего уровней владения китайским языком. С 2007 г. центр вошел в структуру Института Конфуция. Успешно сдавшим экзамен выдается специальный сертификат, являющийся документом государственного образца Министерства образования Китая. Всего в 2008 г. экзамен HSK в Институте Конфуция ДВФУ сдали 213 человек²⁵⁶.

30 мая 2007 г. в Казанском университете состоялось открытие Института Конфуция. Китайским партнером выступил Хунаньский педагогический университет (Чанша).

В сентябре 2007 г. Институт Конфуция был открыт в Санкт-Петербургском университете, его китайским партнером стал Пекинский педагогический университет, самый известный в КНР центр обучения китайскому языку иностранцев. Открытие Института Конфуция в Санкт-Петербургском университете стало знаковым, так как Петербургский

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ История создания ИК ДВФУ URL: <https://confucius.dvfu.ru/dvgu/istoriya> (дата обращения: 22.08.2025).

университет является старейшим центром по подготовке китаеведов в России, китаеведение в котором ведется уже более полутора веков.

В 2007 г. состоялось открытие Института Конфуция в Иркутском государственном университете, партнером стал Ляонинский университет.

4 сентября 2007 г. на базе Российского государственного гуманитарного университета был открыт первый Институт Конфуция в Москве. Китайским партнером РГГУ стал известный Пекинский университет экономики и международной торговли. Руководство РГГУ предоставило учебные аудитории, в том числе, лингафонные кабинеты, выделило помещение для библиотеки. Китайская сторона обеспечила финансирование деятельности Института (выделила 100 тыс. долл. США), предоставила учебную, учебно-методическую литературу. В 2007 г. Институты Конфуция были открыты в Бурятском государственном университете в Улан-Удэ (партнер Чанчуньский технологический университет, в Благовещенском государственном педагогическом университете (партнер университет Хэйхэ). В 2008 г. в Екатеринбурге на площадке Уральского государственного университета им. А. М. Горького и на базе Российского государственного педагогического института были открыты Институты Конфуция. В 2008 г. на базе Томского государственного университета был создан Институт Конфуция, партнером стал Шэньянский технологический университет.

27 октября 2008 г. Институт Конфуция был открыт в Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Партнером МГУ имени Ломоносова стал Пекинский университет.

24 апреля 2009 г. Институт Конфуция открылся в Элисте в Калмыцком государственном университете. Его партнером стал Университет Внутренней Монголии.

Институт Конфуция начали функционировать в России и вскоре выявились первые проблемы. Сложности заключались в следующем. Учебно-методическая литература по китайскому языку изначально была разработана

для обучения японских и корейских студентов, письменность которых основана, как и китайская, на иероглифах. Корейцы и японцы с детства знакомы с иероглифами, в корейском и японском языках присутствует значительное число китайских слов. В России ситуация оказалась другой, также сказывались культурно-психологические различия студенческих аудиторий. Учебно-методические пособия, хорошо зарекомендовавшие себя в Южной Корее и Японии, становились малоэффективными в России. Необходима была серьезная работа по ее адаптации к российской аудитории.

Тем не менее, Институт Конфуция является важной частью китайской культурной дипломатии и инструментом продвижения китайского языка в мире. Их деятельность развивается беспрецедентными темпами: за последние несколько лет они превратились в глобальную сеть, охватывающую десятки стран, включая Россию. Масштабное финансирование китайского правительства, поддержка университетов-партнеров и системный метод организации образовательных проектов позволили нам говорить о высокой эффективности институтов Конфуция как механизма распространения китайского языка и создания положительного имиджа Китая за рубежом. Однако опыт организации и деятельности Институт Конфуция в России показал, что эффективность их работы неоднозначна. С одной стороны, данные организации обеспечили увеличение числа россиян, изучающих китайский язык, создали больше образовательных возможностей для студентов, пробудили интерес к китайской культуре и истории и способствовали гуманитарному сотрудничеству между двумя странами. С другой стороны, деятельность Институтов Конфуция также сопровождается рядом проблем: нехватка учебных материалов варьируется в зависимости от образовательной среды в России, влияние методов преподавания в Китае, зависимость от персонала, присланного из Китая, и частичное игнорирование Институтом принципов независимости российских вузов. Эти факторы определяют долгосрочное воздействие образования и повышают справедливость и независимость образовательных учреждений.

В заключение этой главы следует обратить внимание, что 2001-2013 гг. были периодом активного распространения китайского языка в России, что было обусловлено не только глобальными процессами, но и вниманием к китайско-российским отношениям. С другой стороны, стремительное развитие экономики Китая и усиление его роли на международной арене сделали знание китайского языка важным инструментом делового и культурного взаимодействия. С другой стороны, тесное двустороннее сотрудничество способствовало расширению образовательных инициатив и программ.

В этот период китайцы постепенно осваивали российскую систему образования на всех уровнях: от детских садов и школ до университетов. Его часто преподают в школах иностранных языков, число учащихся неуклонно растет, а методы общения и обучения позволяют развить настоящие навыки межкультурного общения. В высших учебных заведениях знание китайского языка начинает рассматриваться как конкурентное преимущество на рынке труда. Образовательные проекты реализуются с помощью курсов деловой лексики и стажировок. Приток российских студентов в Китай и приток китайских студентов в Россию укрепили связь между людьми и карьерой.

Особое значение в распространении китайского языка имела деятельность Институтов Конфуция. Созданные при поддержке Ханьбань, они обеспечивали не только преподавание языка, но и продвижение китайской культуры, организацию обменов, подготовку преподавателей и распространение методических материалов. В России за рассматриваемый период была создана широкая сеть подобных центров, что позволило вывести изучение китайского языка за пределы традиционных востоковедческих факультетов. Вместе с тем выявились и проблемы: недостаток квалифицированных кадров, неадаптированные к российским реалиям учебники, зависимость от методик и специалистов, командируемых из КНР.

В целом, в 2001–2013 гг. китайский язык перестал быть редкостью и экзотикой в образовательной системе России. Он превратился в стратегически

значимый элемент гуманитарного сотрудничества, важный ресурс для экономических и культурных связей между Россией и Китаем.

ГЛАВА 3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РФ

в 2013 - 2025 гг.

3.1. Изучение китайского языка в дошкольных учреждениях и школах

В 2013 г. во многих странах мира началось активное внедрение китайского языка в образовательные программы. Россия не стала исключением: процесс его интеграции в школьное образование заметно ускорился. Китайский язык начали включать в перечень второго иностранного или обязательного предмета, особенно в московских школах и в регионах Дальнего Востока, находящихся в непосредственной близости к Китаю.

С начала проведения политики открытости в 1978 г. КНР особое внимание уделяет модернизации образования. В докладе на XIX съезде КПК (18–24 октября 2017 г.) Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что «основой великого возрождения китайской нации является превращение Китая в мировую образовательную державу»²⁵⁷. До 2020 г. в КНР реализовывалась «Государственная программа среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010–2020 гг.». В сентябре 2018 г. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил на Национальной конференции по образованию, что Китаю следует сместить акцент с «количественных показателей» на «качественные» и что модернизация образования должна способствовать модернизации Китая²⁵⁸. В 2019 г. Государственный совет КНР опубликовал два плана по продолжению реформ и развитию системы образования в Китае, опираясь на опыт предыдущих реформ, проведённых с момента начала политики открытости в 1978 году. В этих документах —

²⁵⁷ Гурулева Т.Л. Университеты КНР: современное состояние и стратегия глобального развития до 2035 года. Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 191.

²⁵⁸ Китайская Народная Республика, Государственный совет, “习近平出席全国教育大会并发表重要讲话 (Председатель КНР Си Цзиньпин принимает участие в Национальной конференции по образованию и выступает с важной речью)”, сентябрь 2018 года. www.gov.cn/xinwen/2018-09/10/content_5320835.htm (дата обращения: 05.02.2026).

«План реализации мер по ускорению модернизации образования (2018–2022)»²⁵⁹ и «План модернизации образования в Китае до 2035 года»²⁶⁰ приведены меры, с помощью которых к 2035 г. Китай должен модернизировать систему образования, а к 2050 году система образования Китая должна сравняться с системами образования в других развитых странах. Китай стал мировой державой и китайская система образования должна соответствовать этому статусу, с помощью образования Китай должен продвигать свою богатую культуру, китайское образование должно стать площадкой для содействия взаимопониманию между народами и построению сообщества единой судьбы человечества. Одним из главных направлений этой политики стала интеграция китайского языка в зарубежные образовательные системы. Механизмами реализации этого направления стали: подписание соглашений о языковом сотрудничестве с иностранными министерствами образования; совместная разработка учебных планов, программ и оценочных систем; оказание помощи в создании местных учебных материалов; поддержка создания систем преподавания китайского языка от детского сада до университета.

В соответствии с Планом модернизации образования к 2025 г. Китай ставил задачу «активнее продвигать изучение китайского языка»²⁶¹, как было отмечено ранее «от детского сада до университета».

²⁵⁹ Китайская Народная Республика, Государственный совет, XinhuaNet. “中共中央办公厅、国务院办公厅印发《加快推进教育现代化实施方案（2018—2022年）》（ГУПК и Государственного Совета публикует План мероприятий по ускорению модернизации образования (2018-2022)”).” 23 февраля. 2019. www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367988.htm

²⁶⁰ Китайская Народная Республика, Государственный совет, XinhuaNet. “中共中央、国务院印发《中国教育现代化 2035》（ЦК КПК и Государственный совет публикуют «План модернизации образования в Китае до 2035 года»).”, Государственный совет, 23 февраля 2019 года. www.gov.cn/xinwen/2019-02/23/content_5367987.htm

²⁶¹ План модернизации системы образования в Китае до 2035 года. Международное образование. URL: <https://internationaleducation.gov.au/international-network/china/PolicyUpdates-China/Pages/China's-education-modernisation-plan-towards-2035.aspx> (дата обращения: 05.02.2026).

В 2021 г. был продлен Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В 2023 г. обе стороны сделали заявление об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, в котором были обозначены основные направления сотрудничества в области образования. Кроме того, с 2020 по 2023 гг. прошли четыре заседания Подкомиссии по гуманитарному сотрудничеству, на которых подводились итоги сотрудничества за предыдущий год и намечались планы на будущее.

Как отмечают С. В. Кривохиж и Е. Д. Соболева, «в период председательства Си Цзиньпина КНР активно включилась в борьбу за дискурс, чтобы не только улучшить имидж Китая в мире, но и оказать влияние на всю систему международных отношений и поведение других акторов глобальной политики»²⁶², что сказалось также на активизации политики КНР по продвижению китайского языка в мире.

В росте популярности китайского языка среди россиян сыграли свою роль глобальные изменения, послужившие укреплению отношений между Россией и Китаем. С ужесточением западных санкций против России Китай постепенно становился основным торговым партнером России. Все большей популярностью в России пользовались китайские машины, китайская электроника. Сыграл свою роль и рынок труда. Также заметен рост популярности китайской электроники». С 2023 г. по 2025 г. доля вакансий с требованием знания китайского выросла на 11%. А с начала 2025-го работодатели разместили более 10 тыс. таких запросов²⁶³. Росту интереса к Китаю, его культуре и языку способствовала и экспериментальная отмена Китаем виз для россиян в сентябре 2025 года. Экономические и политические изменения дали новый импульс продвижению китайского языка в России.

²⁶² Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. Большая нарративная игра: многоуровневая система трансляции стратегических нарративов КНР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20. № 1. С. 75–88.

²⁶³ Школьники заговорили по-китайски //Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8316188?ysclid=mo4hsluvnn889768502> (дата обращения: 12.02.2026).

В продвижении китайского языка важную роль сыграли Министерство образования РФ, Министерство образования КНР, Посольства обеих стран, Институты Конфуция и ряд других организаций, оказывавших поддержку через государственные инициативы и культурные проекты. В этот период основное внимание уделялось подготовке квалифицированных педагогов и созданию адаптированных учебных материалов, соответствующих возрасту и потребностям учеников. В детских садах процесс обучения строился на игровых методиках: песнях, сказках и ролевых играх, что делало освоение языка увлекательным и доступным для малышей.

Однако распространение китайского языка по стране было неоднородным. В городах Дальнего Востока, таких как Хабаровск и Владивосток, благодаря их близости к КНР, более 30% школ ввели китайский язык в качестве обязательного иностранного.

Преподавание китайского языка в российских школах было сосредоточено на языковой практике и понимании культуры. Разработка учебной программы обычно включает в себя базовую грамматику, обучение разговорной речи и культурные модули (такие как каллиграфия, традиционные фестивали и т.д.). Некоторые международные и языковые школы вводят китайский язык в качестве обязательного курса, требуя от учащихся соблюдения определенных стандартов аудирования, разговорной речи, чтения и письма. Например, в некоторых средних школах Москвы с пятого класса введены обязательные курсы китайского языка, а еженедельные учебные часы сопоставимы с традиционными предметами иностранного языка, такими как английский и французский.

Совершенствовалось преподавание китайского языка и в школе 1948 г. Москвы. В 2007 г. к ней была присоединена средняя общеобразовательная школа № 569, в результате было создано Государственное образовательное учреждение города Москвы Центр образования № 1948 «Лингвист-М». В 2013 г. процесс слияния продолжился, Центр образования № 1948 «Лингвист-М», средняя общеобразовательная школа № 3, детский сад № 2481 г. Москвы и детский сад комбинированного вида № 750 были объединены под названием

«Государственное образовательное учреждение города Москвы средняя общеобразовательная школа № 1948 «Лингвист-М»».

С 2021 г. школа смогла предложить учащимся более разнообразный образовательный маршрут. Преподавание основного иностранного языка стало вестись с первого класса, причем в некоторых группах давались углубленные английский и китайский по 2 часа в неделю. С пятого класса ученики начинают также изучать страноведение Китая, а с восьмого – специальный предмет «Путешествие по Китаю». Начиная с 9-го класса базовым предметом становился перевод с китайского языка на русский язык и с русского – на китайский. Также велись занятия по курсам: «История и культура Китая», «Китайская живопись», создан музей «История и культуры Китая и других стран Дальнего Востока». Также проводились выставки, экскурсии, концерты и фестивали, ежегодно отмечался Китайский новый год.

Подготовка по английскому и китайскому языку проходила настолько углубленно, что многие учащиеся добивались до платных групп подготовки к Кембриджскому экзамену самого высокого уровня (FCE) и китайскому экзамену «УСТ». На экзамене 2020 г. 7 из 10 выпускников, сдававших китайский язык, набрали от 71 до 90 баллов. Необходимо также отметить, что многие педагоги являлись выпускниками школы, вели занятия также носители языка.

Учащиеся школы принимали активное участие во Всероссийских олимпиадах школьников по китайскому языку. Статистика олимпиад говорит о конкурентоспособном уровне подготовки по китайскому языку: из всех успешных олимпийских выступлений школьников лишь «китаисты» ежегодно доходят до финала и увозят с олимпиады дипломы всероссийского масштаба²⁶⁴.

В 2025 г. школа 1948 «Лингвист – М») являлась лидером по числу учеников, изучающих китайский язык – 930 чел.

Примечательной в этом контексте выглядит Московская школа восточного китайского. В ней учатся как китайские подростки, проживающие в России, так и

²⁶⁴ Школа № 1948 Лингвист-М. Сайт школы. URL: <http://edu.repetitor-general.ru/info.php?user=EnglishChineseSchool1948> (дата обращения: 12.02.2025).

российские школьники, заинтересованные в изучении китайской культуры. Школа расположена в центре города, располагает просторными и комфортными аудиториями и удобной транспортной доступностью.

Учебная программа разделена на три категории для китайских учащихся с разным уровнем подготовки.

Первая категория — начальный переводческий класс. Здесь, благодаря занятиям и тренировкам, учащиеся достигают уровня базового перевода между китайским и русским языками — как устного, так и письменного. Тематика охватывает повседневную жизнь, оформление документов, новостные материалы и другие сферы.

Вторая категория — юношеский класс письма. Он помогает развить интерес к письменной речи, формирует практические навыки и готовит учащихся к дальнейшему обучению, жизни и будущей работе.

Третья категория — двуязычные классы. В них уделяется внимание всем аспектам языка: аудированию, устной речи, чтению и письму. Дополнительно учащиеся знакомятся с китайской и русской культурой, что помогает формировать двуязычную компетенцию.

Преподавательский состав школы имеет высокую профессиональную подготовку и многолетний опыт преподавания китайского языка детям и студентам в России. В 2017 г. нынешний директор школы, господин Ли Цуйвэнь, был удостоен звания «Выдающийся преподаватель китайского языка за рубежом», присуждаемого Управлением по делам зарубежных китайцев Государственного совета КНР.

С момента основания школа уделяет особое внимание сохранению и развитию китайской культуры. Помимо ежедневного обучения, активно используются традиционные китайские и российские праздники для проведения культурных мероприятий. Во время занятий и праздников дети углубляют знания, расширяют кругозор, повышают любознательность и интерес к культуре. Все это способствует гармоничному развитию учеников и укрепляет авторитет школы.

В будущем школа намерена продолжать развивать двуязычное обучение, уделяя внимание как китайским профессорам, так и подготовке специалистов по русско-китайскому переводу. Планируется расширять сотрудничество с образовательными учреждениями, участвовать в международных программах повышения квалификации, совершенствовать качество преподавания и укреплять имидж школы. Главная цель — способствовать распространению китайской культуры, строить мост дружбы между Китаем и Россией и вносить вклад в развитие китайского образования за рубежом.

С 2017 г. интерес к китайскому языку в России продолжал усиливаться. В этот период начали активно развиваться программы обмена, которые давали учащимся возможность глубже погружаться в языковую среду. В школах стали внедряться более развернутые курсы, охватывающие не только сам язык, но и культурные, исторические и традиционные аспекты Китая. В детских садах упор делался на использование наглядных и практических методов обучения, что помогало детям лучше воспринимать и запоминать материал.

В 2019 г. Министерство образования России запустило онлайн-курсы китайского языка на платформе «Российская электронная школа». Они были рассчитаны на учеников 5–11 классов и включали 15 тематических блоков и 243 урока. В курсах предусмотрены тестовые задания разного уровня сложности, что облегчало усвоение знаний. На сегодняшний день эти материалы доступны всем желающим²⁶⁵.

Еще одной формой популяризации и продвижения китайского языка в российскую школьную образовательную систему стало проведение всероссийских олимпиад по китайскому языку. В ней могли принять участие как российские школьники, так и этнические китайцы на постоянной основе проживающие в России. Основными целями Олимпиады стали: выявление и развитие у учащихся навыков научно-исследовательской деятельности, поддержка особо одаренных детей, содействие закреплению китайского языка

²⁶⁵ 俄罗斯中文学习需求持续增长 [Спрос на изучение китайского языка в России продолжает расти] // 人民日报. 08.01.2022. URL: <https://jsj.moe.gov.cn/n2/7001/7001/1696.shtml> (дата обращения: 22.08.2025).

как школьного предмета в российских школах, поддержание единого образовательного пространства в России по китайскому языку²⁶⁶ и др. Испытания проводятся в два дня: первый день — письменные задания, такие как: аудирование, чтение, лексико-грамматический комментарий, лингвострановедение и творческое задание (письмо); во второй день проводится устный тур. В 2021 г. появился новый, шестой блок — изложение. В этом блоке задание участникам предлагался текст на китайском языке, который в виде изложения необходимо было передать на русском. Обычно первый этап Олимпиады проходил в Москве, а заключительный — в регионах. В 2015/16 уч. году заключительный этап Олимпиады проходил в г. Волгограде, 2016/17 уч. год — Амурская область, г. Благовещенск; 2017/18 уч. год — Волгоградская обл., г. Волгоград; 2018/19 уч. год — г. Москва; 2019/20 уч. год — заключительный этап не проводился; 2020/21 уч. год — г. Москва; 2021/22 уч. год. — Нижегородская область, г. Нижний Новгород; 2022/23, 2023/24, 2024/25 уч. год — г. Москва, 2025/26 уч. год. — Екатеринбург. Все большее число участников принимало участие в Олимпиадах: в 2016 г. в заключительном этапе Олимпиады приняло участие 36 школьников из 13 регионов России, то в 2021/22 уч. году — уже 89 школьников из 44 регионов России; в 2022/23 уч. году — 46; в 2023/24 уч. году — 39; 2025/26 уч. году в Екатеринбурге приняло участие 43 школьника²⁶⁷.

О дальнейшем продвижении китайского языка в российскую образовательную школьную систему свидетельствует и тот факт, что в 2019 г. китайский язык был включен в программу единого государственного экзамена (ЕГЭ). На участие в ЕГЭ по китайскому языку подали заявления 289 человек

²⁶⁶ Всероссийская Олимпиада школьников. URL: <https://vserosolimp.edsoo.ru/china?ysclid=mnvcfqzn6h735389700> (дата обращения: 12.03.2026).

²⁶⁷ Итоговый протокол регионального этапа Всероссийской Олимпиады школьников по китайскому языку. Китайский язык. Всероссийская Олимпиада школьников. URL: <https://zsfond.ru/wp-content/uploads/2026/02/kitajskij-itogovuj-na-sajt.pdf> (дата обращения: 12.03.2026).

из 43 субъектов РФ²⁶⁸. В основном, это были школьники и приграничных с Китаем регионов. Популярность китайского языка постоянно растет, только в 2024 г. спрос на знающих китайский язык только в Москве вырос в 5,5 раз. Китайский язык стал пятым языком по выбору для участников ЕГЭ наряду с английским, немецким, французским и испанским. ЕГЭ по китайскому языку, как и по другим иностранным языкам, делится на письменную и устную части и сдают их в разные дни. Всего в экзамен входит 32 задания, за которые можно получить 80 первичных баллов²⁶⁹. Как отмечает Т. Л. Гурулева «Статистика ежегодной сдачи такова: в 2019 г. экзамен сдавало 80 человек, в 2020 г. – 178, в 2021 г. – 251, в 2022 г. – 254, в 2023 г. – 152 человека»²⁷⁰.

В 2024 г. в Москве его сдавали 300 выпускников. Все же большинство российских школьников для ЕГЭ выбирает английский язык. Одной из причин такой разницы считается высокая сложность китайского языка. Это подтверждается статистикой: например, в 2020 году максимальный результат (100 баллов) по китайскому языку показали только 2 выпускника, тогда как по английскому – 30. Как считает эксперт в области российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере Т. Л. Гурулева, в интересах повышения качества обучения китайскому языку в школьной системе образования, необходима «оптимизация структуры и содержания ЕГЭ по китайскому языку в соответствии с дальнейшим развитием методических систем обучения китайскому языку. Увеличение количества совместных российско-китайских лингвистических исследований китайского и русского языков»²⁷¹.

²⁶⁸ Глава Рособрнадзора назвал средний балл ЕГЭ по китайскому языку //РИА Новости.24.06.2019. URL: <https://na.ria.ru/20190624/1555860671.html> (дата обращения: 12.03.2026).

²⁶⁹ Петрович Т. ЕГЭ по китайскому языку: задания, баллы, даты и специальности //Навигатор. URL: <https://propostuplenie.ru/article/yege-po-kitayskomu-yazyku-zadaniya-bally-daty-i-spetsialnosti?ysclid=mnvg4mf5vu978261544> (дата обращения: 12.03.2026).

²⁷⁰ Гурулева Т. Л. Российско-китайское образовательное сотрудничество в пандемийный и постпандемийный периоды Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 1.С. 142.

²⁷¹ Гурулева Т. Л. Российско-китайское образовательное сотрудничество в пандемийный и постпандемийный периоды Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 1.С. 144.

За 2024 г. число московских школ, предлагающих изучение китайского языка, заметно выросло. Если к концу 2023 г. их насчитывалось 44, то в 2024 г. уже 98²⁷². По данным Московского департамента науки и образования на 2025 год, более 14 тыс. человек изучали китайский язык: 8 тыс. московских школьников учили китайский как один из основных предметов — всего в Москве 70 таких школ; еще 6 тыс. школьников обучались языку и культуре Китая в кружках — всего в столице их 600²⁷³.

Несмотря на позитивные изменения, существовал ряд проблем в преподавании китайского языка в детских садах и школах: отсутствие отработанной методики преподавания китайского языка в иностранных детских садах и школах, нехватка квалифицированных, опытных учителей. Сказывались также наличие серьезных культурных и языковых различий. Тем не менее, была проделана большая работа по интеграции китайского языка в систему российского дошкольного образования. Рост интереса к изучению китайского языка был обусловлен комплексом факторов, ключевыми среди которых стали стремительное экономическое развитие Китая и его усиливающаяся роль на мировой арене, а также углубление культурных и гуманитарных связей между Россией и КНР. Не менее важную роль в продвижении китайского языка в России играла государственная политика КНР по распространению китайского языка и культуры за рубежом.

В 2025 г. в Государственной Думе РФ обсуждался вопрос о целесообразности введения китайского языка в школьную программу как обязательного, но окончательного решения по этому вопросу не было принято. Доводы противников такого целесообразности решения — сложность китайского языка и нехватка опытных педагогических кадров.

²⁷² Число столичных школ с китайским языком за год удвоилось. URL: <https://www.forbes.ru/education/520624-cislo-stolicnyh-skol-s-kitajskim-azykom-za-god-udvoilos?ysclid=mnovygmux971592075> (дата обращения: 12.04.2025).

²⁷³ Китайский стал вторым по популярности языком среди школьников Москвы. Рассказываем, где ему учат. Москва онлайн. 10.02.2025. URL: <https://msk1.ru/text/education/2025/02/10/75089408/?ysclid=mnvazzrchoq271355856> (дата обращения: 12.03.2026).

Вместе с тем стоит обозначить ряд проблемных моментов, связанных с преподаванием китайского языка в школах РФ: нехватка квалифицированных преподавателей китайского языка. Особенно заметной эта проблема становится на фоне растущего интереса к его изучению. Кроме того, ситуацию усугубила пандемия COVID-19; дефицит учебных материалов — ощущается нехватка современных школьных учебников и мультимедийных пособий; недостаточное количество носителей языка, которые могли бы помочь учащимся освоить правильное произношение, тональность и темп речи; сосредоточенность изучения китайского языка преимущественно в высшей школе, где студенты вынуждены осваивать значительный объём материала за сравнительно короткий срок — 4–5 лет.

К 2025 г. число изучающих китайский язык в Москве превысило 16 тыс. человек. Одни школьники осваивают его как первый или второй иностранный язык в рамках учебной программы, другие посещают курсы в учреждениях дополнительного образования. Такие данные привёл столичный департамент науки и образования. При этом единый государственный экзамен по китайскому языку летом 2024 г. сдавали 300 выпускников — это на двести человек больше, чем количество выбравших испанский язык.

С сентября 2024 г. китайский язык был включён уже в программу 98 школ Москвы, хотя ещё несколько лет назад он преподавался не более чем в тридцати. Однако обеспечить все новые учебные заведения педагогами по-прежнему непросто.

В Москве также достаточно было школ, которые активно приглашали преподавателей из КНР, что стоило родителям немалых финансовых затрат. В частных учебных заведениях программа с углублённым изучением китайского языка для младших школьников обходилась родителям примерно в 1,5 млн рублей в год, а начиная с пятого класса цена повышалась ещё на 100 тыс. рублей. Однако специалисты подчёркивали, что начинать изучение языка всё же лучше с российским педагогом.

Получила распространение практика найма китайских гувернанток для дошкольников. Спрос на таких специалистов за последнее время вырос в два раза. Их услуги обходятся примерно в 5 тыс. долл. в месяц плюс расходы на проживание. Обычно гувернантку приглашают в семью на срок от двух до трёх лет. «Альтернативой являются языковые школы: здесь обучение стоит от 40 до 50 тысяч рублей за уровень. Также предлагаются индивидуальные занятия — их стоимость в среднем колеблется от 1,5 до 2 тысяч рублей за час, но некоторые частные репетиторы оценивают свои уроки и в 5 тысяч рублей»²⁷⁴.

Таким образом, становление и развитие китайского языка в дошкольных учреждениях и школах России является важным этапом в модернизации национальной системы образования. Начавшись как инициатива отдельных школ и культурных центров, преподавание китайского сегодня приобрело системный характер и охватило как столичные, так и региональные образовательные учреждения. Оно сопровождается не только языковой подготовкой, но и знакомством с богатым культурным наследием Китая, что играет значительную роль в формировании у детей межкультурной компетенции и уважительного отношения к традициям другой страны.

3.2. Изучение китайского языка в высших учебных заведениях

С начала 1990-х гг. начинается сотрудничество китайской и российской сторон в области применения совместных образовательных программ (СОП). Эксперты – педагоги А. И. Горылев и Н.Р. Камынина предлагают следующее определение СОП: «Под совместной образовательной программой (СОП) понимается программа, в которой партнеры согласовали учебный план,

²⁷⁴ Китайский осваивается в школах // Коммерсантъ. 02.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6932533> (дата обращения: 05.02.2026).

критерии оценивания, требования к профессорско-преподавательскому составу, правила и принципы набора студентов и т. п.»²⁷⁵.

С 2010 по 2020 г. в российском образовании устанавливается двухуровневая система высшего образования, включающая бакалавриат и магистратуру, вместо ранее существовавшего специалитета, что позволило обеим сторонам приступить к реализации сотрудничества.

В 1995 г. Северо-Восточный сельскохозяйственный университет Китая создал первый совместный проект по реализации совместной образовательной программы с Хабаровским государственным техническим университетом, а в 1999 г. — с Дальневосточным государственным техническим рыбохозяйственным университетом по следующим специальностям: «Бизнес-администрирование», «Бухгалтерский учет», «Инженерное дело», «Пищевая промышленность», «Компьютерные технологии», «Управление земельными ресурсами», «Экономика».

Как видим, первыми к реализации СОП приступили вузы провинции Хэйлуцзян и Дальнего Востока, что объясняется их географической близостью. Как отмечают специалисты по российско-китайским отношениям, в том числе, и на Дальнем Востоке Ж. В. Петрунина и Г. А. Шушарина отмечают: «Регионализация образования и её продвижение на международном уровне обусловлены рядом факторов: потребностью изучения менталитета, традиций и образа жизни народов России и Китая, сохраняющих культурные и мировоззренческие различия; необходимостью обеспечения сбалансированного и всестороннего развития приграничных регионов обеих стран; возможностью использования регионального образовательного потенциала в укреплении российско-китайских отношений²⁷⁶».

²⁷⁵ Горылев А.И., Камынина Н.Р. Совместные образовательные программы как инструмент построения единого европейского пространства высшего образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3 (39). С. 184.

²⁷⁶ Петрунина Ж.В., Шушарина Г. А. Перспективы интеграции научно-образовательного пространства приграничных территорий России и Китая // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 2 (74). С. 43.

Однако, в 1990-е гг. сотрудничество двух стран в области реализации совместных образовательных программ только начинало развиваться и не получило широкого распространения.

В 2001 г. произошло знаменательное событие в китайско-российских отношениях — был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, что означало начало широкомасштабного сотрудничества по всем направлениям. В 2006 г. Министерство образования КНР и Министерство образования и науки РФ подписали Соглашение о сотрудничестве в области образования, что существенно ускорило процесс сотрудничества по СОП.

Изучение китайского языка в российских университетах является частью очной программы получения двойного диплома, обычно основанной на проекте "2+2". Студенты учатся в своих университетах в течение первых двух лет и в университетах-партнерах в Китае в течение двух лет. Однако есть другие модели совместных программ:

1. "3+1 - Три года в китайском университете, один год в русском;
2. "0,5+2,5+2 " - Шесть месяцев в российском университете, два с половиной года в китайском университете, два года в российском университете.
3. "2+1,5+0,5- Два года в российском университете, полтора года в Китае и шесть месяцев в российском университете;
4. 1+4 - один год в России, четыре года в Китае;
5. "1+2+1 "Один год в России, два года в Китае, один год в России;
6. "2,5+2,5 - два с половиной года в китайском университете, осталось два с половиной года в российском университете;
7. "1+3+1 "Один год в российском университете, три года в Китае и один год в России;
8. "2+2,5+0,5- Два года в российском университете, два с половиной года в Китае и шесть месяцев в России;

9. "1+1,5+1,5+1" — Один год в национальном университете, полтора года в кооперативном университете в Китае и полтора года в российском университете и один год в китайском.

10. Комплексный проект, позволяющий студентам учиться как в своем родном университете, так и в зарубежном университете в течение каждого учебного года²⁷⁷.

Самыми востребованными специальностями в совместных программах являлись «Экономика» и «Менеджмент». Затем следовали технические специальности, естественные науки. Следующее место заняли «Изящные искусства», «История и регионоведение», «Лингвистика», «Международные отношения», «Педагогика», «Юриспруденция». Все более популярной становилась такая дисциплина как «Художественное и музыкальное образование».

Со стороны РФ по программам бакалавриата лидируют вузы Дальневосточного федерального округа. Так, Благовещенский государственный педагогический университет заключил соглашения о сотрудничестве в области совместных образовательных программ с Дацинским педагогическим университетом и Харбинским педагогическим университетом, а также с Суйхуаским и Хэйхэским университетами. Вузы сотрудничают по направлениям подготовки «Педагогика», «Изящные искусства», «Юриспруденция», а также по специальностям в области естественных и технических наук. На втором и третьем местах находятся университеты Сибирского федерального округа и Центрального федерального округа. Наибольшее количество вузов-партнеров у Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления.

В Центральном Федеральном округе лидирует Белгородский государственный национальный исследовательский университет, который установил сотрудничество с тремя китайскими партнерами: Даляньским

²⁷⁷ Медяник Е.И. Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 73.

университетом иностранных языков, Циндаоским международным институтом и Университетом Дэчжоу.

В Москве соглашения о сотрудничестве в области совместных образовательных программ с китайскими вузами заключили: Московский педагогический государственный университет, Международный независимый эколого-политологический университет, Российский университет дружбы народов, Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Московский государственный университет культуры и искусства, Московский государственный университет путей сообщения. Далее следуют учебные заведения Северо-Западного, Уральского, Южного и Приволжского федеральных округов.

В Китае провинция Хэйлунцзян лидирует по числу заключенных соглашений с российскими вузами-партнерами, на вузы этой провинции, расположенной в непосредственной близости с Россией, приходится почти половина от общего числа китайско-российских СОП. Из 27 высших учебных заведений Хэйлунцзяна 24 университета открыли совместные проекты с российскими партнерами. На 2025 г. в провинции Хэйлунцзян обучается самое большое количество русских студентов - около 2000 чел.

Треть заключенных с вузами РФ соглашений о совместных образовательных программах приходится на провинции Гирин, Хэнань, Ляонин. Затем следуют провинции Шаньдун, столица Китая Пекин, провинция Цзянсу, Чжэцзян, автономный район Внутренняя Монголия.

В общем, общее количество высших учебных заведений России и Китая, реализующих двусторонние образовательные программы на 2018 г., почти равнозначно: в данных проектах предположительно задействовано 68 российских и 65 китайских университетов²⁷⁸.

СОП в области бакалавриата пользуются большим спросом у студентов обеих стран, так как предлагают широкий выбор направлений подготовки.

²⁷⁸ Медяник Е.И. Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 73.

Большим спросом у студентов КНР и РФ пользуются совместные магистерские программы. Большинство из них организовано по пользующимся спросом в обеих странах специальностям «Экономика» и «Мировая политика и международные отношения». Они реализуются по программам двойных дипломов очной формы обучения по схеме «1+1». Преподавание в магистратуре ведется на русском и китайском языках, существуют и программы на английском языке, что также привлекает внимание обучающихся.

Что касается географии сотрудничества, то большая часть программ реализуется в учебных заведениях столицы РФ Москве, что и понятно, так как российская столица не только обладает большим научным и культурным потенциалом, но и является комфортным и красивым городом в России. Лидирующее положение в сотрудничестве занимает Российский университет дружбы народов. Вуз, известный своими богатыми традициями и опытом в обучении иностранных студентов, успешно реализует целый ряд программ совместно с семью китайскими университетами-партнерами. С китайской стороны лидирует провинция Шаньдун, которая занимает первое место и по количеству открытых совместно с Россией магистерских программ, и по количеству вузов-участников. Только Шаньдунский университет запустил пять российско-китайских образовательных программ.

Также в сотрудничестве реализуются и программы индивидуальной академической мобильности в рамках программ включенного обучения. В большей степени они заключаются в языковых стажировках.

В РФ китайский язык включен в систему образования педагогических вузов. Наиболее популярной среди абитуриентов является программа «Иностранный язык: китайский» по специальности «Педагогическое образование» в Российском государственном университете имени А. Н. Косыгина и Московском городском педагогическом университете.

Также весьма популярна программа с двумя языками — «Иностранный язык (китайский) и иностранный язык (английский)» по специальности

«Педагогическое образование» с двумя профилями. Ее предлагают 39 вузов с 77 вариантами обучения.

Помимо педагогических направлений, китайский язык глубоко изучают на лингвистике и филологии. Например, в Пермском государственном университете есть программа «Восточные языки (китайский и японский)» по направлению «Лингвистика». Широкий выбор языков, включая китайский как второй, предлагал Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы в своей программе «Лингвистика: иностранные языки». Классическую и очень популярную программу по фундаментальной лингвистике с изучением китайского предлагает Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Также большой популярностью пользуется востоковедение, а именно программа «Языки и литературы стран Азии и Африки: китайский язык» по направлению «Востоковедение и африканистика». Данная программа есть в четырех вузах: Московском государственном педагогическом университете, Казанском федеральном университете, Уфимском университете науки и технологий, Бурятском государственном университете.

В университетах, включая Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, открылись новые направления по китайскому языку и литературе, экономике Китая, а также факультативные курсы для студентов инженерных и естественно-научных специальностей, где знание китайского рассматривалось как дополнительное преимущество для международного сотрудничества.

Несмотря на неравномерное распределение совместных программ по территории Китая, общее количество российских и китайских университетов, участвующих в двусторонних образовательных проектах, почти одинаково. По предварительным данным, в таких программах участвуют 68 российских и 65 китайских вузов. В 2020 г. «40 тысяч российских учащихся изучали

китайский язык в 368 российских школах и университетах, а 90 тысяч китайцев изучали русский язык в 868 школах Китая»²⁷⁹.

Важной частью российско-китайского образовательного сотрудничества является Шэньчжэньский российско-китайский университет, основанный Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Пекинским технологическим институтом в 2016 году. В университете обучается более 1000 студентов бакалавриата и магистратуры, а также семь колледжей. В 2020 г. здесь были созданы все три современных исследовательских центра, специализирующихся на вычислительной математике, кибернетической химии и материалах, а также на современных темах биологии.

Китайско-российский институт при Уральском федеральном университете и китайские университеты проводят девять совместных онлайн-программ бакалавриата и обладают обширным опытом в подготовке специалистов, отвечающих экономическим и промышленным потребностям двух стран.

В 2022 г. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации в соответствии с соглашением с Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук открыл новый курс бакалавриата по международной экономике и бизнесу для изучения китайской экономики и китайского языка. В программе представлены дисциплины по дипломатии, культуре, бизнесу, экономике, юриспруденции и др. и направлена на подготовку высококвалифицированных кадров для плодотворного сотрудничества во благо народов Китая и России.

Расширяется сотрудничество в рамках программ двойных дипломов. Студенты российские и китайские студенты могут учиться и проходить практику как в Китае, так и в России. Например, Казанский государственный

²⁷⁹ Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Перспективы интеграции научно-образовательного пространства приграничных территорий России и Китая //Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 2 (74). С. 45.

исследовательский технический университет и Пекинский химико-технологический университет подписали соглашение о реализации серии программ двойных дипломов. "После первых двух лет обучения в России студенты, изучающие технологию полимерных материалов и направления переработки отходов, продолжают обучение на третьем и четвертом курсах в Китае. Наиболее успешные студенты, демонстрирующие высокий уровень владения языком, могут получать стипендии, включая расходы на обучение и проживание²⁸⁰. С одной стороны, они совершенствуют свои языковые навыки, с другой — получают возможность получить два сертификата, что повышает их шансы на успешную работу.

С поворотом политики РФ «на Восток» активизировалось изучение китайского языка и в высших учебных заведениях на юге Дальнего Востока. Как отмечает специалист по российско-китайскому культурно-гуманитарному сотрудничеству, в том числе и в области взаимного изучения языков Ж.В. Петрунина, в 2025 г. можно было получить профессиональное образование или пройти курсы профессиональной переподготовки по лингвистике, востоковедению и международным отношениям в университетах Приморского края (в Дальневосточном федеральном университете (ДФУ)), Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (ВГУЭС), Морском государственном университете имени адмирала Г. И. Невельского), Амурской области (в Амурском государственном университете (АмГУ), Благовещенском государственном педагогическом университете (БГПУ)), Хабаровского края (в Тихоокеанском государственном университете (ТОГУ), Комсомольском-на-Амуре государственном университете (КнАГУ), Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете (АмГПГУ)), Сахалинской области (в Сахалинском государственном университете (СахГУ)), Читинской области (в Забайкальском государственном университете (ЗабГУ)). В зависимости от своей

²⁸⁰ Садловская М.В. Сотрудничество РФ и КНР в сфере образования: современное состояние и перспективы развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. №4 (142). С. 45-55.

специализации дальневосточные вузы сотрудничают с Пекинским университетом, Университетом Цинхуа, Шанхайским университетом иностранных языков, Даляньским университетом технологий, Даляньским морским университетом, Харбинским политехническим университетом и Хэйхэским университетом, предлагая российским студентам языковые практики и стажировки, программы двойных дипломов, академические обмены, стипендии Confucius Institute в вузах Китая, тем самым повышая уровень подготовки специалистов²⁸¹.

Таким образом, изучение китайского языка в высших учебных заведениях в 2013-2025 гг. получило большое развитие. Российско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования, включая изучение китайского языка и реализацию совместных образовательных программ, прошло значительный путь развития и достигло стадии активной, зрелой кооперации.

Основными участниками и двигателями данного роста стали вузы РФ и КНР, которые разрабатывали совместные образовательные программы, получившие по-настоящему большой географический размах и большой спектр специальностей. Установлено, что ключевыми драйверами сотрудничества выступили экономическая целесообразность, географическая близость (особенно роль провинции Хэйлуцзян и дальневосточных регионов России), а также растущий взаимный интерес к культуре и языкам двух стран.

Несмотря на доминирование экономических и технических специальностей, спектр совместных программ непрерывно диверсифицируется, охватывая такие области, как лингвистика, педагогика, искусствоведение, юриспруденция и даже редкие специализации, что свидетельствует об углублении и содержательном наполнении партнерства.

Географическое распределение программ демонстрирует определенную асимметрию, сконцентрированную на приграничных регионах, в то время как потенциал южных, более населенных и экономически развитых провинций

²⁸¹ Петрунина Ж.В. Опыт и перспективы сотрудничества в сфере культуры в приграничных районах России и Китая в 2020-х годах //Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2025. № 8 (88). С. 50.

Китай в сотрудничестве с Россией пока раскрыт недостаточно. Тем не менее, общее количество вовлеченных университетов с обеих сторон является сопоставимым, что указывает на взаимный и сбалансированный интерес.

Перспективы развития видятся в дальнейшем увеличении количества программ, особенно в магистратуре и аспирантуре, преодолении существующих административных и языковых барьеров, а также в расширении географии сотрудничества. Начало работы над совместными аспирантурами и программами двойного научного руководства открывает новые возможности для углубленной научно-исследовательской коллаборации между ведущими университетами двух стран.

Также, как отмечает Ж.В. Петрунина, «изучение русского и китайского языков ведётся преимущественно в школах и вузах России и Китая, в то время как молодёжь, обучающаяся в средних учебных заведениях, почти не получает языковой подготовки. Сложившееся положение является сдерживающим фактором в укреплении социокультурного и экономического трансграничного сотрудничества, поскольку знание русского и китайского языков обеспечивает подготовку более квалифицированных специалистов, способных взаимодействовать по многим вопросам»²⁸².

В целом, совместные образовательные программы стали не только эффективным инструментом подготовки высококвалифицированных кадров, владеющих языком и знакомых с культурой страны-партнера, но и важным элементом стратегического партнерства между Россией и Китаем, способствующим укреплению гуманитарных, научных и экономических связей.

²⁸² Петрунина Ж.В. Опыт и перспективы сотрудничества в сфере культуры в приграничных районах России и Китая в 2020-х годах //Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2025. № 8 (88). С. 50.

3.3. Распространение китайского языка через Институт Конфуция

К 2010 годам Институт Конфуция представлял уже самую авторитетную и систематическую базу для обучения китайскому языку в странах мира. Сотрудниками Института Конфуция разработаны разнообразные виды учебных материалов с учетом современных тенденций развития образования и методик преподавания. Институты Конфуция проводят политику, направленную на поддержание обучения преподавателей китайского языка, стремятся к расширению сотрудничества с местными учебными заведениями и оказывают консультативную помощь иностранцам с целью последующей отправки для обучения в Китай. В 2021 г. в различных странах и регионах, охватывающих все континенты, кроме Антарктиды, действовало 548 Институтов Конфуция и более 1193 Классов Конфуция (дочерних программ начальной и средней школы)²⁸³.

К 2013 г. в России функционировали 19 Институтов Конфуция и 4 Школы Конфуция, расположенных в Москве, Санкт-Петербурге, Благовещенске, Владивостоке, Волгограде, Иркутске, Казани, Новосибирске, Рязани, Томске, Улан-Удэ, Ярославле и других городах. К этому времени в Российской Федерации свободно владели китайским языком более 59 тыс. чел., более 22 тыс. студентов очной формы обучения изучали китайский язык в ведущих вузах. Значительная роль в популяризации китайского языка в России принадлежала Институтам Конфуция.

За рассматриваемый период количество Институтов Конфуция в России и их основные функции оставались неизменными. Вместе с тем произошли значимые институциональные изменения, касающиеся механизмов распространения китайского языка как в мире, так и в России.

²⁸³ Петрунина Ж.В. Международное сотрудничество Китая в сфере высшего образования в XXI веке // В кн.: Образование в КНР и КНДР: перспективы для России. Благовещенск, 2023. С. 18.

6 июля 2020 г. Министерство образования КНР объявило об упразднении Штаб-квартиры Института Конфуция и Ханьбань. Функции Ханьбань передавались Центру языкового образования и сотрудничества и Китайскому международному фонду образования. Наименование "Ханьбань", которое ранее использовалось за рубежом для обозначения Канцелярии по распространению китайского языка, было упразднено. Право на использование бренда «Институт Конфуция» было передано Китайскому международному фонду образования.

Китайский международный фонд образования переходил в подчинение непосредственно Министерству образования КНР. Основная цель фонда оставалась прежней — развитие сотрудничества с зарубежными странами в области изучения китайского языка и знакомства с китайской культурой.

Возникла неопределенность в отношении механизмом двустороннего взаимодействия. Если ранее российский вуз заключал соглашение о сотрудничестве с китайским вузом о создании Института Конфуция и это соглашение утверждалось в Ханьбань, то теперь российскому вузу необходимо было перезаключать соглашение, но уже напрямую с вузом-партнером. При этом возникают опасения по поводу сохранения финансирования и достаточного для его функционирования объемов этого финансирования. Предполагается, что китайские вузы-партнёры создадут в своих вузах отдельные подразделения или рабочие группы, которые будут заниматься вопросами Институтов Конфуция, являясь их учредителями.

Произошла некоторая корректировка в направлениях деятельности Институтов Конфуция. Отныне Институты Конфуция не занимаются информированием обучающихся о внутренней и внешней политике Китая. Их деятельность направлена на удовлетворение интереса к изучению китайского языка, углубление знаний о культуре Китая, развитие культурно-образовательного обмена между странами, укрепление дружеских связей и продвижении мультикультурного взаимодействия. Основными задачами в деятельности Китайского международного фонда образования являются:

создание условий для развития международного преподавания китайского языка; разработка и совершенствование методик преподавания китайского языка иностранной аудитории, подготовка и адаптация учебников китайского языка для иностранной аудитории на разных континентах; поддержка преподавателей китайского языка, в том числе, и материальная; проведение международных экзаменов для преподавателей китайского языка; проведение экзаменов для определения уровня владения китайским языком иностранными студентами и обеспечение признания этих оценок.

Важным направлением деятельности Китайского международного фонда образования является создание специализированных классов для учащихся начальной и средней школы, где преподавание китайского языка учащимся будет совмещаться с преподаванием пения, каллиграфии, живописи с всемирно известными и популярными во всем мире традиционными китайскими боевыми искусствами, такими как ушу и тайцзицюань.

Появляется и новое направление в деятельности Китайского международного фонда образования — фонд предлагает организацию обучения китайскому языку сотрудников иностранных посольств и консульств, расположенных на территории Китая. Также теперь фонд организует международные образовательные проекты, такие как конкурс «Китай - это мост», учреждает стипендиальную программу «Новые исследования Китая» и стипендиальные программы.

Важно отметить, что Институты Конфуция таким образом, стремятся дистанцироваться от восприятия их как иностранных культурно-информационных центров, в которых ведется пропаганда в пользу Китая.

Деятельность Институты Конфуция подверглась существенной корректировке в период пандемии COVID-19. Образовательные центры «Институт Конфуция» стали шире использовать онлайн-формат при проведении занятий. Подобный подход соответствует «Десятилетнему плану развития информатизации образования (2011-2020 гг.)», принятому в Китае в 2011 г. План предлагал активизировать интеграцию технологий и образования,

использование новых методик и технологий обучения. С одной стороны, это позволило продолжить работу в условиях коронавирусных ограничений, а с другой – привело к сокращению невербального общения в аудитории и, как следствие, вызвало затруднения в изучении китайского языка у российских слушателей²⁸⁴.

В период своего бурного социально-экономического развития и выхода в лидеры мировой экономики, Китай, естественно заинтересован в восприятии себя мировым сообществом как позитивной силы, чья международная деятельность направлена на мирное развитие всех народов. Китай в этих целях заинтересован в расширении своего влияния, при этом он применяет мягкую силу, используя при этом такую площадку, как институты Конфуция. Однако, учитывая различные взгляды и отношение разных стран к конфуцианским школам, Китай разнообразит свои методы управления культурными и образовательными учреждениями, стремясь уделять внимание местным культурным традициям и особенностям.

Таким образом, модель продвижения китайского языка в России через Институты и Классы Конфуция является устоявшимся процессом, но его развитие напрямую зависит от реформы действующих китайских институтов. Создание Китайского международного фонда преподавания китайского языка и ЦЯОС в 2020 г., заменивших Ханбань, хотя и нацелено на уменьшение степени политизации имиджа этих центров, все равно создает определенную регулятивную неопределенность. Основной проблемой для университетов-партнеров является пересмотр соглашений и гарантий финансирования. Особенно это касается тех университетов, где китайские партнеры не входят в число учредителей нового фонда.

Стоит отметить, что в контексте России Институт Конфуция успешно дистанцировался от своего представления о нем как о культурном и

²⁸⁴ Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Перспективы интеграции научно-образовательного пространства приграничных территорий России и Китая //Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 2 (74). С. 48.

зарубежном информационном центре. Их правовой статус структурного подразделения российских университетов, ориентация на образование, а не на политическую или представительскую роль, а также отсутствие прямой поддержки со стороны российских государственных структур четко отличают их модель от британской.

Планы Китая по дальнейшему продвижению китайского языка в России будут зависеть от способности двустороннего научно-исследовательского и преподавательского сотрудничества адаптироваться к новой модели управления. Ожидается, что китайские университеты-партнеры усилят свою роль, создав внутренние рабочие группы, а ЦЯОС разработает новые проекты с большим потенциалом, ориентируясь на профессиональные и региональные потребности Российской Федерации. Наконец, несмотря на изменения в структуре, Институт Конфуция по-прежнему остается важным инструментом укрепления российско-китайских культурных связей.

3.4. Новые форматы для изучения китайского языка в РФ

Помимо реализации совместных государственных образовательных программ высшего образования Россия и Китай реализовывали ряд проектов в сфере дополнительного образования для студентов.

Данные проекты можно разделить на несколько категорий. Это, во-первых, летние и зимние школы. Во-вторых, программы индивидуальной академической мобильности. И в-третьих — деятельность общественных объединений (например, ассоциации университетов и форумы ректоров).

Особую популярность в рамках российско-китайского сотрудничества приобретают летние и зимние школы, которые можно разделить на две основные группы: двусторонние и многосторонние. К двусторонним относятся школы, организуемые совместно российскими и китайскими вузами, участие в которых принимают студенты и преподаватели обеих стран.

Многосторонние школы проводятся обычно в рамках международных организаций и предполагают участие слушателей из нескольких стран.

Двусторонние школы ориентированы на разные категории участников: студентов бакалавриата и магистратуры, аспирантов и ученых. Например, Дальневосточный федеральный университет ежегодно проводит две российско-китайские летние школы: «Мост дружбы: Владивосток – Янцзы»²⁸⁵ и «Россия – Дальний Восток»²⁸⁶. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы организует летние школы совместно с Пекинским университетом иностранных языков и Шаньдунским университетом в Вэйхае ²⁸⁷. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского совместно с Сычуаньским университетом успешно проводит Летние школы по изучению китайского и русского языков. Такие летние школы охватывают не только изучение языка, но и такие образовательные направления, как «Медицина», «Регионоведение» и «Экономика». Кроме того, организуются зимние школы, хотя их проводится заметно меньше.

В формате многосторонних школ можно выделить следующие: школы, проводимые в рамках международных организаций, и школы, организуемые российскими и китайскими вузами с участием преподавателей и слушателей из более чем двух стран. Примером может служить Международная летняя школа общественной дипломатии ШОС. Она проводится с 2013 г. и предназначена для руководителей неправительственных организаций стран-участниц, государств-наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС. Известные эксперты из разных стран читают участникам лекции, слушатели принимают

²⁸⁵ Международная летняя школа «Мост дружбы: Владивосток – Янцзи» // Официальный сайт Дальневосточного федерального университета. URL: <http://wwwold.dvfu.ru/web/international//mezdunarodnaa-letnaa-skola-most-druzby-vladivostok-anczi> (дата обращения: 10.05.2025).

²⁸⁶ International Summer School «Russia – Far East» // Official website of Far Eastern Federal University. URL: <https://www.dvfu.ru/international/international-summer-school-russia-far-east/> (дата обращения: 16.06.2025).

²⁸⁷ Международная деятельность на факультете гуманитарных и социальных наук // Официальный сайт РУДН. URL: <http://web-local.rudn.ru/web-local/fak/rj/index.php?id=7&p=178> (дата обращения: 16.04.2025).

участие в дискуссиях по современным проблемам общественной дипломатии, а также обмениваются опытом в сфере развития публичной дипломатии на примере ситуации в регионе.

С 2010 г. на базе Восточно-Китайского педагогического университета проводится Летняя школа для студентов стран-участниц и стран-партнеров по диалогу ШОС. Это еще один успешный пример многостороннего формата Летних школ. В числе преподавателей – как профессорско-преподавательский состав университета, так и российские специалисты, например, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН и руководитель департамента международных отношений и Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма Высшей школы экономики А. В. Лукин.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Фуданьский университет с 2014 г. проводят Международные летние школы БРИКС. Так, Летняя школа 2014 г. была посвящена актуальным вопросам сотрудничества в рамках БРИКС и глобальному управлению.

Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» совместно с Восточно-Китайским педагогическим университетом с 2011 г. проводятся Международные российско-китайские летние школы по международным отношениям. Лекции слушателям читали известные эксперты из России, Китая, а также из США и Испании. Тематика лекций – актуальные проблемы современных международных отношений: «Китай и Россия в условиях изменения соотношения сил в мировой экономике и политике», «Евразия 2020: перспективы сотрудничества», «Пространство и время в евразийскую эпоху», «Стратегии и ресурсы в XXI веке», «Ответственность человека и государства», «Роль институтов в новой архитектуре глобального управления» и др. Слушателям было предложено обсуждение глобальных вызовов, они могли обмениваться мнениями по актуальным проблемам современных международных отношений.

Кроме того, в рамках российско-китайского образовательного сотрудничества успешно реализуются программы индивидуальной академической мобильности, среди которых выделяются программы включенного обучения. Эти программы не предполагают заключение соглашений между вузами, а реализуются как академические обмены или по согласованию студента с руководством базового университета. Основная цель таких проектов – дать студентам возможность приобрести компетенции, предусмотренные национальной образовательной программой.

Программы включенного обучения не требуют длительного согласования учебных планов, поэтому широко применяются в сотрудничестве двух стран. В качестве примера можно назвать следующие:

- Совместные программы изучения китайского и русского языков между Национальным исследовательским Нижегородским государственным университетом имени Н. И. Лобачевского и Даляньским университетом иностранных языков и Сычуаньским университетом.

- Программа по направлению «Филология», реализуемая Белгородским государственным национальным исследовательским университетом совместно с Китайским нефтяным университетом.

- Сотрудничество Башкирского государственного университета с Наньчанским университетом.

- В Москве активно действуют программы включенного обучения, например, программа «Международные финансы», организованная Финансовым университетом при Правительстве РФ совместно с Центральным финансово-экономическим университетом (КНР)²⁸⁸.

Продвижению китайского языка в России способствуют и такие форматы, как ассоциации университетов России и Китая, а механизмами

²⁸⁸ Международные образовательные программы. Включенное обучение // Официальный сайт Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. URL: <http://www.fa.ru/dep/ic/programms/Pages/vkl.aspx> (дата обращения: 16.04.2025).

продвижения являются форумы ректоров высших учебных заведений обеих стран.

В сентябре 2014 г. «на заседании Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству китайская сторона предложила создать ассоциации филологических, авиационных и сельскохозяйственных вузов. Год спустя на XV заседании подкомиссии по сотрудничеству в сфере образования была высказана инициатива о создании Ассоциации вузов культуры»²⁸⁹. На 2025 г. было создано шесть ассоциаций: Ассоциация технических университетов России и Китая, Российско-Китайская ассоциация экономических университетов, Российско-Китайский союз педагогических вузов, Российско-Китайская ассоциация художественных университетов и Российско-Китайская ассоциация медицинских университетов. Помимо профилирования по направлениям, существует объединение университетов по географическому принципу — Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири Российской Федерации и Северо-Восточных регионов Китая²⁹⁰. Такая практика является эффективной и результативной, так как позволяет вузам-партнерам, членам ассоциации, напрямую разрабатывать совместные научно-образовательные программы и курсы, проводить коллективные исследования и организовывать совместные мероприятия.

Примером эффективности такого формата сотрудничества является Ассоциация технических университетов России и Китая. Она была основана в 2011 г. и является крупнейшей среди двусторонних объединений. В её состав входит около 37 вузов с обеих сторон. При её участии проведено более 30 различных мероприятий — это, как представляется, делает ассоциацию

²⁸⁹ Медяник Е.И. Российско-китайское университетское сотрудничество 1995-2016 гг.: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.15. Москва, 2017. 198 с.

²⁹⁰ На 25 заседании Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству подписан Протокол по сотрудничеству в области образования // Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/87463/> (дата обращения: 12.05.2025).

лидером среди профильных объединений по количеству организованных событий²⁹¹.

Эффективной является и деятельность Российско-Китайской ассоциации медицинских университетов. В 2025 г. возобновились очные Летние школы РКАМУ. Они собирают студентов из российских и китайских медицинских вузов — членов ассоциации. Эти школы пользуются популярностью. Причина в том, что они сочетают образовательные программы с насыщенной культурной и языковой составляющей. Кроме того, они предоставляют возможность налаживания личных контактов между молодыми медиками, которые нередко перерастают в долгосрочные дружеские связи²⁹².

Россия и Китай активно взаимодействуют в многосторонних университетских объединениях, одним из которых является Университетский Альянс нового Шелкового пути. Он был создан в мае 2015 г. и включает около 128 вузов из 31 страны. Перспективным проектом может стать Шэньчжэньская международная университетская лига городов-побратимов, основанная в 2014 г. и объединяющая 27 вузов из 13 стран²⁹³.

По данным на 2024 г., в 13 российско-китайских ассоциациях вузов в общей сложности состоят более чем 260 российских учебных заведения и более 370 китайских. С точки зрения географического охвата в российско-китайских ассоциациях представлены учебные заведения 29 субъектов КНР и 57 субъектов РФ²⁹⁴.

²⁹¹ В Китае прошел саммит АТУРК // Официальный сайт Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. URL: <http://www.ssau.ru/news/12799-V-Kitae-proshel-sammit-ATURK/> (дата обращения: 23.04.2025).

²⁹² Летние школы Российско-китайской Ассоциации медицинских университетов-2025 // Воронежская Государственная Медицинская Академия им. Н.Н. Бурденко. URL: <https://vrngmu.ru/news/2025-god/64542/?ysclid=men24vx6s9866327809> (дата обращения: 12.05.2025).

²⁹³ Shenzhen International Friendship-City University League // Official Website of Shenzhen International Friendship-City University League. URL: <http://www.sifcul.org/index.php?r=about/index> (дата обращения: 12.08.2025).

²⁹⁴ Гурулева Т. Л. Российско-китайское образовательное сотрудничество

Развитие ассоциаций вузов по отраслевому и географическому признакам создает прочную институциональную основу для дальнейшей интеграции образовательных систем России и Китая, стимулируя создание новых совместных программ и научных исследований. Можно ожидать, что данные форматы будут и далее расширяться и совершенствоваться, внося значительный вклад в укрепление гуманитарного сотрудничества и взаимопонимания между двумя народами.

Получили распространение и такая платформа для продвижения китайского языка в РФ как языковые центры, лучшими из которых в 2025 г. стали: Mandarin, Silk Way, Академия китайского языка, Евразия, Chinese First, НиХаоМа, Вокей Hutong. Большой популярностью пользовалась Академия китайского языка – специализированный учебный центр, начавший свою работу в 2029 г. Центр вырос из Института Конфуция МГУ имени М. В. Ломоносова. «Институт Конфуция МГУ» совместно с комитетом КНР разработал одну из лучших программ обучения китайскому языку. Программы были рассчитаны как для начинающих, так и желавших углубить свои знания китайского языка и получения разговорной практики. Курсы соответствовали международным стандартам, а занятия включают изучение «путунхуа» в форме игр, практику с носителями и упражнения по письму. Занятия проводились в утренних, дневных или вечерних группах численностью от 8 до 14 человек. Семестр — 96 академических часов. Полная программа была рассчитана на 384 аудиторных академических часа, но есть и более короткие курсы. Среди преподавателей были носители языка из Пекинского университета, Университета Фудань (Шанхай), Института Конфуция МГУ. Обучение было направлено на развитие правильной речи на путунхуа, знание иероглифики, изучение страноведения Китая. В результате студенты могли достигнуть уровня HSK3 по окончании базового курса, зная около 600 иероглифов. Центр дополнительно предлагал курсы: каллиграфии, живописи,

в пандемийный и постпандемийный периоды //Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 1. С. 140.

лекции по истории Китая, мастер-классы по культуре Китая, конкурсы и фестивали. Дополнительные возможности: академия организует стажировки, языковые лагеря в Китае.

Известный в Москве языковой центр «Евразия» работает с 2004 года и предлагает полный спектр услуг для всех, кто мечтает выучить китайский язык. Занятия проводились как в классах, так и по скайпу. На занятиях преподаватели использовали уникальную авторскую методику. Русскоязычный педагог закладывает основы, а носитель языка тренирует разговорную практику и ставит произношение. По окончании программы студенты получали сертификат. Школа сотрудничала с 27 международными компаниями и помогала найти стажировку обучающимся за границей. Самые способные студенты могут бесплатно отправиться в Китай на 2 недели.

В Школе восточных языков Mandarin School были разработаны курсы для предпринимателей, путешественников и будущих студентов вузов Китая. Занятия проводятся в очном и онлайн-формате. Здесь обучают правильному китайскому (мандарин). В школе работают опытные преподаватели, имеющие высшее педагогическое, лингвистическое или переводческое образование. Языковой центр сотрудничает с несколькими университетами из топ-30 вузов Китая. В школе ведется индивидуальная подготовка к международному экзамену Hanyu Shuiping Kaoshi, организовываются учебные поездки в Китай. Кроме того, центр проводит уникальный англо-китайский летний и зимний лагерь для детей с носителями языка. Каждый день ученики полностью погружаются в языковую среду: их ждут интерактивные занятия, тренинги по развитию гибких навыков, виртуальные путешествия и творческие мастер-классы.

Каждый обучающийся получал доступ к интерактивной онлайн-платформе, на которой можно заниматься после уроков, а также доступ к бесплатным разговорным клубам. Клубы организуют мероприятия, с помощью которых учащиеся практикуют язык в реальной жизни: студенты

посещают музеи, китайские рынки и кафе, смотрят фильмы и онлайн-трансляции на китайском.

В NovaSpeak также занятия ведут опытные китайские преподаватели, имеющие идеальное произношение. Предлагаются курсы для дошкольников, школьников и взрослых. В группах от 3 до 7 чел., так что у преподавателя есть время, чтобы подробно разобрать все правила с каждым учеником, исправить возникшие ошибки.

Известным также являлся центр SILK WAY, начавший свою работу в 2011 году. Программа курсов китайского языка разработана в сотрудничестве с Пекинским университетом языка и культуры и сообществом SILK WAY. Она включает шесть стандартных уровней владения китайским: от начального HSK1 до профессионального HSK6. Курсы рассчитаны на шесть лет: после их окончания можно научиться говорить по-китайски на уровне носителя языка. Центр также предлагал углубить знания и подготовиться к международному экзамену Hanyu Shuiping Kaoshi (HSK6). Также центр предлагал курсы общеразговорного китайского языка для тех, кто планирует трудоустройство или командировку в КНР или ведет бизнес с китайскими партнерами. В итоге, можно изучить бизнес-лексику и получить навыки делового общения. SILK WAY предлагал также курсы онлайн: самостоятельно изучать материалы на сайте и заниматься с преподавателем в формате видеозвонков. А для общения с другими учениками предлагается бесплатный разговорный онлайн-клуб.

С 2020-х гг. во все сферы человеческой жизни все активнее входит цифровизация. Цифровые технологии делают процесс обучения в дошкольных и школьных учреждениях, вузах доступным в любое время и в любом месте.

Сегодня китайская сторона предлагает большой спектр интересных и удобных площадок для изучения китайского языка, наиболее популярными являются следующие:

— онлайн-курсы и мобильные приложения. С их помощью можно выучить первые фразы, повторить лексику, потренировать произношение.

Некоторые — с участием носителей, другие — с элементами игры, как Duolingo или HelloChinese;

— языковые клубы и тандемы. Всё больше студентов с помощью Интернета находят себе партнёров в других странах: один помогает с китайским, другой — с русским;

— Культурные центры, Институты Конфуция в России и Русские дома в Китае организуют занятия, встречи, лекции, фестивали. Учить язык становится не обязанностью, а частью увлекательного путешествия в другую культуру;

— Гранты и стажировки. Государственные программы обеих стран поддерживают студентов и преподавателей, желающих учить язык — будь то краткосрочный курс или целый год в университете другой страны.

— Медиа и контент. YouTube, подкасты, стримы, кино, TikTok и даже китайские дорамы с субтитрами — всё это даёт возможность «слушать язык» и воспринимать его в естественном контексте.

Изучение китайского языка, языка Китая, основного стратегического партнера России в сложный, переломный момент — это не просто развитие китайско-российских политических, экономических отношений, это возможность совместных деловых проектов, научных исследований, культурных обменов, в конечном итоге, — дружбы между поколениями двух стран, как это уже было в китайско-российских отношениях.

Подводя итог главе, стоит отметить, что период с 2013 по 2025 гг. стал временем значительной трансформации в распространении и изучении китайского языка в России. Этот процесс эволюционировал от локальных инициатив отдельных учебных заведений до комплексной, системно выстроенной государственной политики, интегрированной в национальную образовательную стратегию. Его главная особенность заключается в проникновении на все уровни образования: от дошкольного, где важны игры и визуальные технологии, до высшего образования, где существует совместная программа получения двойного диплома. Вместе с этим

географический охват вышел за пределы приграничных районов Дальнего Востока, охватывая основные города и центры субъектов РФ, хотя все еще существует потенциал для расширения деятельности.

Важнейшим двигателем роста является поддержка двухпартийных институтов: Министерства образования и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, а также китайских структур, особенно сети Институтов Конфуция. В 2020 году, с созданием Китайского центра языкового образования и сотрудничества и Международного образовательного фонда, сеть Институтов Конфуция претерпела структурные и основательные реформы. Это не только помогает в изучении языка, но и помогает погрузиться в знакомство с культурой во время проведения различных мероприятий, конкурсов и олимпиад.

Одним из исторических событий стало повышение статуса китайского языка путем включения его в систему государственной аттестации (ЕГЭ и ГИА). Данный шаг со стороны России показал, что китайский язык становится важным для изучения, а также повысил спрос на его освоение. В то же время пандемия способствовала быстрой цифровизации образования, активному преподаванию онлайн-курсов, интерактивных форумов и цифровых образовательных материалов.

В высших учебных заведениях сложилась устойчивая модель российско-китайского образовательного партнерства, характеризующаяся широким спектром комплексных проектов ("2+2", "3+1" и др.) и широкий спектр дисциплин - от экономики и языков до технологий и естественных наук. Движущей силой сотрудничества являются университеты Дальнего Востока и Сибири, а также крупнейшие университеты Москвы и Петербурга.

Несмотря на достигнутый впечатляющий прогресс, по-прежнему существуют проблемы: нехватка квалифицированного преподавательского состава, отсутствие адаптированных учебников, высокая стоимость обучения и сложность языка для российских студентов. Однако общая тенденция показывает, что количество изучающих китайский язык неуклонно

повышается, благодаря углублению стратегического партнерства между Россией и Китаем. Распространение китайского языка в России стало одним из важных примеров развития и укрепления двусторонних отношений стратегического партнерства во благо народов обеих стран.

Таким образом, современный инструментарий распространения китайского языка имеет широкий набор форматов, который охватывает всех основных участников российско-китайского межкультурного взаимодействия и выходит за рамки традиционных совместных программ и деятельности Институтов Конфуция. Ключевыми инструментами этого взаимодействия стали летние и зимние школы, программы академической мобильности, а также создание тематических и региональных ассоциаций университетов. Эти инициативы предоставляют студентам и исследователям из обеих стран уникальные возможности для углубленного изучения языка, профессионального развития в различных областях знаний, межкультурного диалога и установления долгосрочных профессиональных и дружеских связей. Особенно важно, что сотрудничество развивается как на двусторонней, так и на многосторонней основе, в рамках таких объединений, как ШОС и БРИКС, что подчеркивает его стратегический характер и соответствие глобальным тенденциям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важность продвижения китайского языка в Российской Федерации в рамках стратегии мягкой силы Китая на период с 2001 по 2025 годы нельзя переоценить. Это явление отражает стремление КНР расширить свое влияние не только в экономической, но и в культурной и социальной сферах. Через распространение китайского языка Китай не только укрепляет свои позиции как ключевого партнера для России, но и создает благоприятные условия для взаимопонимания и сотрудничества между двумя странами.

Эволюция категории "сила" в теории международных отношений эволюционировала от ее изначального понимания в рамках парадигмы реализма к либеральной интерпретации и далее к ее осмыслению в работах Дж. Ная, отраженного в концепции "мягкой силы". Смена теоретического видения отражает глубокие изменения в мировой политике. Ввиду того факта, что в прошлом концепции военной мощи и материальных ресурсов охватывали современную науку, внешнеполитическая практика все больше фокусируется на таких органических факторах, как культура, ценности, институты и технологии. Хотя концепция "мягкой силы" подвергалась критике из-за теоретической неопределенности и отсутствия глобальных стандартов оценки, она стала важным аналитическим инструментом, который позволяет пересмотреть механизмы влияния государства и негосударственных субъектов. Она доказала, что привлекательность и убеждение часто более эффективны, чем прямое давление, а это значит, что они являются ключевыми компонентами более широкой внешнеполитической стратегии. В этом ее значение для научного авангарда и функции международных отношений.

Становление теории мягкой силы в китайской науке представляет собой сложный и многогранный процесс, прошедший путь от простого заимствования идей Джозефа Ная до формирования собственной, глубоко укорененной в национальном политическом и культурном контексте концепции. Изначально воспринятая через призму древнекитайской

философии, концепция «мягкой силы» в 1990-е гг. вызвала умеренный интерес у китайских исследователей, чьи работы в основном ограничивались комментированием и адаптацией тезисов американского политолога.

Значимым этапом является рождение оригинальной теоретической школы, которая создала поле для дискуссий вокруг "мягкой силы". Знаменитая "культурная школа" (Ван Хунин, Цзян Ципин, Яо, Сюй, Лу и др.) утверждает, что культура является ключевым элементом государственной власти, что полностью соответствует официальному политическому процессу периода Ху Цзиньтао и было указано в партийных документах как основа построения "Политическая школа" (Ян Сюэту, Су Чанхэ) была основана на подчеркивании ведущей роли государственной власти и политической воли как основы для реализации любого "мягкосилового" потенциала.

Разделение этих двух теорий было устранено с приходом к власти Си Цзиньпина, и на 19-м съезде Коммунистической партии Китая была создана новая синтетическая концепция «государственной культурной мягкой силы» (国家文化软实力). Лингвистический и семантический анализ термина показывает, что никакой координации нет, но основное внимание уделяется усилению роли государства как главного действующего лица, контролирующего, направляющего и распорядительного всеми инструментами и ресурсами "мягкой силы", включая образование и дипломатические документы.

История изучения китайского языка в России началась с деятельности Русской миссии Православной Церкви в Пекине и продолжилась уже в светских учебных заведениях (Кяхтинская гимназия, крупных университетах), которые, похоже, заложили прочную основу для его познания. Несмотря на сложные организационные вопросы и нехватку ресурсов, российская школа китаеведения добилась значительных успехов и воспитала таланты выдающегося ученого.

В настоящее время Институты Конфуция являются главной движущей силой этого процесса. Ниже приведен пример глобального продвижения своей

культуры и языка в качестве китайской "визитной карточки". Их деятельность направлена не только на преподавание языков, но и на формирование позитивного имиджа страны, углубление взаимопонимания между народами и создание благоприятных условий для всестороннего укрепления партнерства между Россией и Китаем. Неуклонный рост интереса китайцев к России является прямым результатом растущего экономического и политического влияния Китая на мировой арене. Это подчеркивает в поэзии тесную взаимосвязь между состоянием языка и мощью страны, которую он представляет.

Период 2001–2013 гг. стал важным этапом в интеграции китайского языка в систему российского дошкольного образования. Рост интереса к его изучению был обусловлен комплексом факторов, ключевыми среди которых являются стремительное экономическое развитие Китая и его усиливающаяся роль на мировой арене, а также углубление культурных и гуманитарных связей между Россией и КНР. Важную роль в этом процессе играет государственная политика распространения китайского языка и культуры за рубежом, и в основном это осуществляется через сеть конфуцианских институтов. Их деятельность, наряду с инициативами российских государственных структур, обеспечивает материально-техническую и методологическую поддержку образовательных учреждений, изменяет координацию научных исследований и закладывает основы для создания целостной языковой среды. При изучении китайского языка в этот период начали формироваться практические интерактивные навыки с использованием методов коммуникации, которые грамотно вошли в русло современного языкознания. Однако на пути к устойчивому развитию в этой области по-прежнему существуют некоторые проблемы, такие как нехватка квалифицированных преподавателей, нехватка материальных ресурсов в некоторых областях и продолжающееся понимание сложности языка. Несмотря на эту сложность, рассматриваемый период заложил прочную основу для формирования поликультурной и полиязычной образовательной

системы в России. Обучение в Китае больше не является чем-то необычным и пассивным и стало ключевой частью следующего поколения стратегий планирования карьеры и работы в условиях глобализации, предоставляя студентам новые возможности для ознакомления, взаимодействия и сотрудничества.

Изучение китайского языка в высших учебных заведениях в 2013-2025 гг. получило большое развитие. Основными участниками и двигателями данного роста стали вузы РФ и КНР, которые разрабатывали совместные образовательные программы, получившие по-настоящему большой географический размах и большой спектр специальностей. Установлено, что ключевыми драйверами сотрудничества выступили экономическая целесообразность, географическая близость (особенно роль провинции Хэйлуцзян и дальневосточных регионов России), а также растущий взаимный интерес к культуре и языкам двух стран.

Несмотря на доминирование экономических и технических специальностей, спектр совместных программ непрерывно диверсифицируется, охватывая такие области, как лингвистика, педагогика, искусствоведение, юриспруденция и даже редкие специализации, что свидетельствует об углублении и содержательном наполнении партнерства.

Географическое распределение программ демонстрирует определенную асимметрию, сконцентрированную на приграничных регионах, в то время как потенциал южных, более населенных и экономически развитых провинций Китая в сотрудничестве с Россией пока раскрыт недостаточно. Тем не менее, общее количество вовлеченных университетов с обеих сторон является сопоставимым, что указывает на взаимный и сбалансированный интерес.

Перспективы развития видятся в дальнейшем увеличении количества программ, особенно в магистратуре и аспирантуре, преодолении существующих административных и языковых барьеров, а также в расширении географии сотрудничества. Начало работы над совместными аспирантурами и программами двойного научного руководства открывает

новые возможности для углубленной научно-исследовательской коллаборации между ведущими университетами двух стран.

В целом, совместные образовательные программы стали не только эффективным инструментом подготовки высококвалифицированных кадров, владеющих языком и знакомых с культурой страны-партнера, но и важным элементом стратегического партнерства между Россией и Китаем, способствующим укреплению гуманитарных, научных и экономических связей.

Институт Конфуция является важной частью китайской культурной дипломатии и инструментом продвижения китайского языка в мире. Их деятельность развивается беспрецедентными темпами: за последние несколько лет они превратились в глобальную сеть, охватывающую десятки стран, включая Россию. Масштабное финансирование китайского правительства, поддержка университетов-партнеров и системный метод организации образовательных проектов позволили нам говорить о высокой эффективности институтов Конфуция как механизма распространения китайского языка и создания положительного имиджа Китая за рубежом.

Однако опыт организации и деятельности Институт Конфуция в России показал, что эффективность их работы неоднозначна. С одной стороны, данные организации обеспечили увеличение числа россиян, изучающих китайский язык, создали больше образовательных возможностей для студентов, пробудили интерес к китайской культуре и истории и способствовали гуманитарному сотрудничеству между двумя странами. С другой стороны, деятельность Институтов Конфуция также сопровождается рядом проблем: нехватка учебных материалов варьируется в зависимости от образовательной среды в России, влияние методов преподавания в Китае, зависимость от персонала, присланного из Китая, и частичное игнорирование Институтом принципов независимости российских вузов. Эти факторы определяют долгосрочное воздействие образования и повышают справедливость и независимость образовательных учреждений.

Становление и развитие китайского языка в дошкольных учреждениях и школах России является важным этапом в модернизации национальной системы образования. Начавшись как инициатива отдельных школ и культурных центров, преподавание китайского сегодня приобрело системный характер и охватило как столичные, так и региональные образовательные учреждения. Оно сопровождается не только языковой подготовкой, но и знакомством с богатым культурным наследием Китая, что играет значительную роль в формировании у детей межкультурной компетенции и уважительного отношения к традициям другой страны.

Модель продвижения китайского языка в России через Институты и Классы Конфуция является устоявшимся процессом, но его развитие напрямую зависит от реформы действующих китайских институтов. Создание Китайского международного фонда преподавания китайского языка и ЦЯОС в 2020 г., заменивших Ханбань, хотя и нацелено на уменьшение степени политизации имиджа этих центров, все равно создает определенную регулятивную неопределенность. Основной проблемой для университетов-партнеров является пересмотр соглашений и гарантий финансирования. Особенно это касается тех университетов, где китайские партнеры не входят в число учредителей нового фонда.

Стоит отметить, что в контексте России Институт Конфуция успешно дистанцировался от своего представления о нем как о культурном и зарубежном информационном центре. Их правовой статус структурного подразделения российских университетов, ориентация на образование, а не на политическую или представительскую роль, а также отсутствие прямой поддержки со стороны российских государственных структур четко отличают их модель от британской.

Планы Китая по дальнейшему продвижению китайского языка в России будут зависеть от способности двустороннего научно-исследовательского и преподавательского сотрудничества адаптироваться к новой модели управления. Ожидается, что китайские университеты-партнеры усилят свою

роль, создав внутренние рабочие группы, а ЦЯОС разработает новые проекты с большим потенциалом, ориентируясь на профессиональные и региональные потребности Российской Федерации. Наконец, несмотря на изменения в структуре, Институт Конфуция по-прежнему остается важным инструментом укрепления российско-китайских культурных связей.

Современный инструментарий распространения китайского языка имеет широкий набор форматов, который охватывает всех основных участников российско-китайского межкультурного взаимодействия и выходит за рамки традиционных совместных программ и деятельности Институтов Конфуция. Ключевыми инструментами этого взаимодействия стали летние и зимние школы, программы академической мобильности, а также создание тематических и региональных ассоциаций университетов. Эти инициативы предоставляют студентам и исследователям из обеих стран уникальные возможности для углубленного изучения языка, профессионального развития в различных областях знаний, межкультурного диалога и установления долгосрочных профессиональных и дружеских связей. Особенно важно, что сотрудничество развивается как на двусторонней, так и на многосторонней основе, в рамках таких объединений, как ШОС и БРИКС, что подчеркивает его стратегический характер и соответствие глобальным тенденциям.

Развитие ассоциаций вузов по отраслевому и географическому признакам создает прочную институциональную основу для дальнейшей интеграции образовательных систем России и Китая, стимулируя создание новых совместных программ и научных исследований. Можно ожидать, что данные форматы будут и дальше расширяться и совершенствоваться, внося значительный вклад в укрепление гуманитарного сотрудничества и взаимопонимания между двумя народами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ:

На русском языке:

Нормативно-правовые:

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем (16.06.2001) / Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DBqKA/content/id/576870 (дата обращения: 23.02.2024).
2. Конституция Российской Федерации. 12.12.1993. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Сайт Гос. Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 05.02.2024).
3. Концепция внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. / Министерство иностранных дел РФ: [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248. (дата обращения: 05.02.2024).
4. Протокол заседания подкомитета по научным обменам российско-китайского комитета дружбы, мира и развития. 29.06.2007. URL: <https://orkd.ifes-ras.ru/archive/2007/14.doc> (дата обращения: 23.11.2024).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 октября 2016 г. No 2309-з «О подписании Соглашения об учреждении и функционировании Университета Шанхайской организации сотрудничества» / Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/25163/> (дата обращения: 23.11.2024).
6. Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования. 09.11.2006. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902029769> (дата обращения: 06.10.2024).

7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации (03.11.2003). URL: http://минобрнауки.рф/министерство/68/файл/914/МС_Образование.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве от 18 декабря 1992 г. / Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://archive.mid.ru/BDOMP/spd_md.nsf/0/C3B48D53D849FABF43257FE10046A89B (дата обращения: 06.10.2024).

9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях. 26.06.1995. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499089321> (дата обращения: 23.11.2024).

10. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. / Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

11. Указ Президента Российской Федерации от 21.06.2007 г. «О создании фонда «Русский мир» / Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689> (дата обращения: 23.11.2024).

12. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в РФ» // Официальный сайт Министерства образования и науки РФ. URL: http://минобрнауки.рф/документы/2974/файл/1543/12.12.29-ФЗ_Об_образовании_и_в_Российской_Федерации.pdf (дата обращения: 23.11.2024).

Делопроизводственные:

13. Всероссийская олимпиада школьников. Требования к организации и проведению регионального этапа всероссийской олимпиады школьников в 2025/26 учебном году по китайскому языку. URL:

<https://www.minobrchr.ru/bitrix/мс/Требования%20к%20РЭ%20ВсОШ%202025-26%20китайский%20язык.pdf?ysclid=mnvbu1zfmp472461684> (дата обращения: 18.08.2025).

14. Всероссийская олимпиада школьников по китайскому языку 2024–2025 уч. г. Региональный этап. 9–11 классы. URL: <https://lensky-kray.ru/uploads/ВсОШ%202024%202025/.pdf?ysclid=mnvc1gp2te356711388> (дата обращения: 18.08.2025).

15. Информация о деятельности Общества российско-китайской дружбы в 2011 году. Сайт Общества российско-китайской дружбы. URL: http://orkd.ifes-ras.ru/uploads/attach/2012/orkd_2011_itogi.pdf (дата обращения: 18.08.2025).

16. 20-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. 16.09.2019. URL: <http://government.ru/news/37873/> (дата обращения: 03.03.2025).

17. Основные направления политики РФ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. 18.12.2010. URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/nsosndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/fd3aa5ccb0c5f96b442579ec004ec849!OpenDocument> (дата обращения: 10.02.2025).

18. Отчет о гуманитарных обменах в рамках инициативы Пояса и Пути (на основе больших данных) // Сост. группа по написанию отчетов в сфере гуманитарных обменов на основе больших данных. Далянь: Изд-во Даляньского политехнического университета, 2018. 104 с.

19. Программа мероприятий Года России в Китае 2006 г. Сайт Общества российско-китайской дружбы. URL:http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?page=china_year (дата обращения: 10.02.2025).

20. Распоряжение Губернатора Приморского края от 23 декабря 1996 г. N 1422-р «О создании комиссии по работе пунктов пропуска на российско-китайской границе в целях развития приграничного туризма». URL: <https://base.garant.ru/30101591/> (дата обращения: 21.04.2025).

21. Русский язык в Китае // Информационный портал Фонда «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/media/magazines/article/141756/> (дата обращения: 21.02.2025).

22. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. 30.06.2005. // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3660> (дата обращения: 10.10.2025).

23. Совместная Российско-Китайская декларация. 25.04.1996. // Дипломатический вестник, № 5, май 1996, С. 18-26.

24. Сотрудничество России и Китая в области образования / Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://минобрнауки.рф/м/новости/5691> (дата обращения: 20.01.2025).

25. Сотрудничество России и Китая в области образования / Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: <http://минобрнауки.рф/м/новости/5691> (дата обращения: 20.01.2025).

26.

27. Укрепление позиций русского языка. / Официальный сайт Российского культурного центра в Пекине. URL: <http://chn.rs.gov.ru/ru/activities/94> (дата обращения: 22.02.2025).

28. Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016-2020 гг. URL:

<http://government.ru/media/files/UdArRuNmg2Hdm3MwRUwmdE9N3ohepzpQ.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).

Публицистические:

29. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров от 25 июня 2016 г. / Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52273> (дата обращения: 11.10.2025).

30. Путин В.В. Приветственная речь на церемонии открытия Года китайского туризма в России// Сборник статей по материалам китайско-российского туристического форума-2013. Китайская академия туризма. Китайско-российский центр комплексного стратегического сотрудничества и совместных инноваций. Ассоциация туризма Мир без границ. Пекин: Изд-во: Туристическое образование. 2014. 5 с.

31. Си Цзиньпин. Приветственная речь на церемонии открытия Года китайского туризма в России// Сборник статей по материалам китайско-российского туристического форума -2013. китайская академия туризма. Китайско-российский центр комплексного стратегического сотрудничества и совместных инноваций. Ассоциация туризма «Мир без границ». Пекин: Издательство Туристическое образование. 2014. 3 с.

32. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия от 27 сентября 2010 г. / Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/supplement/719> (дата обращения: 12.12.2025).

33. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. 04.02.2022. / Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 04.02.2025).

34. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 05.06.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 30.03.2025).

35. Совместное коммюнике по итогам седьмой регулярной встречи глав правительств России и Китая от 22 августа 2002 г. (г. Шанхай) // Сборник российско-китайских документов. 1999-2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 204-211.

36. Экзамен на знание китайского. Интервью с вице-премьером правительства РФ О.Ю. Голодец / РГ. URL: <https://rg.ru/2015/12/11/kitayskiy-yazik.html> (дата обращения: 12.02.2025).

37. Я угадал с выбором русского языка. Интервью с генеральным консулом КНР в Хабаровске Го Чжицзюнем / ИА Хабаровский край сегодня. URL: <https://todaykhv.ru/news/policy/10977/> (дата обращения 26.03.2025).

Статистические:

38. Въезд иностранных граждан в РФ / Федеральная служба государственной статистики России. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38479> (дата обращения: 27.01.2025).

39. Выезд граждан России / Федеральная служба государственной статистики России. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480>(дата обращения: 27.01.2022).

40. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/> (дата обращения: 03.03.2025).

ЛИТЕРАТУРА

на русском языке:

38. Алферова, Н. Русско-китайские браки в приграничном пространстве РФ- КНР / Н. Алферова, В.С. Морозова // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы III Международной научно - практической конференции. - Чита: ЧитГУ, 2011. С. 294-300.

39. Абрамов, В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения / В.А. Абрамов. - М.: Восточная книга, 2010. 240 с.

40. Агеева, В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Агеева Вера Дмитриевна. - СПб., 2016. - 28 с.

41. Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX– XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 450 с.

42. Афонасьева, А.В. Инновационные компании реэмигрантов в КНР / А.В. Афонасьева // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: к 100-летию Синьхайской революции: Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М.: ИДВ РАН, 2022. - С. 160-175.

43. Бедарева Н.И. Дипломатия партнерства КНР: уровни партнерских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 114-125.

44. Бедюх, М.С. Политика «мягкой силы» Китая в Центральной Азии / М.С. Бедюх, Д.В. Буяров // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы: материалы VII Междунар. науч.-практич. конференции (Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 15-20 мая 2013 г.) / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: БГПУ, 2013. С. 135-138.

45. Бельченко А. С. Деятельность Институтов Конфуция в Российской Федерации. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2010. №1. С. 65-74.

46. Бергер, Я.М. О стремлении к глобальному лидерству в сравнительных оценках совокупной национальной мощи Китая / Я.М. Бергер // Доклады ИДВ РАН - 2010. - М.: ИДВ РАН, 2011. С. 6-73.

47. Бернюкевич Т.В. Компаративистский подход в исследованиях религии: учеб. Пособие. Чита: ЗабГУ, 2016. 133 с.

48. Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №2 (34). С. 108-114.

49. Богатуров А.Д. Китайский угол в миросистемном управлении //Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 85-95.

50. Богданова Р.И. Проект «Красный маршрут» как реализация туристского потенциала г. Ульяновска. // Инновационная наука. 2016. 14. № 4. С. 129-130.

51. Боровская, Н.Е. Россия и Китай на рынке образовательных услуг КНР: соперничество или соразвитие / Н.Е. Боровская // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М.: ИДВ РАН, 2013. С. 151-154.

52. Борисов А.В. Гуманитарные усилия России: к вопросу оптимизации //Вестник ученых-международников. 2022. № 2 (20). С. 121-135.

53. Бояркина А.В. Язык и культура Китая как эффективные инструменты «Мягкой силы» в реализации внешней политики КНР. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 115-118.

54. Бу Р. Х. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики Китая на примере сопряжения ЭПШП и ЕАЭС: дис. ...кандидата политических наук. Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» СПб.2022. 406 с.

55. Будыкина В.Г., Ильиных Е.О. Туризм в КНР. Виды и особенности развития //Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2021. № 1 (21). С. 67-70.

56. Валеев Р.М., Касимова А.Р. Российско-китайские культурные связи (1990-2000-е гг.). // Вестник КазГУКИ. 2013. № 3. С. 151-156.
57. Ван Жэнгуо. Взаимоотношения России и Китая в сфере режиссерского искусства в 30-80-е годы XX века // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2018. №1. С. 34-35.
58. Ван Ли, Баранова И.И. Совместные образовательные программы китайских университетов и российских вузов: состояние, тенденции и перспективы. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 1. С. 134-141.
59. Ван Шо. Институт Конфуция как инструмент культурной дипломатии Китая (2004-2017 гг.): дисс. ...кандидат ист. наук: 07.00.15. М. 2018. 185 с.
60. Васецова Е.С., На Ч. Оценка "мягкой силы" КНР в работах российских и китайских ученых: сравнительный анализ // Международная жизнь. 2022. № 5. С. 90-97.
61. Вертяшкина А.В. Международное сотрудничество музеев на примере проекта "Музеи вне границ". В сборнике: Время Музея. Сборник статей. Калининград, 2020. С. 173-179.
62. Верченко А.Л. Быт, нравы, традиции Китая // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «ФОРУМ». 2014. С. 378-394.
63. Виноградов А.В. "Однополярная Азия": китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 23-32.
64. Виноградов А.В. Вступая во второе столетие. КПК: от экономических реформ к политическим // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 5-12.
65. Виноградов А.В. Евразийская ось Москва - Пекин: вызовы и уровни взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 20-33.

66. Внуков К. Год России в Китае и Год Китая в России – две половины единого целого. // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1. С. 33-37.
67. Воскресенский А.Д. Подъем Китая и его влияние на мировой и региональные порядки: сравнительный анализ. материалы круглого стола Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 97-122.
68. Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места //Сравнительная политика. 2020. Т.11. № 4.С. 5-26.
69. Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектоника, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта //Сравнительная политика. 2021.Т.12. № 3. С. 5-20.
70. Воскресенский А.Д. Что такое для нас Китай? предисловие к специальным номерам: "Китай как глобальный фактор: сравнительный анализ вариантов ответов" и "современные международные отношения: теория и практика сравнительного анализа ответов на внешние и внутренние вызовы // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 5-8.
71. Гатауллина С.Ю. Глобальные вызовы современности и развитие туризма между Российской Федерацией и КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества материалы VI международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; Благовещенский государственный педагогический университет; Институт Конфуция в БГПУ. Благовещенск: БГПУ, 2016. С. 252-254.
72. Горлова И.И. Культура как мягкая сила: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. №18. С. 268-272.
73. Гочэн Чжао. Культурное взаимопознание Китая и России основывается на желании и стремлении народов двух стран // Инфо ШОС. 28.06.2012. URL: <http://www.infoshos.ru/?idn=10126> (дата обращения: 03.03.2025).

74. Грачиков Е.Н. дипломатия КНР: контекст академического дискурса //Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 33-41.
75. Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект-Пресс, 2021. 304 с.
76. Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 1. С. 7-24.
77. Грачиков, Е.Н. Внешняя политика Китая: генезис идентичностей и стратегий // Новые аспекты социально-политического развития КНР. 2015. Выпуск 22. Часть 2. С. 47-57.
78. Гурулева Т.Л., Ваньци Ло. Российско-китайское образовательное сотрудничество в пандемийный и постпандемийный периоды //Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 1. С. 128-150.
79. Гурулева Т.Л. языковая политика КНР на современном этапе (2021-2024 гг.): основные направления и особенности реализации //Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 4. С. 169-184.
80. Гурулева Т. Л. Типология речевых ошибок при порождении высказывания на китайском языке //Язык и культура. 2024. № 67. С. 148-168.
81. Гурулёва Т.Л.
82. "Мягкая сила" китайского образования в России //Азия и Африка сегодня. 2020. № 1. С. 4-9.
83. Гурулева Т.Л. Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации. // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 12. С. 93-103.
84. Гурулева Т.Л. Модель системы образования Китая после XX съезда КПК //Современное педагогическое образование. 2023. № 10. С. 22-25.
85. Гурулева Т.Л. Университеты КНР: современное состояние и стратегия глобального развития до 2035 года //Вестник Волгоградского

государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 185-197.

86. Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений. // Высшее образование в России. 2019. № 4. С. 108-123.

87. Гусевская Н.Ю. Экспорт российского образования в современных реалиях: проблемы и перспективы // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 11. С. 23-27.

88. Гутенев М.Ю. Научная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 6. С. 119-127.

89. Данилов В.Д. Особенности китайского восприятия феномена "мягкой силы" // Международные отношения. 2019. № 1. С. 74-80.

90. Дацышен В.Г. "Соглашение об установлении побратимских связей...". Несостоявшийся проект в российско-китайских отношениях на региональном уровне. 1991 г. // Исторический архив. 2021. № 3. С. 189-194.

91. Дацышен В.Г. Дети и детство в советско-китайских отношениях в 1950-х годах // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 116-133.

92. Дацышен В.Г. Новосибирское отделение Общества советско-китайской дружбы и "политика мягкой силы" в 1980-х гг. в региональном измерении. В книге: Шелковый путь: историческое наследие и современное развитие. Второй Международный научный форум НГУ "Наследие". Новосибирск, 2020. С. 9-19.

93. Дацышен В.Г. Проблемы развития российско-китайского межрегионального сотрудничества в 1990-х годы на примере Новосибирской области и провинции Хэйлуцзян // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 138-152.

94. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 215–217.

95. Дивеева Г.А. Шанхайская национальная консерватория в 1920–1940-е гг.: К проблеме взаимодействия с традициями российского музыкального образования // Terra Humana. 2014. № 1. С. 137-140.

96. Донченко А.И. Развитие живописи в Пекине в начале XX века // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 39–50.

97. Ермакова А.Н. "Мягкая сила" как комплекс инструментов современной внешней политики КНР // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 4А. С. 41-49.

98. Журавлева Е.В. Система «мягкой силы» с китайской спецификой и ее особенности // Политические процессы в условиях смены экономической модели. 2016. С. 140-151.

99. Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В. Управление академической мобильностью как инструментом «мягкой силы» в современном Китае // Вестник университета. 2023. № 2. С. 166-173.

100. Иванов П.А., Петрунина Ж.В. Формирование межкультурной компетенции школьников через изучение истории российско-китайских отношений. В сб.: Актуальные вопросы преподавания общественных дисциплин в школе и в вузе. Материалы 10-й региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2025. С.11-15.

101. Исаев А.С. XIX Съезд КПК и российско-китайское сотрудничество в гуманитарной сфере. // Решения XIX Съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений. / Отв. ред. А.О. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 93-104.

102. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество в XXI в.: реконструкции и строительстве «156 производственных объектов в КНР в 1950-е годы» М.: Издательство «Весь мир». 2018. 608 с.

103. Кованова М. С. Взаимодействие России и Китая в образовательной сфере // Молодой ученый. 2021. № 1 (343). С. 123-126.

104. Козлов Л.Е. Культурная дипломатия как ресурс регионального развития //Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 1(40).С. 61-75.
105. Косолапов А.Б. IV Российско-китайский форум по приграничному туризму между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики. 14-15 октября 2014 г. Сборник статей. Владивосток. 2014. 242 с.
106. Косякина А.С. Российский подход к концепции “мягкой силы” Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63-75.
107. Кривохиж С.В., Соболева Е.Д. Большая нарративная игра: многоуровневая система трансляции стратегических нарративов КНР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20. № 1. С. 75–88.
108. Кривохиж С.В., Теленьга М.П. Трансформация цифровой дипломатии в условиях новых вызовов: взгляд из Вашингтона и Пекина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 143-152.
109. Кузнецов Д.В. "Красный туризм" в Китае //Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2022. № 1 (12). С. 489-498.
110. Кузнецов Д.В. "Острая сила" в современном политическом дискурсе стран Запада и внешняя политика России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 145-159.
111. Куликова Г.В. //Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24. № 24. С. 39-68.
112. Куликова Г.В. Страницы истории: российско-китайские отношения и народная дипломатия (1949-1989 гг.) //Китай в мировой и региональной политике. история и современность. 2021. т. 26. № 26. с. 396-419.
113. Ларин В.Л. Китайская повестка мировой политики XXI века //Российское китаеведение. 2023. № 1 (2). С. 14-34.

114. Ларин В.Л. Россия в планах и программах приграничных территорий Китая//Мировая экономика и международные отношения. 2021.Т.65. №12.С. 5-14.

115. Ли Минфу. «Мягкая сила во внешней политике Китая в XXI веке». // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2-2 (14). С. 39-42.

116. Ли Мэнлун. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество в XXI в.: тенденции и перспективы: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.15. М. 2018. 190 с.

117. Ломанов А.В. Неоконсерватизм с китайской спецификой //Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 4. С.17-31.

118. Лузянин С.Г. Настоящее и будущее российско-китайских отношений //Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 2. С. 113-119.

119. Лузянин С.Г. Российско-китайские "границы" безопасности. Что означает пекинское послание В.В. Путина и Си Цзиньпина? //Азия и Африка сегодня. 2022. № 2. С. 5-13.

120. Лузянин С.Г. Российско-китайское партнерство образца 2021 года: глобальные, региональные и двусторонние измерения // Российско-китайские исследования. 2021. Т. 5. № 3. С. 151-159.

121. Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики //Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71-89.

122. Лукин А.В. Россия и Китай в большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46-59.

123. Мамшанова Н.И. Институты Конфуция как механизм реализации политики "мягкой силы" // Ratio et Natura. 2022. № 2 (6). С. 54-58.

124. Медяник Е. И. Российско-китайское университетское сотрудничество 1995-2016 гг.: дис. ...кандидата исторических наук: 07.00.15. М., 2017. 198 с.

125. Медяник Е. И. Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров //Вестник РГГУ. Серия: Политология.

История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. 2018. № 1 (11). С. 68-85.

126. На Чжао. Роль "мягкой силы" в становлении КНР как глобального лидера // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 7 (71). С. 2118-2123.

127. Най, Джозеф С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. М.: Фонд социо-прогност. исслед. "Тренды", 2006. 221 с.

128. Наумов А.О., Положевич Р.С. Проблематика "мягкой силы" в китайском научном и общественно-политическом дискурсе: история и современность // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 74-82.

129. Никуленков В. В., Дацышен В. Г. История становления и инструменты народной дипломатии в советско-китайских отношениях в 1950-е гг. в обзоре документов Сибири и Дальнего Востока // Современная научная мысль. 2020. № 6. С. 121-127.

130. Образовательная миграция в современном мире: субъекты, стратегии, ценности: монография / М.М. Мчедлова [и др.]; отв. ред. М.М. Мчедлова. М.: РУДН, 2020. 356 с.

131. Павленко О.В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 6 (149). С. 53-67.

132. Песцов С.К. Стратегическое партнерство России и Китая: место и роль гуманитарного сотрудничества // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. Т. 29. № 4. С. 137 - 165.

133. Петрунина Ж. В., Иванов П.А. Формирование межкультурной компетенции школьников через изучение истории российско-китайских отношений. В сборнике: Актуальные вопросы преподавания общественных дисциплин в школе и в вузе. Материалы 10-й региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2025. С. 11-15.

134. Петрунина Ж.В. Дель Д.С. Влияние цифровых технологий на рекламу в сфере туризма: кейсы Владивостока и Даляня. В сб.: Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных с международным участием. В 2-х частях. Комсомольск-на-Амуре, 2025. С. 26-29.

135. Петрунина Ж.В. Шушарина Г.А. Результаты межъязыковых контактов России и Китая в исторической перспективе //Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2025. Т. 22. № 1. С. 35-41.

136. Петрунина Ж.В. Опыт и перспективы сотрудничества в сфере культуры в приграничных районах России и Китая в 2020-х годах //Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2025. № 8 (88). С. 49-55.

137. Петрунина Ж.В., Шушарина Г.А. Перспективы интеграции научно-образовательного пространства приграничных территорий России и Китая //Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 2 (74). С. 43-51.

138. Петрунина Ж.В. Международное сотрудничество Китая в сфере высшего образования в XXI веке. В кн.: Образование в КНР и КНДР: перспективы для России. Благовещенск, 2023. С. 9-60.

139. Петрунина Ж.В. Стратегия «Один пояс - Один путь» как катализатор изучения иностранных языков в Китае. В сб.: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы XI международной научно-практической конференции. Отв. редактор А.В. Друзяка. Благовещенск, 2021. С. 513-516.

140. Романова Е.А. Особенности развития российско-китайских отношений в области высшего гуманитарного образования в XXI веке на примере Института Конфуция РГГУ // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 1. С. 106-113.

141. Самуйлова В.А., Будникова А.С. Китайская стратегия «мягкой силы» высшего образования в сборнике: Молодежь и наука: шаг к успеху. Сборник научных статей 6-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, в 3-х томах. Курск, 2022. С. 240-242.

142. Саямов Ю.Н. Дипломатия городов и связи городов-побратимов как часть народной дипломатии и элемент международных отношений. В сборнике: Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты. международная научно-практическая конференция. Тюмень, 2021. С. 71-80.

143. Селезнева Н.В. Реорганизация Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань): судьба Институтов Конфуция //Проблемы дальнего Востока. 2021. №2. С. 166-176.

144. Се Фэнлин, Еланцева О.П. Институт Конфуция и его деятельность по распространению китайского языка и знаний о Китае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4 (51). С. 61-70.

145. Семенов А.В., Цвык А.В. "Общее будущее человечества" в дипломатическом дискурсе Китая //Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 6. С. 109-124.

146. Сорокина Е.М. Культура как инструмент внешней политики КНР //Век глобализации. 2022. № 4 (44). С. 167-177.

147. Стародубцева Н.С. К вопросу о сотрудничестве музеев России и Китая. В сборнике: Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах - важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. Международная научная конференция. Сборник научных трудов: в 2 ч. Омск, 2021. С. 47-53.

148. Сунь Чжичжэн Китайские идиомы // Пер. с кит. Жмак А.С. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. 279 с.

149. Сюн Лэпин. Высшее образование как инструмент «мягкой силы» России и Китая: дис. ...канд. полит. наук: 23.00.04. М. 2018. 191 с.
150. Тянь Ч. Тенденции культурной политики Китая и России и их влияние на партнерство двух стран // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 1. С. 16-19.
151. Фокин В.И. Участие представителей культуры стран Северной Европы в деятельности международных творческих организаций в 20-30-е гг. XX в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2023. № 24 (1-2). С. 145-161.
152. Фокин В.И., Эльц Е.Э. Музеи в культурной дипломатии России и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т.18. №4. С. 865-882.
153. Фэн С. Исследование имиджа Китая в России // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 3А. С. 129-136.
154. Ху Чжиюань, Емельянова И.Е. Методы и стратегии обучения китайскому языку русских детей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 261.
155. Цвык Г. И. Продвижение русского языка в КНР как инструмент культурной дипломатии Российской Федерации в 2001-2017 гг.: дис. ..канд. ист. наук: 07.00.15. М., 2018. 157 с.
156. Цзо Чжэньгуань. Русские музыканты в Китае. Санкт-Петербург: Композитор, 2015. 334 с.
157. Цыганков А., Цыганков П. Теория международных отношений и образ желаемого завтра // Международные процессы. 2019. № 2(57). С. 8.
158. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Глобальность и самобытность в теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 7-16.
159. Черных С. Методы "мягкой силы" в политике и экономике // Общество и экономика. 2023. № 1. С. 27-36.

160. Чернышкова А.А. Города-побратимы России и Китая: основные направления сотрудничества. В сборнике: Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты. международная научно-практическая конференция. Тюмень, 2021. С. 81-86.

161. Чжан С. Теоретические и практические аспекты формирования странового бренда: опыт Китая // Современная молодежь и общество. 2022. № 10. С. 43-48.

162. Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун Русское дворянство и восточноазиатская культура в Шанхае (1917-1949) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 160-174.

163. Чжочао Ю. "Красный туризм" как основное направление сотрудничества в области туризма между Китаем и Россией // Постсоветский материк. 2019. № 4 (24). С. 94-106.

164. Шохина Ю.О. «Мягкая сила» КНР: теоретические и практические аспекты. В сборнике: Россия - Восток: пространство культурно-экономических коммуникаций. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2022. С. 150-158.

165. Шулунова Е.К. Негосударственные театры в современной театральной культуре Китая // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2022. Т. 1. № 10. С. 222-240.

166. Шулунова Е.К. Сценическое искусство Китая после изоляции // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 167-174.

167. Шулунова Е.К., Суходольская Л.Л. Театральные связи в рамках культурного сотрудничества России и Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2019. С. 174-179.

168. Эпова Н.Р., Козырская И.Е. Российско-китайские проекты как основа развития сотрудничества в сфере туризма // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31. № 3. С. 363-373.

на китайском языке:

154. 赵毅. 世界大国（地区）文化外交·中国卷 [Чжао И. Всемирная культурная дипломатия, Китай]. Р.: World Knowledge Press. 2014. 287 с.
155. 程敏. 世界大国（地区）文化外交·俄罗斯卷 [Чен Мин. Всемирная культурная дипломатия, Россия]. Р.: World Knowledge Press. 2014. 195 с.
156. 王海运. 新世纪的中俄关系 [Ван Хаймин. Китайско-российские отношения в новом веке]. Шанхай. 2015. 473 с.
157. 季志业、冯玉军. 俄罗斯发展前景与中俄关系走向 [Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Перспективы развития России и тенденции китайско-российских отношений]. Пекин: «Шишин». 2016. 401 с.
158. 孙文广. 中苏关系始末 [Сунь Вэньгуан. Китайско-советские отношения от начала до конца]. Шанхай. 1998. 709 с.
159. 阎学通. 俄罗斯可靠, 啊? [Янь Сюэтун. Надежна ли Россия?] // 国际经济评论. 2012. № 3. С. 21-25.
160. 门洪华. 中国国际战略导论 [Мэнь Хунхуа. Введение в китайскую международную стратегию]. 北京: 清华大学出版社. 2010. 321 с.
161. 王逸舟. 中国外交事特色 [Ван Ичжоу. Десять отличительных особенностей китайской дипломатии]. // 世界经济与政治. 2008. №5. С. 34-51.
162. 刘德斯. 苏联解体后的中俄关系 [Лю Дэси. Китайско-российские отношения после распада СССР]. 哈尔滨: 教育背景. 1996. 251 с.
163. 王树春, 赵昕. 中俄关系的经济开发战略研究 [Ван Шучун, Чжао Синь. Исследование стратегии экономического развития китайско-российских отношений]. 北京: 经济出版社. 1998., №2. С. 34-51.
164. 王绍兴. 中俄改革及其对外政策研究 [Ван Шаосин. Китай и Россия: реформы и внешняя политика]. 济南: 友谊. 2000. 498с.
165. 陆南泉. 关于俄中战略伙伴关系的发展 [Лу Наньцюань. О развитии стратегического партнерства между Россией и Китаем] // 西北大学学报. 2000. №12. С. 45-51.

166. 王旭. 中俄关系的现状和前景 [Сю Куй. О состоянии и перспективах российско-китайских отношений]. 北京:东欧中亚研究. 1996. 241 с.
167. 苏格: “习近平外交战略思想全面领航” 载 国际问题研究 2016 第 5 期 [Су Гэ. Всесторонний анализ идей Си Цзиньпина о дипломатических стратегиях. Международные исследования, 2016, № 5. (In Chin.). URL: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2016-09/26/content_9057017.htm (дата обращения: 30.04.2021).
168. 孙学峰, 丁鲁. 伙伴国类型与中国伙伴关系升级 [Сунь Сюэфэн, Дин Лу. Классификация стран-партнеров и эволюция системы «партнерских отношений» в китайской внешней политике] // 世界经济与政治. 2017. № 2. С. 54-76.
169. 门洪华, 刘笑阳: 中国伙伴关系战略评估与展望 [Мен Хунхуа, Лю Сяоян. Стратегия партнерства с Китаем: оценка и перспективы] // 世界经济与政治, 2015, No. 2. P. 65-95.
170. 孙学峰, 丁鲁. 中国伙伴关系战略及其升级动因[Сунь Сюэфэн, Дин Лу. Стратегия партнерства Китая и предпосылки для ее развития] // 改革开放以来的中国与世界. 2018. № 1. P. 270-295.
171. 王逸舟. 中国外交事特色 [Ван Ичжоу. Десять отличительных особенностей китайской дипломатии]. // 世界经济与政治. 2008. №5. С. 34-51.
172. 刘德斯. 苏联解体后的中俄关系 [Лю Дэси. Китайско-российские отношения после распада СССР]. 哈尔滨:教育背景. 1996. 251 с.
173. 王树春, 赵昕. 中俄关系的经济开发战略研究 [Ван Шучун, Чжао Синь. Исследование стратегии экономического развития китайско-российских отношений]. 北京: 经济出版社. 1998., №2. С. 34-51.
174. 王绍兴. 中俄改革及其对外政策研究 [Ван Шаосин. Китай и Россия: реформы и внешняя политика]. 济南:友谊. 2000. 498 с.

175. 陆南泉. 关于俄中战略伙伴关系的发展[Лу Наньцюань. О развитии стратегического партнерства между Россией и Китаем] //西北大学学报. 2000. №12. С. 45-51.
176. 王旭. 中俄关系的现状和前景 [Сю Куй. О состоянии и перспективах российско-китайских отношений]. 北京:东欧中亚研究. 1996. 241 с.
177. 赵毅. 世界大国（地区）文化外交·中国卷 [Чжао И. Всемирная культурная дипломатия, Китай]. Р.: World Knowledge Press. 2014. 287 с.
178. 程敏. 世界大国（地区）文化外交·俄罗斯卷 [Чен Мин. Всемирная культурная дипломатия, Россия]. Р.: World Knowledge Press. 2014. 195 с.
179. 王海运. 新世纪的中俄关系 [Ван Хаймин. Китайско-российские отношения в новом веке]. Шанхай. 2015. 473 с.
180. 刘利民. 新中国俄语教育 60 年. [Лю Лиминь. Российское образование в новом Китае за 60 лет]. 上海外语教育出版社.2011. С. 90.
181. 季志业、冯玉军. 俄罗斯发展前景与中俄关系走向 [Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. Перспективы развития России и тенденции китайско-российских отношений]. Пекин: «Шишин». 2016. 401 с.; 孙文广. 中苏关系始末 [Сунь Вэньгуан. Китайско-советские отношения от начала до конца]. Шанхай. 1998. 709 с.
182. 劉德喜, 宋艷, 劉松斌。蘇聯解體後的中俄關係 [Лю Декси, Сун Янь, Лю Сонбинь.Китайско-российские отношения после распада Советского Союза]. 佛羅倫薩：太陽之象，1996. С. 171.
183. 许旻. 中俄文学交流悄然升温，当下如何重读经典“金库” [Сюй Ян. Литературные обмены между Китаем и Россией потихоньку накапливаются, как перечитывать корпус классических произведений в данный момент] // WHB.cn. 28.12.2019. URL: <http://www.whb.cn/zhuzhan/xinwen/20191228/311104.html> (дата обращения: 12.11.2025).

184. 陈建华. 二十世纪中俄文学关系 [Чэнь Цзяньхуа. Китайско-российские литературные отношения в 20 веке]. 北京: 高等教育出版社. 2004. P. 256.

185. 中俄文学关系: 普希金与中国 [Китайско-российские литературные отношения: Пушкин и Китай] / 外国语学院. 11.06.2021. 102 p.

186. 丛鹏、张颖. 战略视角下的中俄关系 [Цун Пэн, Чжан Ин. Китайско-российские отношения: взгляд со стратегической точки зрения]. 北京: 时事出版社. 320 с.

на английском языке:

187. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture (ed. by M. Featherstone). London. 1990. P. 296.

188. Arndt, R. The first resort of kings. American cultural diplomacy in the twentieth century. Washington, DC: Potomac Books. 2006. 322 p.

189. Bendett, S., Kania, E. A new Sino–Russian high-tech partnership // ASPI. 29 October 2019. <https://www.aspi.org.au/report/new-sino-russian-high-tech-partnership> (дата обращения: 30.03.2025).

190. Brzezinski, Z. The grand chessboard. American Primacy and Its -. Geostrategic Imperatives. Washington, 1997. 227 p.

191. Calvocoressi P. World Politics since 1945. 9th Edition, Pearson: Longman, 2000. 589 p.

192. Cummings, M. Cultural diplomacy and the United States government: a survey. Washington, DC: Center for Arts and Culture. 2003. 420 p.

193. German R.D., Kennedy M., Engaging Gramsci: International Relation Theory and the new Gramscians // Review of International Relation. 1998. P. 97-116.

194. Grove, T., Kurmanaev, A. A surprise winner from the US-China trade spat: Russian soybean farmers // The Wall Street Journal, 21 February 2019. URL:

<https://www.wsj.com/articles/russia-exploits-u-s-china-trade-tensions-to-sell-more-soybeans-11550745001> (date of access: 10.11.2025).

195. Huntington S. Clash of civilizations // Foreign Affairs. Summer 1993. P. 54-76.

196. Isar, Y.R. Cultural diplomacy: an overplayed hand? // Public diplomacy magazine. Winter 2010. № 3. URL: <http://publicdiplomacymagazine.com/cultural-diplomacy-an-overplayed-hand/> (date of access: 10.11.2025).

197. Kennedy P. Preparing for the twenty-first century, Publishing house: Random House, 1993. 348 p.

198. Kim S.S. China and the World: China foreign relations in the post- Cold war era. Boulder, Westview press, 1994. 286 p.

199. Kissinger, H. Diplomacy. N.Y., London.: Simon & Schuster, 1997. 432 p.

200. Lecours A., Moreno L. Paradiplomacy: A Nation-Building Strategy? A Reference to the Basque Country / The Conditions of Diversity in Multinational Democracies. Eds. A.G. Gagnen, M. Guibernau, F. Rocher. Montreal, 2003. 231 p.

201. Legarda, H. From marriage of convenience to strategic partnership: China-Russia relations and the fight for global influence // Mercator Institute for China Studies (Merics). Aug 24, 2021. URL: <https://merics.org/en/short-analysis/marriage-convenience-strategic-partnership-china-russia-relations-and-fight-global> (дата обращения: 30.03.2025).

202. Lord G.D. Laishun A., Jimenez J. Museum Development in China:

203. Understanding the Building Boom. London: Rowman & Littlefield Publishers, 2019.

204. Morgenthau H.J. Politics among Nation: The Struggle for Power and Peace. NY: Knopf. 1948. URL: <http://bookre.org/reader?file=1376274> (дата обращения: 10.02.2025).

205. Nye J. Soft Power: The Means To Success In World Politics: New York: Public Affairs, 2005. 191 p.

206. Nye, J.S. Jr. Born to lead. The changing nature of American power. New York, NY: Basic Books. 1990. P. 196.
207. Nye, J.S. Jr. The paradox of American power. Why the world's only super-power can't go it alone. New York, NY: Oxford University Press. 2002. P. 56.
208. Paschalidis, G. Exporting national culture: histories of cultural institutes abroad // International journal of cultural policy. 2009. Vol. 15 (3). P. 275–289.
209. Robertson R., Khondker H. Discourses of globalization: preliminary considerations // International Sociology. L. 1998. Vol. 13, № 1. P. 17-34.
210. Wu You. The Rise of China with Cultural Soft Power in the Age of Globalization // Journal of Literature and Art Studies. 2018. Vol. 8. № 5. P. 764–765, 769.
211. Sarah Jesse. Museum Education: China's Next Big Build-Out? // American Alliance of Museums. URL: <https://www.aam-us.org/2017/07/24/museum-education-chinas-next-big-build-out/> (дата обращения: 19.04.2025).
212. Scalapino R. APEC: and Current Pacific-Asian Scene. - Analysis, Seattle, No-era. - Survival, London, 1992, Vol. 34, No. 2. P. 15-25.
213. Shambaugh D. The insecurity of security: the PLA's evolving doctrine and threat perceptions towards 2000. // Journal of North-east Asian Studies, Washington, 1994, Vol. XIII, N 1. P. 23-42.
214. Starr D. Creating a world language: Chinese government policy and the Confucius institutes program viewed from a British perspective: paper of the conference: Rising China in the age of globalization. - London. 2007. 312 p.
215. Tadaki M., Tremewan C. Reimagining Internationalization in Higher Education: International Consortia as a Transformative Space? // Studies in Higher Education. 2013. Vol 38. № 3. P. 367-387.
216. Waters M. Globalizagao / M. Waters. Oeiras. 1999. P. 129.
217. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. 276 p.

218. Williams, R. State culture and beyond. In: L. Appignanesi, ed. *Culture and the State*. London: Institute of Contemporary Arts, 1984. Vol. 3. No. 5. P. 18-33.

219. Wu You. The Rise of China with Cultural Soft Power in the Age of Globalization // *Journal of Literature and Art Studies*. 2018. Vol. 8. № 5. P. 764–765, 769.

220. Chinese Characteristics? Multiple Comparative Case Studies of the Confucius Institutes // *Journal of Contemporary China*. 2019. Vol. 28. P. 118, 646–661.